

АЛЕКСАНДР ФОКИН

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

«КОММУНИЗМ НЕ ЗА ГОРАМИ»

Образы будущего
и власти и населения СССР
на рубеже 1950–1960-х годов

НАШИ ЦЕЛИ ЯСНЫ,
ЗАДАЧИ
ОПРЕДЕЛЕННЫ.

ЗА РАБОТУ, ТОВАРИЩИ!

«КОММУНИЗМ
НЕ ЗА ГОРАМИ»

Фокин Александр Александрович – кандидат исторических наук.
Родился в 1982 г. в г. Челябинске.
В 2004 г. окончил исторический факультет.
Обучался в аспирантуре под руководством И. В. Нарского. В настоящее время работает доцентом кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета.
2012 г. – стал победителем конкурса фонда Потанина для молодых преподавателей.
2014 г. – получил грант Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых.
2013 и 2017 гг. – получил грант Германского исторического института в Москве.
2017 г. – стал лауреатом «Карамзинской стипендии» Фонда Михаила Прохорова и РАНХиГС.

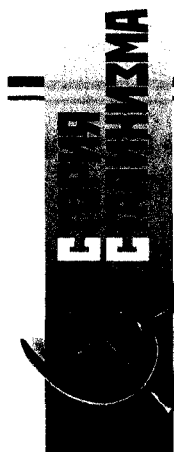
АЛЕКСАНДР ФОКИН

«КОММУНИЗМ НЕ ЗА ГОРАМИ»

**ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО
У ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ СССР
НА РУБЕЖЕ 1950-1960-х ГОДОВ**

РОССПЭН
Москва
2017

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),

Л. Виола (*Lynn Viola*),

А. Грациози (*Andrea Graziosi*),

А. А. Дроздов,

Э. Каррер д'Анкосс (*Hélène Carrère d'Encausse*),

В. П. Лукин,

С. В. Мироненко,

Ю. С. Пивоваров,

В. Пасат (*Valeriu Pasat*),

А. Б. Рогинский,

Р. Сервис (*Robert Service*),

Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),

А. К. Сорокин,

Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),

М. А. Федотов,

О. В. Хлевнюк

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)63

Ф75

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Еврейского музея и Центра толерантности*

Фокин А. А.

Ф75 «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов / Александр Фокин. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 223 с. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-2161-6

В монографии исследованы представления о коммунистическом будущем, выработанные в рамках официального дискурса и в сознании советских граждан. На основании широкого круга источников – официальных документов, материалов СМИ, художественных текстов, писем во власть и фольклора – выделен ряд образов «светлого будущего». Особое внимание уделено анализу III Программы КПСС, в которой провозглашался курс на «развернутое строительство коммунизма». Опираясь на широкий спектр методологических подходов, работа выходит за рамки политической истории, предлагая новый взгляд на историю КПСС и период рубежа 1950–1960-х гг.

Книга предназначена для специалистов-историков и для широкого круга читателей, интересующихся советской историей.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)63

ISBN 978-5-8243-2161-6

© Фокин А. А., 2017

© Политическая энциклопедия, 2017

ВВЕДЕНИЕ

31 октября 1961 г. XXII съезд КПСС принял III Программу КПСС. По странному стечению обстоятельств в этот же день, только через два десятилетия родился автор этой книги. Если верить тексту Программы, то я должен был родиться и жить в коммунистическом обществе. Сейчас это заявление может вызвать только грустную улыбку, как на открытке Владимира Белоброва и Олега Попова из серии «Упущенные возможности». III Программа КПСС в современной России является не самым актуальным документом советской эпохи и остается востребованным только узким кругом историков.

За короткий XX век в мире расцвели и угасти два «Великих нарратива»: фашизм и коммунизм. Хотя говорить об их полном исчезновении пока рано, поскольку активно действуют как ультраправые, так и левые силы. Тем не менее III Рейх и СССР, которые олицетворяли эти две идеологии, прекратили свое существование, что дало повод говорить о пресловутом «конце истории», поскольку альтернатив западной «демократии» не осталось и восторжествовал «презентизм». Вслед за Ж. Ф. Лиотаром утверждается скепсис по отношению к глобальным доктринам. Даже люди, причастные к созданию или поддержанию «Великих нарративов», начинают преподносить их как заранее неосуществимые проекты. Такая судьба постигла и проект «развернутого строительства коммунизма», который, наряду с насаждением кукурузы и освоением целины, стал негативным символом хрущевского десятилетия.

Клеймо утопии, которое наложили на Программу построения коммунизма, негативно отразилось на историографической судьбе данной темы. Так, крупный исследователь реформаторской деятельности Н. С. Хрущева Н. А. Барсуков одну из своих статей прямо называет «Коммунистические иллюзии Хрущева»¹, что сразу расставляет акценты в интерпретации материала.

¹ Барсуков Н. А. Коммунистические иллюзии Хрущева // Диалог. 1991. № 5. С. 75–83.

Мне более близка позиция, которую в своей книге высказывает антрополог Алексей Юрчак¹, выступающий против мысли о том, что идея социализма была ошибочной и безнравственной, и именно так социализм воспринимался большинством населения. Такую точку зрения автор объясняет особым расположением исследователей к советской системе как к объекту анализа, ибо они находились или за территориальным рубежом Советского Союза, или за хронологическим рубежом его существования. В результате такого внешнего расположения исследователи воспринимают постулаты западного либерализма как норму, а постулаты советского социализма как аномалию. Для преодоления такой ситуации, как и в случае с постколониальными исследованиями, необходимо сформировать новый исследовательский язык, основанный на этической точке зрения.

Подобный подход позволяет обозначить несколько проблем.

Первая проблема – неопределенность терминологических границ понятия «утопия». Уже отмечавшийся скепсис по отношению к глобальным проектам автоматически зачисляет их в разряд утопических. Если сегодня я напишу, что через 25 лет будут основаны колонии по добыче полезных ископаемых на Луне, то моя фраза будет восприниматься как верный прогноз или как утопическая фантазия в зависимости от того, будут построены такие колонии или нет. В значительной степени активная «утопизация» связана с тем, что гуманитарные дисциплины изучают нереализованные образы будущего. С одной стороны, это понятная позиция: реализованный образ будущего есть настоящее. С другой стороны, при изучении образа будущего исследователь отталкивается от собственной точки зрения. В любом гуманитарном проекте человеческий фактор играет существенную роль, но при «утопизации» он является определяющим, что приводит к нарушению исследовательской этики, поскольку происходит трансляция знания из современности в прошлое.

Большая советская энциклопедия определяет утопию как изображение идеального общественного строя, лишенное научного обоснования². Естественно, в момент написания статьи в энциклопедию подразумевалось, что научно обоснованный проект будущего общественного строя возможен только в рамках марксистско-ленинской идеологии, сейчас же именно «коммунизм» рассматривается как

¹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.

² Утопия // БСЭ. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/0082/88400.htm>

один из главных утопических проектов. «Идеальное» является одним из доминирующих при определении специфики утопии. Можно сместить акцент и сделать упор не на идеальный характер, а на принципиальную невозможность реализации проекта. Если некая идея при всей своей идеальности может быть реализована, то ее некорректно определять как утопию. Но если она не реализуется без сверхординарных допущений, то даже при ее неидеальности такая идея может быть рассмотрена как утопическая. К. Мангейм, анализируя идеологию и утопию, приходит к выводу, что и то и другое связано с представлениями, осуществление которых, с точки зрения их носителей, принципиально невозможно. Но идеология стремится к сохранению существующего порядка, а утопия направлена на его преобразование¹.

Для Ж. Дерриды существует разница между «l'avenir» и «le future» – «грядущим» и «будущим». Одно для него связано с определенностью, а другое – с непредсказуемостью. Соглашаясь с ним, предложим собственное развитие его идеи. Существует будущее, в реализации которого человек не сомневается, и есть будущее вероятностное. Например, подбрасывая монету вверх, человек не сомневается, что она упадет вниз. Вероятность обратного события в обычных условиях крайне низка, и человек ею пренебрегает. Но человек не знает, какой стороной монета упадет. Выбирая один из вариантов, он тем самым конструирует желательное будущее, то есть он знает, что монета может упасть другой стороной, но в его персональном грядущем монета падает нужной ему стороной.

Необходимо различать понятия «образ будущего» и «представление о будущем». Представление о будущем – это процесс, то есть динамическая структура, а образ будущего – сформированная и закрепленная в некоем корпусе текстов идея, а следовательно, структура статическая. Образ будущего – чрезвычайно важная категория: с древнейших времен и до наших дней люди ищут эффективные способы делать правильные прогнозы. Это могут быть методы как магического характера (гадание, транс, гороскопы), так и научного (прогнозы биржевых аналитиков, метеосводки). Люди не просто желают знать будущее, они активно им руководствуются. В неявном виде любое общество имеет собственную темпоральную идеологию, которая оказывает влияние на практическую деятельность.

¹ Мангейм К. Идеология и утопия. М., 2004.

Будущее конструируется из элементов личного или социально усвоенного опыта. Человек как элемент социума – это одновременно субъект и объект формирования социальной памяти, которая является хранителем социального прошлого. Сконструированное на основании прошлого представление о будущем определяет модусы поведения человека. Социальная память, как и природная, обладает способностью избирательно забывать некоторые факты прошлого. Потребности настоящего влияют на выбор элементов пережитого опыта, определяя образ социального прошлого. Прошлое, настоящее и будущее оказываются взаимосвязаны¹.

Если изучение будущего, которое будет реализовано, задача футурологов, то изучение идей футурологов зачастую происходит постфактум. В качестве альтернативы, необходимой для разграничения смысловых полей, можно ввести термин «футурография», который будет обозначать исследования, связанные с изучением образов будущего, в отличие от «футурологии», которая изучает будущее в его становлении.

Вторая проблема связана с особенностями изучения как всей советской истории в целом, так и хрущевского периода в частности. Часто к периоду рубежа 1950–1960-х гг., с легкой руки И. Эренбурга, применяют термин «оттепель». Недостаток этого публицистического определения заключается не только в том, что его очень сложно дифференцировать, например указать даты начала и конца, но прежде всего в самой сути понятия. Как правило, «оттепель» связывают с ослаблением тоталитарного режима в СССР после смерти И. В. Сталина: появилось больше свободы, расширились горизонты общественной жизни и т. д., то есть после «сталинских заморозков» наступила, пусть и кратковременная, но «хрущевская оттепель». Поскольку доклад Н. С. Хрущева о «культе личности» на XX съезде КПСС и последующая десталинизация являются одной из главных тем при изучении деятельности Никиты Сергеевича на посту первого секретаря, можно сказать, что как за Гамлетом видна тень его отца, так и в современной историографии за спиной Хрущева постоянно стоит тень «отца народов».

В изучении истории СССР существует огромный перекоп в сторону сталинизма. Оценивая чрезмерное увлечение Сталиным многих

¹ Данные вопросы затронуты в работах: Барг М. А. Историческое сознание как проблема историографии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005; Kosellek R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt/M., 1989.

историков-тоталитаристов, М. Левин пишет: «"Пересталинизация" советской истории, расширение ее в прошлое и будущее является общей практикой»¹. Очевидно, это связано с историей становления изучения Советского Союза. В СССР история КПСС, ставшая фактическим аналогом отечественной истории после 1917 г., была переплетена с идеологией, и работы историков сейчас, в большинстве своем, рассматриваются только как источник фактографического материала, который нуждается в очистке от идеолого-теоретических напластований. Современный российский историк, занимающийся советским периодом, как витязь на распутье, выбирает один из путей: 1) уйти в голые факты и отказаться от излишнего философствования, приняв своеобразный вариант неопозитивизма; 2) рассматривать историю как политический инструмент и стать или апологетом или критиком советской системы, подгоняя факты под нужную схему; 3) приобщиться к зарубежной традиции советологии с ее подходами и темами. На Западе, прежде всего в англо-саксонских странах, советология обязана своим рождением «холодной войне». Необходимость изучить своего противника вызвала рост количества исследований и оформление теоретических подходов. Тоталитаристы и ревизионисты главным объектом своего внимания считают СССР времен И. В. Сталина, поскольку, по их мнению, именно тогда складывались основы советской системы². Такой подход находит свое негативное отражение и в современных работах, как отечественных, так и зарубежных, где сталинской эпохе зачастую отводится места больше, чем остальным периодам вместе взятым, тем самым фактически ставится знак равенства между историей СССР и сталинизмом. Сталину и его времени посвящено значительное количество книг, при этом крупных исследований по периоду после 1950-х гг. появляется крайне мало. Существующие же работы, в основном, находятся в русле политической или экономической истории и не реализуют широкий спектр современной методологии. По словам Н. Митрохина, огромные лакуны в изучении данного периода скрыты за точкой зрения «шестидесятников»³.

¹ Левин М. Советский век. М., 2008. С. 510.

² Меньковский В. И. История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. Минск, 2007. С. 288.

³ Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003. С. 7–8.

Думается, рубеж 1950–1960-х гг. следует рассматривать как самостоятельный исторический период, не забывая, конечно, о его генезисе. Неслучайно Л. Парфенов свой проект «Намедни: Наша эра» начинает с 1961 г., тем самым отмечая своеобразный рубеж в истории СССР. Помимо первого полета человека в космос, денежной реформы, выноса тела И. В. Сталина из Мавзолея, это и год принятия новой Программы партии. III Программа КПСС интересна не только сама по себе (хотя существует необходимость заново открывать историю КПСС как отдельную исследовательскую тему), но и как центр притяжения различных идей эпохи. Это определяет структуру данной книги, которая предполагалась как система смысловых кругов вокруг одного документа, представляющего собой законченный текст.

Первый круг – официальные представления о будущем на рубеже 1950–1960-х гг. Как официальный документ III Программа КПСС хорошо изучена, историю ее создания в своих работах затрагивали Н. А. Барсуков¹, Ф. М. Бурлацкий², Е. Гапова³, Т. Ю. Луцина⁴, У. Таубман⁵, А. Титов⁶, С. Н. Хрущев⁷ и др. В основном авторы сосредоточивали внимание на ходе разработки и принятия документа, на участии Н. С. Хрущева в процессе редактирования Программы и анализе ее основных положений.

Второй круг составляют идеи, а точнее их репрезентации, связанные с III Программой КПСС, но выходящие за ее непосредственные границы. Широкий круг текстов, которые затрагиваются во второй главе, обусловлен стремлением не замыкаться в рамках традиционной источниковой базы и избежать перекосов при составлении списка источников. К сожалению, среди историков чрезвычайно распространён «архивный фетишизм», когда архивные материалы рас-

¹ Барсуков Н. А. Указ. соч.

² Бурлацкий Ф. М. Глоток свободы. М., 1997. Кн. 1.

³ Gapova E. «The Party Solemnly Proclaims: The Present Generation of Soviet People Shall Live In Communism»: The Rhetoric of Utopia in the Khrushchev Era // Sots-Speak: Regimes of Language under Socialism. URL: <http://slavic.princeton.edu/upload/sots-speak/Gapova.pdf>

⁴ Луцина Т. Ю. Миф «развернутого строительства коммунизма» в советском обществе в середине 50-х – начале 60-х годов: Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2002.

⁵ Таубман У. Хрущев. М., 2008.

⁶ Titov A. The 1961 Party Programme in the context of Khrushchev's reforms // Soviet State and Society under Nikita Khrushchev. London, 2009.

⁷ Хрущев С. Н. Никита Хрущев: реформатор. М., 2010.

смагиваются чуть ли не как единственный тип источников. Часто работа оценивается по количеству фондов и дел, использованных в ней (особенно это касается диссертаций). Архивы обладают огромным потенциалом и вряд ли серьезное исследование возможно без использования информации, добытой из пыльных архивных папок. Однако необходимо осознавать, что архивные данные не являются «философским камнем» истории, превращающим любое сочинение в золото.

Противоположный подход к источниковой базе можно вывести из практики славистики, когда литературные произведения рассматриваются как энциклопедия русской / советской жизни. Обладая обширной «книжной полкой», можно, удачно подбирая цитаты, написать работу практически по любой теме, не вставая с домашнего кресла. С развитием интернет-технологий это становится еще проще, поскольку, просмотрев многочисленные форумы и интернет-дневники, в текст можно добавить и реакцию зрителей / читателей. Стараясь не впадать в обе крайности, я стремился различные типы источников дополнить друг другом. Широкий контекст позволяет точнее уловить «дух времени», представить более объемную картину происшедшего.

Необходимо обратить внимание на крайне важный для данной книги термин – «медиатор»¹. Идея обратной связи власти и населения не нова, но и в современных работах часто можно встретить подход, согласно которому население предстает пассивным реципиентом властных инициатив. Несмотря на всю специфику советской системы, элементы публичности в ней присутствовали², а следовательно, существовала необходимость не просто переводить официальный дискурс на общедоступный язык, но и создавать каналы для ответной реакции. Такие каналы были не только явными, в форме отчетов партийных организаций или сводок правоохранительных органов, но и «скрытыми».

В связи с тем, что во второй главе затрагивается значительное количество тем, сложно составить умеренный библиографический список. Можно выделить спорную с точки зрения точности, но чрезвычайно популярную книгу П. Вайля и А. Гениса³, в которой авторы

¹ Подробнее о нем будет сказано во второй главе.

² Отметим, что тема публичной политики в СССР практически не разработана, но при этом крайне интересна.

³ Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. М., 1998.

со свойственным им публицистическим талантом дают обзор наиболее значимых, по их мнению, явлений 1960-х гг.

Третий смысловой круг должен представить, как идея коммунистического строительства понималась населением СССР. Идея «человека-винтика», как бы она ни была близка сторонникам тоталитарного подхода, вряд ли могла быть реализована хоть в одной стране. Население всегда было важным элементом советской системы, хотя оно нечасто выступало активным игроком на политическом поле. Но, как известно, зрители являются важной частью спортивных соревнований, а для политики это верно вдвойне.

Группы людей или отдельные индивиды могут активно участвовать в переосмыслении идей, транслируемых властью. Продукт рецепции часто даже входил в противоречие с официальным дискурсом. Но это не значит, что ситуацию нужно представлять как борьбу противоположностей, когда сторонники советской власти противостояли ее противникам. «Антисоветские выступления», как организованные, так и спонтанные, были частью советской действительности, но о широком распространении протеста речь не идет¹. Точнее говорить о «разномыслии», когда мнение, отличное от линии партии, не означает антисоветских взглядов. Существовало множество ролей, которые мог примерить советский гражданин: активист, попутчик, противник и т. д.

К сожалению, в данной работе не удалось отразить национальную специфику регионов, хотя думается, что она существовала. Скорее всего, жители Прибалтики по-другому воспринимали информацию о принятии новой Программы партии, нежели жители Кавказа или Средней Азии. Вообще, тема регионов – это еще одно из многочисленных белых пятен в истории СССР.

Среди работ в этом смысловом круге первое место занимают два социологических исследования Ю. В. Аксютин² и Б. А. Грушина³. Не вдаваясь в рассуждения о плюсах и минусах каждой из работ, отме-

¹ Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. М., 2005; Кулевиц Э. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М., 2009; Козлов В. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве. 1953 – начало 1980-х гг. М., 2010.

² Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004.

³ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. М., 2001. Кн. 1: Эпоха Хрущева.

тим, что это фактически единственные срезы общественного мнения в изучаемый период. Их можно дополнить материалами «всемирного обсуждения Программы партии». В значительной архивной коллекции можно найти широкий спектр мнений, которые в полной мере не могут охватить все проявления рецепции, но составить общую картину позволяют¹.

Как и большинство других работ, данное исследование не претендует на окончательное решение вопроса. Существует множество направлений, которые или не нашли отражение на страницах данной книги или представлены кратким анализом. Все ошибки и недочеты полностью лежат на моей совести, и я буду рад любым критическим замечаниям, позволяющим их исправить. Главная задача изданий заключается не только в том, чтобы дать ответы, но и в том, чтобы правильно поставить вопросы. Если данная книга не осядет мертвым грузом на полках библиотек и книжных магазинов, а вызовет реакцию других исследователей, которые обратят свои взгляды на схожие проблемы, то это будет лучшим итогом моей работы.

Необходимо выразить благодарность людям, без которых эта книга не могла бы состояться. Моему научному руководителю И. В. Нарскому, который предложил разрабатывать данную тему, а также оказал существенное влияние, в том числе и собственным примером, на становление авторской позиции. Сотрудницам Центра культурно-исторических исследований: О. С. Нагорной, О. Ю. Никоновой и Ю. Ю. Хмелевской – за то, что и с учебной кафедры и в личных беседах делились секретами профессионального мастерства. Нельзя обойти вниманием и исторический факультет Челябинского государственного университета, с которым я связан с 1999 г., вначале как студент, затем как преподаватель. Перечислять всех сотрудников будет обременительно и вряд ли их список кто прочтет и до середины, но несколько имен я укажу: С. А. Баканов, Н. В. Гришина, Д. М. Котышев и А. П. Романов, выступавшие ориентирами на профессиональном пути. Сотрудников РГБ, РГАНИ и РГАСПИ, оказавших помощь в поиске материалов. Отдельная огромная благодарность семье Ляшиных, обеспечившей условия для многочисленных поездок в Москву. Маме – Нине Александровне Фокиной, и бабушке – Ев-

¹ В связи с коммунистическими ожиданиями населения на ум приходит одна из работ В. Белоброва и О. Попова из серии «Упущенные возможности»: лирический герой пишет из будущего своему умершему брату Коле с сожалением о том, что на Марс не улетели и коммунизм не построили. Возможно, это одна из многих забытых трагедий нашей страны.

докии Марковне Васиной, за мое воспитание. И, конечно, своей жене Олесе Ильясовне Шарафутдиновой – главному читателю и требовательному редактору всех моих сочинений, без которой данная книга не могла бы увидеть свет.

Первый вариант книги увидел свет в 2012 г. в небольшом Челябинском издательстве, тиражом в 100 экземпляров, которые моментально разошлись среди коллег и знакомых. Надеюсь, новая версия книги также найдет своих читателей.

Глава 1

КОММУНИЗМ КАК ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ОФИЦИАЛЬНОМ СОВЕТСКОМ ДИСКУРСЕ

§ 1. Краткий экскурс в советский коммунистический дискурс

Коммунизм в марксистской идеологии изначально предполагался конечной точкой в развитии мирового общества. Это, в свою очередь, не означало, что с переходом в коммунизм настанет конец истории, – наоборот, только тогда и начнется подлинная история человечества, освобожденного от всех оков и вступившего в эпоху подлинной свободы и равенства. Хотя классики не рассматривали задачу построения коммунизма как самоцель, для них он являлся моментом человеческого освобождения и возрождения. Коммунизм, в представлении К. Маркса, являлся не желаемым проектом, неким идеалом, с которым необходимо соизмеряться и к которому необходимо стремиться, а итогом революционного движения и развития тенденций, заложенных в обществе, исходя из объективных социальных законов. В творчестве К. Маркса можно обнаружить лишь смутные указания на конкретное виденье им будущего общества, поскольку для него существовало громадное различие «между спекулятивными фантазиями и законами, управляющими социальными процессами, или, как предпочитали формулировать Маркс и Энгельс, между “утопией” и “наукой”»¹. Этот момент является немаловажным, поскольку в дальнейшем сторонники марксизма, создавая программы построения коммунистического общества, будут разграничивать свои «научно обоснованные» предположения и утопические фантазии прошлого и настоящего, а их противники и критики будут указывать на утопический характер представлений о «светлом будущем».

¹ Ласки М. Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. М., 1991. С. 182.

Октябрьская революция 1917 г. по-новому заставила взглянуть на задачу построения «светлого будущего». Во-первых, это был шаг, который, согласно внутренней логике марксистской философии, знаменовал изменение экономической формации, а значит, приближал человечество к коммунизму. Но сама большевистская революция вступала в противоречие с логикой марксизма. «Фактически Ленин переворачивает теорию революции классиков марксизма. Если те говорили о социалистической революции в *будущем* после достижения достаточно высокого уровня развития капитализма, причем в *центре* капиталистического мира, то Ленин переносит ее в *настоящее* и на *периферию*, в наиболее слабое звено капиталистической системы»¹. Советские идеологи, а затем и историки приложили массу усилий, дабы доказать закономерный, а не случайный характер событий, произошедших в октябре 1917 г.

Во-вторых, с приходом большевиков к власти построение коммунизма перешло из задач теоретического плана в практическую плоскость. Молодое советское правительство должно было выполнять свои идеологические установки и строить первое в мире социалистическое государство, являющееся плацдармом для грядущей мировой революции, которая своим огнем «очистит» землю для торжества коммунизма. Революционный порыв оборачивался своеобразной эсхатологией, представлялось, что из искры, зажженной в Советской России, возгорится пламя во всем мире. Возможно, именно в революционные годы коммунистические ожидания были наиболее сильны, и в сознании определенной части населения построение сначала социализма, а затем и коммунизма было делом ближайших лет. Как пишет Ф. Панферов, «когда-то, лет сорок тому назад, мы, тогда еще совсем юные “общественные деятели”, на грядущий коммунизм смотрели романтически просто. Рассуждали так: Не сегодня, так в ближайшее завтра будем жить в коммунистическом обществе. Главное пока – бей буржуев и долой из обихода мещанскую рутину: официальный брак, свадьбы, крестины, занавески, особенно тюлевые, ковры, утюги и прочее. Ломай мещанский быт!»²

Творческое наследие В. И. Ленина в вопросе о коммунизме следует принципам Маркса и Энгельса, разграничивая «утопические» фантазии и исторические закономерности. Такой подход исключает сколько-нибудь конкретные описания черт предполагаемого об-

¹ Абрамян Л. Ленин как трикстер // Современная российская мифология. М., 2005. С. 71.

² Панферов Ф. Что такое коммунизм // Октябрь. 1960. № 1. С. 103.

щества, все сводится к набору «ритуальных» фраз. Показательной в этом плане является работа «Государство и революция», где вопросу будущего устройства общества отводится значительное место. Оговоримся, что работа была создана до Октябрьской революции, а именно в августе–сентябре 1917 г., но это не отнимает у нее статуса важного теоретического материала по вопросам коммунизма в творчестве В. И. Ленина, на основании которой в последующей советской традиции толкования текстов будут выстраиваться обоснования верности представлений об обществе будущего. В целом, ее можно охарактеризовать как комментарии к некоторым положениям К. Маркса. В основе понимания коммунизма для В. И. Ленина, как и для К. Маркса, лежат экономические отношения. Коммунизм, в первую очередь, рассматривался как экономическая формация, в которой, исходя из развития производительных сил, складываются особые производственные отношения, которые и определяют устройство общества на данной стадии развития. В результате получается описание бесклассового государства В. И. Лениным, которое Шт. Плаггенбург характеризует как расплывчатое¹.

В дальнейшем пришлось идти на компромисс между идеологией и практикой. В. И. Ленин, как и все советское руководство, был вынужден принимать решения, которые были призваны удержать власть, но при этом шли вразрез с положениями революционной марксистской философии. Неотложные задачи государственного строительства заставляли отодвинуть сроки перехода в «светлое будущее» на неопределенное время, хотя в целом отказа от этой задачи не произошло. Так, в 1920 г., выступая перед делегатами III Всероссийского съезда Российского Коммунистического союза молодежи, В. И. Ленин заявил, что поколение, которому тогда было 15 лет, через 10–20 лет будет жить в коммунистическом обществе².

В 30–40-х годах XX в. произошло теоретическое переосмысление некоторых идеологических моментов, связанных с построением коммунизма. Это, в первую очередь, было связано с внешнеполитической ситуацией и внутренней политикой. В этот период сформировалась доктрина о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране³. Поскольку ожидаемая мировая революция

¹ Плаггенбург Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 72.

² Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 317.

³ Сталин И. В. Об основах ленинизма // Соч. М. 1953. Т. 6. С. 106–107.

не наступила, советское государство перешло на положение осажденной крепости в кольце враждебного капиталистического окружения. В то время виделось, что по мере построения социализма будут обостряться классовые противоречия. Страна прикладывала колоссальные усилия в модернизационном рывке в индустриальное общество. Естественно, в подобной ситуации необходим был комплекс мобилирующих механизмов, одним из которых и являлась задача создания фундамента коммунизма. Последний в этот период обретал свое оформление в виде планов о нарастании производства продуктов тяжелой индустрии при достижении определенного уровня, который зачастую совпадал с задачей превышения аналогичных показателей развитых капиталистических стран. Происходил переход количества в качество, и общество должно было вступить в новый этап своего развития. Мечта о будущем, по утверждению Ш. Фицпатрик, «не только была составляющей сталинизма, причем очень важной составляющей, но и частью повседневного опыта каждого человека в 30-е годы. Советский гражданин мог верить или не верить в светлое будущее, но не мог не знать, что такое ему обещано»¹.

У И. В. Сталина уже можно обнаружить краткую характеристику коммунистического общества. В нем не будет частной собственности, а будет собственность коллективная; государственная власть переродится в свободную ассоциацию трудящихся; народное хозяйство будет базироваться на высшей технике; не будет противоположности между городом и деревней; продукты будут распределяться по принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям»; наука и искусство достигнут полного расцвета; личность, свободная от забот о куске хлеба, станет действительно свободной².

Еще в 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) руководство страны решило, что можно говорить о постепенном завершении построения социализма, что, в свою очередь, означало вступление в стадию постепенного перехода к коммунизму³. Дальнейшему развитию этого положения помешала Великая Отечественная война.

В послевоенный период складывалась двойственная ситуация. С одной стороны, разрушения, вызванные войной, подорвали эко-

¹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 84.

² Сталин И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1937 г. // Соч. Т. 10. С. 134.

³ XVIII съезд ВКП(б). 10–21 марта 1939 года: Стеногр. отчет. Л., 1939. С. 211.

номику страны, и это отбрасывало «материально-техническую базу построения коммунизма» назад. С другой стороны, победа в войне и распространение идей социализма на страны Восточной Европы поднимали авторитет СССР, а следовательно, его идеологии и системы общества как за рубежом, так и внутри страны. Поэтому впервые в проекте новой Программы комиссия во главе с А. А. Ждановым решила дать точные сроки построения коммунизма. В окончательном проекте Программы ВКП(б), подготовленном в начале 1948 г., декларировалось, что ВКП(б) в ближайшие 20–30 лет ставит своей задачей построение в СССР коммунистического общества¹. Согласно этому положению тезис о построении социализма в одной стране собирались заменить аналогичным, с той разницей, что вместо социализма будет коммунизм. Предполагалось, что вслед за СССР коммунизм построят страны соцлагеря, а затем и капиталистические страны.

XIX съезд КПСС пришел к выводу, что с момента принятия II Программы партии произошли коренные перемены. Исходя из этого, съезд постановил считать необходимым произвести переработку Программы партии, руководствуясь основными положениями работы И. В. Сталина «Экономические положения социализма в СССР», и представить проект переработанной Программы партии на рассмотрение следующего съезда². Упомянутая статья И. В. Сталина появилась в канун XIX съезда КПСС и была призвана сыграть роль идеологической основы послевоенного развития страны. Статья представляет собой ответ И. В. Сталина на «письма товарищей» и снабжена подзаголовком «Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года». В ней Сталин определяет три необходимых предварительных условия для реального, а не декларативного перехода от социализма к коммунизму. 1) Прочно обеспечить не мифическую «рациональную организацию» производительных сил, а непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства. 2) Путем постепенных переходов, осуществляемых с выгодой для колхозов и, следовательно, для всего общества, поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение постепенно заменить системой продуктообмена. 3) Добиться такого культурного роста общества, который бы обеспе-

¹ Барсуков Н. Коммунистические иллюзии Хрущева // Диалог. 1991. № 5. С. 76.

² Резолюции XIX съезда КПСС. 5–14 октября 1952 г. М., 1953. С. 112–113.

чил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития¹.

Для этого, по мнению И. В. Сталина, нужно было «сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов. Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования. Для этого нужно, далее, ввести общеобязательное политехническое обучение, необходимое для того, чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии. Для этого нужно, дальше, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления»².

Следующим этапом в развитии идей коммунистического строительства стал XX съезд КПСС. Несмотря на начало антисталинского дискурса, Н. С. Хрущев сохранил тезис о начавшемся постепенном переходе от социализма к коммунизму, выдвинутый еще на XVIII съезде ВКП(б)³. По словам Хрущева, «советская страна находится сейчас на крутом подъеме. Если образно говорить, мы поднялись на такую гору, на такую высоту, откуда уже зримо видны широкие горизонты на пути к конечной цели – коммунистическому обществу»⁴. Помимо знаменитого доклада Н. С. Хрущева о культуре личности, именно на съезде ЦК было поручено «подготовить проект Программы КПСС, исходя из основных положений марксистско-ленинской теории, творчески развивающейся на основе исторического опыта нашей партии, опыта братских партий социалистических стран, опыта и достижений всего международного коммунистического и рабочего движения, а также с учетом подготовляемого перспективного плана

¹ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР // Соч. М., 1997. Т. 16. С. 202–203.

² Там же. С. 203.

³ Н. С. Хрущев о проекте третьей Программы КПСС // Вопросы истории КПСС. 1989. № 8. С. 3.

⁴ XX съезд КПСС. 14–25 февраля 1956 года: Стеногр. отчет. М., 1956. Т. 1. С. 118.

коммунистического строительства, развития экономики и культуры Советского Союза»¹. Также съезд поручил опубликовать проект Программы до XXI съезда КПСС с тем, чтобы провести развернутое его обсуждение².

Постановление не было выполнено, поскольку XXI съезд КПСС оказался внеочередным, и к его открытию документ не был готов. Это не помешало провозгласить, что Советский Союз вступает в совершенно новый период своего развития, в период «развернутого коммунистического строительства»³. В первую очередь, данный тезис был связан с выводом об окончательной и полной победе социализма в СССР, поскольку предполагалось, что, несмотря на различие между социализмом и коммунизмом, разделяющей их стены не существует. На основе тезисов К. Маркса, дополненных и развитых В. И. Лениным, социализм и коммунизм рассматривались как две фазы одной экономической формации⁴, которая тоже носила название «коммунизм». Поэтому возникала некоторая путаница в понимании коммунизма как высшей фазы коммунизма и коммунизма – формации.

Коммунизм, как предполагалось, естественно вырастает из социализма, развивая его положительные и отбрасывая отрицательные черты. Виделось, что уже в современном советском обществе есть много черт коммунизма, которые будут развиваться и совершенствоваться⁵.

Основной задачей перехода к коммунизму выдвигалось построение материально-технической базы, которая понималась в прежнем, сталинском духе. Необходимо было увеличить производство с помощью совершенствования техники и строительства новых производств. На съезде было заявлено, что социализм в СССР вступает в новый этап экономического соревнования с капитализмом и задача состоит в том, чтобы добиться перевеса социалистической системы над капиталистической в мировом производстве, превзойти наиболее развитые капиталистические страны по производительности общественного труда, производству продукции на душу населения и

¹ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 10. Л. 10.

² Там же.

³ Внеочередной XXI съезд КПСС. 27 января – 5 февраля 1959 года: Стеногр. отчет. М., 1959. Т. 2. С. 443.

⁴ Луцина Т. Ю. Указ. соч. С. 45.

⁵ Всемирная история экономической мысли. М., 1997. Т. 6, кн. 1. С. 463–464.

обеспечить самый высокий в мире жизненный уровень¹. Все это планировалось осуществить через 12 лет.

С одной стороны, в стране проводилась политика десталинизации, с другой – в области идеологии активно использовались теоретические положения, созданные в сталинский период. Творческое наследие сталинизма нашло свое отражение и в создаваемом проекте Программы партии, которую теперь должны были принять уже на следующем съезде. Новая Программа КПСС должна была заменить устаревшую, закрепить основные решения прошедших съездов и наметить основные задачи на будущее, конкретное выполнение которых должно было отразиться в «генеральной перспективе развития народного хозяйства Советского Союза на 1959–1975 годы, исходя из решений XXI съезда КПСС и материалов юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 г.»².

Прежде чем приступить к истории создания III Программы КПСС, обратимся к первым двум программам. I Программа была принята на II съезде РСДРП в 1903 г. Основное ее содержание сводится к обоснованию законного места российских социал-демократов в мировом социалистическом движении. В Программе ставятся ближайшие задачи социального, экономического и политического характера, главная из которых – свержение царского самодержавия и установление демократической республики посредством созыва учредительного собрания, свободно избранного всем народом³. Собственно, это была программа партии, которая не выделяла себя из общего политического поля, а боролась за осуществление насущного на тот момент комплекса идей. Основываясь на идеологическом базисе и окружающей действительности, социал-демократы пытались повлиять на будущее через изменение настоящего. Таким образом, задача свержения самодержавия по своему характеру может быть сопоставлена с задачей коммунистического строительства⁴.

Программа Российской коммунистической партии (большеви-ков) была принята через 16 лет, в 1919 г., на VIII съезде РКП(б).

¹ Всемирная история экономической мысли. М., 1997. Т. 6, кн. 1. С. 464.

² РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 10. Л. 79.

³ Программа Российской Социал-демократической рабочей партии, принятая на II съезде партии // Хрестоматия по истории КПСС. М., 1989. Т. 1. С. 85–90.

⁴ Розенталь И. Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) // Политические партии России: конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 517.

Большевики уже находились у власти, что отразилось на содержании II Программы партии: в первой части обосновывается осуществление Октябрьской революции 1917 г. в России как результат закономерного исторического развития. Апелляция к ее неизбежности и предопределенности призвана была закрепить за ней статус революции, а не переворота. Необходимость удержания власти вылилась в критику «буржуазной демократии» и противопоставление ей более прогрессивной диктатуры пролетариата во главе с ВКП(б). Задачи государственного управления требовали пересмотра политики осуществления самых радикальных революционных идей. Сочетание социалистических идей и прагматических принципов управления привело к закреплению в Программе положений, призванных упорядочить судебную, военную, экономическую сферы, что часто означало возврат к дореволюционным практикам. Заботу о населении призван был показать комплекс задач, касающийся социальной сферы: жилья, образования, здоровья и распределения¹. II Программа была уже документом партии, стоящей у власти, чьей первоочередной задачей являлось удержание власти в своих руках и налаживание работы государственного аппарата².

III Программа партии логически была призвана завершить тенденцию, намеченную первыми двумя, решив главную задачу марксизма – построение коммунистического общества.

Для разработки проекта Программы была создана рабочая группа, которая разместилась в санатории Управления делами ЦК КПСС «Сосны», находящемся в ближайшем Подмосковье, во главе с секретарем ЦК КПСС Б. Н. Пономаревым. Работа над созданием проекта новой Программы началась в середине 1958 г., в итоге в течение трех лет над ней трудились около 100 крупнейших ученых и специалистов³. В основную группу входили академики Е. М. Жуков, М. Б. Митин, П. Н. Федосеев, директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР А. А. Арзуманян, также к работе привлекались известные обществоведы, ученые Б. Г. Гафуров, В. П. Елютин, С. В. Кафтанов, М. П. Ким, Ф. В. Константинов,

¹ Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // Хрестоматия по истории КПСС. Т. 1. С. 316–337.

² История политических партий России / под ред. А. И. Зевелева. М., 1994. С. 409–413.

³ Н. С. Хрущев о проекте третьей Программы КПСС. С. 3.

К. В. Островитянов, Ю. П. Францев, Д. И. Чесноков¹, председатель Государственного научно-экономического совета Совмина СССР А. Ф. Засядько, консультанты Е. И. Кусков, А. С. Беляков, журналисты А. И. Соболев, В. В. Красильщиков². Участники рабочей группы были освобождены от своей непосредственной работы и практически все время, за исключением выходных, проводили в «Соснах»³.

Интерес вызывает подбор литературы, запрошенной рабочей группой в «Соснах» и, по всей видимости, ставшей немаловажным источником при создании Программы партии. Управление делами ЦК КПСС выслало в «Сосны» следующее: 1) Большая советская энциклопедия с 1 по 51 т.; 2) Ежегодник БСЭ за 1957–1960 гг.; 3) Сочинения И. В. Сталина с 1 по 13 т.; 4) Сен-Симон. Избранное: в 2 т.; 5) Изложение учений Сен-Симона; 6) Фурье Ш. Избранные сочинения: в 3 т.; 7) Сборник РСФСР; 8) Атлас мира; 9) Зарубежные страны; 10) Ленин В. И. О программе партии; 11) Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: 1–4 т.; 12) Справочник секретаря партийной организации; 13) Справочник партийного работника; 14) Программные документы коммунистических и рабочих партий; 15) Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий (ноябрь 1957 г.); 16) Краткий справочник о семилетнем плане СССР; 17) КПСС в резолюциях и решениях: 1–4 т.; 18) Достижения советской власти за 40 лет; 19) Народное хозяйство СССР за 40 лет; 20) Международный политико-экономический ежегодник 1960 г.; 21) Хрущев Н. С. Мир без оружия, 1–2 т.; 22) Хрущев Н. С. К победе в мирном соревновании с капитализмом; 23) Хрущев Н. С. За мир, за разоружение; 24) Газета «Правда»; 25) Газета «Известия»; 26) Журнал «Вопросы экономики»; 27) Журнал «Коммунист»⁴. Интерес вызывает наличие сочинений утопистов и И. В. Сталина и почти полное отсутствие трудов классиков марксизма-ленинизма. Вероятно, собрания сочинений В. И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса были в распоряжении рабочей группы. В этом случае странным выглядит необходимость в отдельном экземпляре работы В. И. Ленина «О программе партии».

В июне 1958 г. от имени О. В. Куусинена, одного из секретарей ЦК и члена Президиума ЦК КПСС, были разосланы тематические зада-

¹ Барсуков Н. Указ. соч. С. 76.

² Луцина Т. Ю. Указ. соч. С. 46.

³ Бурлацкий Ф. Глоток свободы. М., 1997. Кн. 1. С. 95.

⁴ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

ния научным институтам, государственным ведомствам и общественным организациям. Особые задания получили академики Е. С. Варга и С. Г. Струмилин, подготовившие записку «На путях построения коммунизма», где рассматривались перспективы развития на 10–15 лет¹. 25 июля 1959 г. Президиум ЦК расставляет акценты: теорией займется академик, практические подсчеты – сколько, когда и где произведет наша промышленность и сельское хозяйство – должны представить Госплан и Госэкономкомиссия².

Работа осуществлялась под пристальным контролем верхушки партии и лично Н. С. Хрущева, который зачастую вносил поправки, по мнению разработчиков, совершенно излишние. Так, по воспоминаниям одного из участников группы в «Соснах» Ф. Бурлацкого, самые большие споры вызвало включение в Программу материалов об экономическом развитии страны, с которыми выступил «крупный хозяйственник» А. Ф. Засядько. Его доклад показался легкомысленным, а темпы развития СССР и США – взятыми с потолка, что вызвало решительный протест членов рабочей группы. В итоге дискуссии Засядько продемонстрировал папку, где представленные им материалы были одобрены Хрущевым, что автоматически включало их материал в проект Программы³. Сын Н. С. Хрущева в своей книге оспаривает данный эпизод: «Другой мемуарист, Федор Михайлович Бурлацкий, тоже наводит тень на плетень, но без какого-либо злого умысла, для красного словца. ...Приехал какой-то Засядько, что-то наболтал, а члены рабочей группы все записали в Программу партии. Легкость в мыслях необыкновенная!»⁴ Вероятно, истина находится где-то посередине: данные Программы исходили как из реальных, так и из директивных цифр.

При разработке проекта Программы партии ЦК ставил рабочей группе задачу исходить из того, что Программа должна охватывать период в 15–20 лет, в течение которых будут решены задачи построения основ коммунистического общества в СССР: электрификация, слияние государственной и колхозно-кооперативной собственности, преодоление границ между городом и деревней и т. д. Предполагалось предусмотреть при разработке проекта Программы определенные этапы перехода к коммунизму с тем, чтобы для каждого этапа

¹ Барсуков Н. Указ. соч. С. 76.

² Хрущев С. Н. Указ. соч. С. 753.

³ Барсуков Н. Указ. соч. С. 98.

⁴ Хрущев С. Н. Указ. соч. С. 756.

были намечены основные, конкретные задачи в развитии производительных сил и производственных отношений, решение которых даст возможность последовательно осуществлять поступательное движение общества к коммунизму. Программа партии должна была ясно показать всем коммунистам и всему советскому народу как общие задачи построения коммунистического общества, так и роль и место каждого труженика в борьбе за их выполнение¹. По выражению Н. С. Хрущева, «программа должна быть ясным, четким, вдохновляющим документом – поэмой, но в то же время – реальна, жизненна, с широкой перспективой»².

С. Н. Хрущев вспоминает, что 14 декабря 1959 г. Президиум ЦК обсуждал первые наброски проекта «Программы построения коммунизма». Тон задавал отец. «Это конкретная задача, за основу надо взять экономическую разработку развития страны на 15–20 лет и все как следует просчитать по пятилеткам, – говорит он. – В программе надо обратить внимание на электрификацию всей страны, этот ленинский завет мы еще не исполнили. Необходимо идти этапами: сначала взять детей и стариков на государственное обеспечение, затем, через одну-две пятилетки, обеспечить практически бесплатное питание всего населения»³.

По завершении работы над текстом проекта Программы, по предложению Н. С. Хрущева, предполагалось в мае 1961 г. обсудить проект на заседании Президиума совместно с членами Программной комиссии, в июне на Пленуме ЦК и после доработки опубликовать примерно 25–30 июля⁴.

К весне 1961 г. работа над проектом завершилась, и его текст был представлен Н. С. Хрущеву. 20, 21, 22 и 25 апреля он формулировал свои замечания. После соответствующей доработки проект Программы был рассмотрен 24 мая на Президиуме ЦК КПСС и 19 июня на Пленуме ЦК⁵. 26 июля 1961 г. на заседании Президиума ЦК КПСС текст проекта Программы, предоставленный Программной комиссией, был одобрен⁶. На следующем заседании Президиума ЦК КПСС, 27 июля 1961 г., было принято решение опубликовать проект Про-

¹ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 10. Л. 93–94, 97.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 66. Л. 12.

³ Хрущев С. Н. Указ. соч. С. 754.

⁴ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 15. Л. 1.

⁵ Н. С. Хрущев о проекте третьей Программы КПСС. С. 3.

⁶ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 17. Л. 1.

граммы КПСС в газетах «Правда» и «Известия» за 30 июля 1961 г., а затем в других газетах и журналах с тем, чтобы основная масса населения Советского Союза могла с ним ознакомиться и высказать свои замечания и предложения¹. Тем самым демонстрировался партийный демократизм, который должен был противостоять «культу личности». В значительной степени эта мера носила популистский характер, создавая аллюзию на лозунг первых лет советской власти (о том, что кухарка может управлять государством). Помимо этого, всенародное обсуждение помогало выявить запросы и ожидания населения, а эффект сопричастности играл мобилизующую роль.

Партийные ячейки посылали в центр отчеты об обсуждении проекта Программы партии. Газеты и журналы должны были собирать письма населения, поступающие в редакцию и касающиеся проекта Программы, и направлять их для обработки и анализа в специально созданные рабочие группы. Частично присланные письма публиковались в получивших их изданиях. К 15 сентября 1961 г. в шесть журналов и двадцать газет поступило в общей сложности 29 070 корреспонденций, из которых 5039 было опубликовано². В общей сложности на партийных конференциях, собраниях трудящихся, посвященных обсуждению этого документа, присутствовало почти 44 млн человек, а с учетом писем в местные газеты, партийные органы, на радио и телевидение, по приводимым А. В. Пыжиковым данным, количество корреспонденции составляет 17 080³.

Завершающий этап работы над Программой партии пришелся на время работы XXII съезда КПСС⁴. После внесения небольших поправок XXII съезд КПСС, проходивший 17–30 октября 1961 г., должен был одобрить проект Программы партии. Историки неоднозначно оценивают XXII съезд. Многие исследователи называют его пиком карьеры Н. С. Хрущева как политического лидера, после которого он стал более нетерпим к точкам зрения, расходившимся с его собственным мнением, постоянно генерировал идеи, которые были недостаточно продуманы. Существует и другая оценка итогов съезда. Н. Верт полагает, что он завершился полупровалом Н. С. Хрущева, которому не удалось, несмотря на обновление ЦК, добиться упро-

¹ Там же. Л. 127.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 309. Л. 39.

³ Пыжиков А. В. Оттепель: идеологические новации и проекты (1953–1964). М., 1998. С. 135.

⁴ Бурлацкий Ф. Указ. соч. С. 101.

чения своего положения и поддержки большинства в Президиуме¹. Наиболее распространенное мнение характеризует XXII съезд как утопический в связи с III Программой партии и конкретным 20-летним сроком построения коммунизма, закрепленным в тексте проекта Программы КПСС, что создавало вкупе с кукурузой, «кузькиной матерью» и ботинком Хрущева курьезный облик той эпохи. Популярные пренебрежительные оценки партийных форумов (прежде всего «утопического» XXII съезда), как отмечает А. В. Трофимов, заслуживают пересмотра и коррекции².

Если отбросить значение съезда как арены внутривнутрипартийной борьбы и внешнеполитического мероприятия, то именно Программа и основные положения, представленные в ней, безоговорочно становятся главным содержанием партийного мероприятия. С принятием Программы съезд стал этапным не только для Советского Союза, но и для всего мира.

За принятием III Программы партии последовала идея создания новой конституции СССР, призванной венчать героические усилия советского государства по построению коммунизма. Проект Конституции СССР призван был создать онтологические и правовые принципы идеологии развернутого строительства коммунизма, воплощая нормы функционирования советской системы в новый период³.

Само начало работы по разработке конституции Советского Союза может показаться противоречащим ранее принятым решениям. Несмотря на дискуссии в научных и партийных кругах и нечеткость теоретического положения о развитии государства в период развернутого строительства коммунизма, отказываться от тезиса об отмирании при коммунизме государства и перекладывании некоторых его функций на общественные организации никто не собирался. Правда, стоит оговориться, что, прислушавшись к соображениям О. В. Куусинена, при подготовке окончательного текста Программы авторы убрали формулу «отмирание государства»⁴. Исходя из марксистского понимания, любое государство, даже социалистическое, где наличествует диктатура пролетариата, является злом и подлежит

¹ Трофимов А. В. Советское общество 1953–1964 годов в отечественной историографии: политика и экономика: Дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1999. С. 250.

² Там же. С. 115.

³ Луцина Т. Ю. Указ. соч. С. 51–52.

⁴ Барсуков Н. Указ. соч. С. 80.

уничтожению. В оборот вводится мысль о выполнении диктатурой пролетариата своей функции и переходе к общенародному государству, которое призвано заботиться обо всем населении и выражать его интересы. Советское государство в этом свете воспринималось как неизбежное зло на данном историческом этапе, которое изживет себя в будущем. Получалось, что очередная конституция создавалась на период построения коммунизма, после чего она станет ненужной.

Единственное, как виделось в тот период, что могло продлить жизнь государственным образованиям, это необходимость защиты от враждебного окружения капиталистических стран: только с построением развитого коммунистического общества и упрочением социализма на международной арене необходимость в государстве отпадет¹. В этом случае советское государство выступало как своеобразный «щит», необходимый инструмент защиты мира и достижений социалистической системы. Подтверждение этой мысли можно обнаружить в замечаниях Н. С. Хрущева о Советской армии: «С точки зрения внутренних условий Советский Союз не нуждается в армии. Но поскольку остается военная опасность, исходящая от империалистического лагеря, не достигнуто полное и всеобщее разоружение, КПСС считает необходимым поддерживать оборонную мощь Советского государства»². Как только опасность исчезнет, «щит» за ненадобностью можно будет отбросить.

Постановлением Верховного Совета СССР от 25 апреля 1962 г. был утвержден состав Конституционной комиссии – 94 человека во главе с Н. С. Хрущевым. В нее вошли все члены советского политического руководства, а также ряд министров, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции³. Работа Конституционной комиссии началась 15 июня 1962 г. В ее составе было создано 9 подкомиссий: по общеполитическим и теоретическим вопросам Конституции; по вопросам общественного и государственного устройства; по вопросам государственного управления, деятельности Советов и общественных организаций; по экономическим вопросам и управлению народным хозяйством; по вопросам национальной политики и национально-государственного строительства; по вопросам науки и культуры, народного образования и здравоохранения; по

¹ XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 310.

² Н. С. Хрущев о проекте третьей Программы КПСС. С. 5.

³ «Утаенная Конституция» Никиты Хрущева // Исторический архив. 1997. № 1. С. 40.

вопросам внешней политики и международных отношений; по вопросам народного контроля и социалистического правопорядка; редакционная подкомиссия¹.

Целью и задачами, ставившимися перед конституцией, документ схож с принятой накануне Программой партии. Конституция не только должна была зафиксировать положение дел, сложившееся на момент ее создания, но и быть актуальной на всем протяжении переходного этапа на пути в «светлое будущее».

В отличие от Конституции 1936 г., в предложениях, поданных подкомиссией по вопросам общественного и государственного устройства, высказывалась мысль объединить прежде разделенные понятия государственного и общественного устройства в едином разделе; намечалось дать основные черты победившего в СССР социалистического строя и периода развернутого строительства коммунизма, показать преимущества нового общественного строя². В этом выделся принцип, который отличался от заложенного в предшествующей Конституции принципа фиксации только того, что завоевано. Отражение наиболее прогрессивных черт советского общества являлось неременным условием; кроме того, в соответствии с ленинскими идеями необходимо было изложить программные положения, чтобы новая конституция активно помогала достижению целей коммунистического строительства³.

Вслед за Программой партии проект конституции предполагал активизацию общественных органов, в первую очередь это касалось Советов. Посредством Советов намечалось включить население в управление страной, в принятие важных общественных и политических решений, что было апробировано на проекте III Программы КПСС. Это представлялось необходимым условием для подготовки советских людей к переходу на самоуправление в условиях коммунизма⁴. И новая конституция должна была подготовить условия для перехода, гарантируя соблюдение социалистической законности.

В специальном разделе, посвященном новым общественно-политическим институтам, соответствующим этапу развития общенародного социалистического государства, говорилось о всенародном

¹ «Утаенная Конституция» Никиты Хрущева // Исторический архив. 1997. № 1. С. 47.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 49.

⁴ XXII съезд КПСС. Т. 1. С. 167.

обсуждении важнейших законопроектов; отчетности избранных руководителей органов государственного управления непосредственно перед населением; всесоюзных, республиканских и местных отраслевых совещаниях трудящихся, вырабатывающих рекомендации для органов государства; органах народного контроля. Предусматривалось проведение референдумов, возможность которых была закреплена еще в Конституции 1936 г., но ни разу не реализовывалась. Первый референдум должен был принять новую Конституцию СССР¹.

Определенную готовность к этому демонстрировал тот факт, что в адрес Конституционной комиссии, как и в случае с Программой партии, поступало много писем трудящихся, в которых высказывались соображения о характере и содержании будущего основного закона, некоторые авторы присылали полные тексты конституции².

По мнению инициаторов, конституция стала бы завершающим шагом в утверждении идеологии развернутого строительства коммунизма, фиксирующим основные итоги реформаторских преобразований Н. С. Хрущева и открывающим перспективы дальнейшей модернизации³.

Летом 1964 г. был подготовлен сводный вариант проекта конституции, состоящий из 8 разделов и 32 глав. Однако в связи со снятием Н. С. Хрущева с поста руководителя страны работы над конституцией свернули. В январе 1965 г. все разосланные на места проекты документа были возвращены без комментариев и предложений⁴.

Предполагаемая Конституция 1964 г., пожалуй, была последним документом, который был призван построить коммунистическое общество в непосредственном будущем. Пришедшее на смену политическое руководство страны скорректировало курс на строительство коммунизма: не отказываясь от идеи построения коммунизма, оно подвергло ревизии конкретные сроки. Если раньше предполагалось, что развитие социализма завершилось и наступает перерождение социализма в коммунизм, то в конце 60-х годов концепция «развернутого строительства коммунизма» была заменена концепцией «развитого социализма», причем развитый социализм выносился на первый план, а построение коммунизма вновь переводилось в

¹ «Утаенная Конституция» Никиты Хрущева. С. 42.

² Там же.

³ Луцина Т. Ю. Указ. соч. С. 52.

⁴ «Утаенная Конституция» Никиты Хрущева. С. 44–45.

плоскость задач будущего¹. Поскольку необходимо было закрепить, расширить и улучшить основные достижения Советского Союза, Л. И. Брежнев избрал курс на сохранение уже «достигнутых высот», что в сочетании с другими тенденциями в экономике, политике и обществе и сформировало так называемый «застой».

§ 2. Задача создания материально-технической базы коммунизма

Из всех официальных документов, созданных советской властью, III Программа партии наиболее четко и конкретно говорит о коммунистическом будущем. Н. С. Хрущев указывал: «Общие принципы коммунизма были сформулированы классиками марксизма-ленинизма, и они нашли отражение в проекте Программы. Но проект Программы не ограничивается воспроизведением этих принципов, он раскрывает реальную картину коммунистического общества, наполняет общие принципы конкретным содержанием»². Следовательно, анализ текста Программы позволит понять, что в официальном дискурсе вкладывалось в понятие коммунизма. III Программа КПСС отражала представления советских людей начала 1960-х гг. о мире, собственной стране, тенденциях «общественного прогресса»³. По мнению А. В. Трофимова, этот документ в отечественной историографии не получил объективной характеристики и оценки как исторический источник, хотя без его анализа невозможно сформировать адекватное историческим реалиям представление о послесталинском десятилетии⁴.

Первоначально построение коммунистического общества закреплялось в партийном документе, и только затем предполагалось создать подходящий основной закон страны, что было связано с растущей ролью КПСС. Это нашло отражение в 43 статье проекта конституции, где закреплялось положение о руководящей и направляющей роли коммунистической партии и возрастании ее роли по мере строительства коммунизма, и вообще подчеркивался приоритет Программы КПСС над Конституцией⁵. Член партии выступал

¹ Всемирная история экономической мысли. С. 468.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 210. Л. 15.

³ Пыжиков А. В. Указ. соч. С. 136.

⁴ Трофимов А. В. Указ. соч. С. 118.

⁵ «Утаенная Конституция» Никиты Хрущева. С. 44.

как главный строитель коммунизма, носитель всех «прогрессивных» черт, демонстрируя положительный пример, на который необходимо было равняться всем остальным.

Для лучшего понимания материала и ориентации в нем необходимо охарактеризовать структуру этого документа. Программа партии состоит из введения и двух частей. Введение освещает вопросы преемственности между III Программой КПСС и двумя предыдущими программами, а также наследием классиков марксизма-ленинизма. Первая часть называется «Переход от капитализма к коммунизму – путь развития человечества». Содержание части демонстрирует и ее название, и название параграфов в ней: историческая неизбежность перехода от капитализма к социализму; всемирно-историческое значение Октябрьской революции и победы социализма в СССР; мировая система социализма; кризис мирового капитализма; международное революционное движение рабочего класса; национально-освободительное движение; борьба против буржуазной и реформистской идеологии; мирное сосуществование и борьба за всеобщий мир. Как видим, основной задачей этой части является описание ситуации к моменту принятия Программы партии и обоснование зрелости всех условий для перехода к строительству коммунизма, которому и посвящена вторая часть программы – «Задачи Коммунистической партии Советского Союза по строительству коммунистического общества».

В этой главе определялись задачи партии в области «экономического строительства, создания и развития материально-технической базы коммунизма», улучшения материального благосостояния граждан, воспитания и образования, дальнейшего развития советского государства и партии в период «развернутого строительства коммунизма», национальных отношений и сотрудничества с социалистическими странами. Таким образом, вторая глава III Программы КПСС является наиболее четко выраженным документом, в котором обозначаются официальные коммунистические перспективы.

В Программе было зафиксировано определение коммунизма, призванное раскрыть его сущность, и определены меры по достижению новой стадии в развитии: «Коммунизм – это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип “от каждого по способностям, ка-

ждому по потребностям". Коммунизм – это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердятся общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа»¹.

Предполагалось, что есть три группы задач, которые необходимо решить на пути к коммунизму: создание материально-технической базы коммунизма; развитие коммунистических общественных отношений; воспитание нового человека. Более развернуто эти идеи озвучил Н. С. Хрущев, выступая на XXII съезде КПСС. Построение коммунизма означает следующее:

«– в области экономической будет создана материально-техническая база коммунизма. Советский Союз превысит экономический уровень наиболее развитых капиталистических стран и займет первое место в мире по производству продукции на душу населения, будет обеспечен самый высокий жизненный уровень народа и будут созданы условия для достижения изобилия материальных и культурных благ;

– в области социальных отношений будет происходить ликвидация существующих еще остатков различий между классами, слияние их в бесклассовое общество тружеников коммунизма, в основном будут ликвидированы существующие различия между городом и деревней, а затем между физическим и умственным трудом, возрастет экономическая и идейная общность наций, разовьются черты человека коммунистического общества, гармонично сочетающего в себе высокую идейность, широкую образованность, моральную чистоту и физическое совершенство;

– в области политической это означает, что все граждане будут принимать участие в управлении общественными делами, в результате широчайшего развития социалистической демократии общество подготовится к полному осуществлению принципов коммунистического самоуправления»².

Главной экономической задачей партии и советского народа на ближайшее время являлось создание материально-технической базы коммунизма³. Н. С. Хрущев в своих замечаниях к тексту проекта Про-

¹ XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 274.

² Там же. Т. 1. С. 167.

³ Там же. Т. 3. С. 276.

граммы партии писал, что «сфера, где создаются ценности для удовлетворения человеческих потребностей, – это главная сфера и от нее зависит успешное продвижение и создание условий к коммунизму, к коммунистическому распределению благ»¹. С. Н. Хрущев в своей книге приводит такие слова отца: «Коммунизм – это изобилие. Если объявить коммунизм, когда, скажем, имеются лишь одни штаны на десять человек, и разделить эти штаны поровну, то все они окажутся без штанов. Мы отрицаем такой “бесштаный” коммунизм»². Несмотря на декларирование примата экономической задачи, Программа в значительной степени была направлена на мобилизацию населения. В мобилизации субъективного фактора виделся успех построения нового общества, поэтому именно туда были направлены основные усилия³. Действительно, материально-техническую базу должен был создавать советский человек, а значит, именно он был главным читателем Программы и именно для него она и создавалась.

Построение материально-технической базы коммунизма в СССР должно было пройти два основных этапа. Предполагалось, что на первом этапе строительство материально-технической базы позволит догнать и перегнать главные капиталистические страны по уровню производительности общественного труда и производства, материальных благ на душу населения. На этапе непосредственного вступления в высшую фазу коммунизма подъем производительных сил и производительности труда позволит завершить преодоление основных социальных различий между членами общества, превращение основной массы работников материального производства в работников инженерно-технического типа и достичь уровня производства, достаточного для обеспечения всех членов общества потребительскими благами, в изобилии распределяемыми по потребностям⁴.

Показательно, что, несмотря на возражение рабочей группы, идея соревнования с США оставалась в тексте Программы. Демонстрация преимущества социализма над капиталистической экономикой диктовалась внутренней логикой. Социализм должен был быть эффективнее, поскольку он «прогрессивный» строй, а капитализм – «реакционный». Также необходимо было учитывать международный аспект, где демонстрация преимуществ системы СССР

¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 201. Л. 34.

² Хрущев С. Н. Указ. соч. С. 753.

³ Пыжиков А. В. Указ. соч. С. 115.

⁴ РГАСПИ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 216. Л. 1–3.

могла повлиять на «страны третьего мира» и увеличить престиж Советского Союза на мировой арене. Победа СССР над США в экономическом соревновании, по высказыванию Н. С. Хрущева, ознаменует победу всей социалистической системы над капиталистической и окажет еще более мощное революционизирующее воздействие на рабочее движение всего мира. Тогда даже самые сомневающиеся поймут, что только социализм дает все необходимое для счастливой жизни человека, и они сделают свой выбор в пользу социализма¹.

Определенную роль в демонстративном соревновании мог сыграть визит Н. С. Хрущева в США, где он мог своими глазами взглянуть на «загнивающий Запад». Несмотря на всю идеологическую критику западного образа жизни, очевидных преимуществ в его уровне не заметить было нельзя. Недаром одним из самых популярных призывов того времени был «Держись, корова из штата Айова!», поскольку, как отмечали современники, все хотели перегнать Америку по мясу, молоку и прогрессу на душу населения². Можно предположить, что коммунизм представлялся как американский уровень благосостояния в сочетании с советской политической системой. Один из замыслов Программы состоял в нахождении путей достижения нового индустриального уровня, «позволяющего догнать индустриально развитые страны, коренным образом улучшить сельское хозяйство, обеспечить население продуктами питания и высококачественными товарами в изобилии, создать уровень жизни, достойный советского народа»³. Это подтверждает и сын Хрущева: «В 1961 г. коммунизм для всех, в том числе для отца, означал зажиточную жизнь. Жизнь лучше, чем у кого-либо в мире, в первую очередь лучше, чем в Америке, которая, следуя этой странной логике, уже тогда жила в коммунизме»⁴. Командная экономика СССР носила подражательный характер. Она преимущественно копировала и научно-технические нововведения, и структурные изменения передовых капиталистических стран. Отсутствовал (во всяком случае, в гражданской экономике) механизм новаторских изменений. Академику А. Милейковскому еще в 1970-е гг. приписывали высказывание о том, что, когда социализм победит во всем мире, надо будет оставить хотя бы одну капиталисти-

¹ Хрущев Н. С. За новые победы мирового коммунистического движения // Коммунист. 1961. № 1. С. 12.

² Вайль П., Генис А. 60-е: мир советского человека. М., 1998. С. 12.

³ Бурлацкий Ф. Указ. соч. С. 99.

⁴ Хрущев С. Н. Указ. соч. С. 755.

ческую страну для того, чтобы было у кого перенимать современную технику и уровни цен для установления их в торговле между социалистическими странами¹.

В основе создания материально-технической базы коммунизма видели требование преимущественного развития тяжелой индустрии как стового хребта экономического производства страны, превращения промышленности СССР в технически самую развитую и мощную индустрию мира². В очередной раз идеи, заложенные в Программе, уходят своими корнями в теоретическое наследие предшествующих эпох. Ничего принципиально нового по сравнению со сталинской модернизационной гонкой предложено не было. Поэтому нет ничего удивительного, что Н. С. Хрущев в своей речи проводил аналогии между созданием материально-технической базы коммунизма и индустриализацией³, но в связи с научно-техническими достижениями в Программе были отражены веяния нового времени. На страницах Программы была обозначена необходимость полностью электризовать страну⁴, что представлялось продолжением знаменитого плана В. И. Ленина. Лозунг «Коммунизм – это Советская власть, плюс электрификация» вновь вводился в оборот. Помимо чисто материальных задач, это был еще один шаг к возвращению к ленинскому наследию.

Но основе электрификации предполагалась «модернизация техники и организации производства, внедрение в народное хозяйство комплексной механизации производственных процессов; все более полная их автоматизация; широкое применение химии; развитие новых, экономически эффективных отраслей производства, новых видов энергии и материалов; рациональное использование природных, материальных и трудовых ресурсов; органическое соединение науки с производством»⁵.

Некоторые исследователи видят в этом дежурные, большей частью ритуальные заверения. Рабочая комиссия не откликнулась на предложения указать основные научные проблемы и закрепить их в тексте, ссылаясь на нецелесообразность такого шага. В 1960-е гг.

¹ Ханин Г. И. Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль – XXI. 2002. № 5. С. 88.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 162. Л. 3.

³ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 142.

⁴ XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 279.

⁵ Всемирная история экономической мысли. С. 466.

понимание важности новых научных отраслей не превратилось в практику¹. Самым серьезным недостатком изложенной в Программе экономической концепции стало непонимание важности структурной перестройки экономики с опорой на высокотехнологические, наукоемкие отрасли. Многие уже тогда понимали, что выполнение заявленных в Программе экономических задач путем простого наращивания количественных показателей – больше газа, нефти, стали, угля и т. д. – невозможно. Такой ход событий не обуславливал никакого качественного скачка, обрекая страну на прогрессирующее отставание².

Еще одной чертой в образе строящегося коммунизма, без сомнения, является индустриальный характер будущего общества. Заводы и фабрики должны были стать той почвой, на которой вырастут плоды всеобщего благосостояния. Первоначально следовало создать необходимое количество средств производства и обеспечить новые промышленные мощности достаточным количеством ресурсов. Отсюда вытекает мысль о необходимости простого количественного роста показателей. Предполагалось, что при определенном уровне развития тяжелой и добывающей промышленности легкая промышленность и сфера обслуживания смогут достичь нужных показателей. Главными из них служили количество выплавленной стали, необходимой для дальнейшего производственного цикла, и выработанной электроэнергии, которая должна была удовлетворять растущие потребности народного хозяйства. За 20 лет черная металлургия должна была достичь уровня, позволяющего выплавлять примерно 200 млн тонн стали в год. Годовое производство электроэнергии должно было быть доведено к концу первого десятилетия до 900–1000 млрд, а к концу второго десятилетия до 3000 миллиардов киловатт-часов³. Такие цифры требовали увеличения мощности электростанций в 10 раз, а для металлургической отрасли необходимо было повысить добычу угля и руды. Для этого строились грандиозные гидроэлектростанции, такие как Братская ГЭС, в дальнейшем ставку делали на АЭС⁴, и разрабатывались железорудные бассейны, в частности Курская магнитная аномалия. Приступили к развитию промышленности восточнее

¹ Пыжиков А. В. Указ. соч. С. 140–141.

² Бурлацкий Ф. Указ. соч. С. 100.

³ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 162. С. 5.

⁴ XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 279.

Урала¹, в первую очередь, это касалось природных богатств Сибири, в будущем ставшей основным поставщиком нефти и газа, что обеспечило, в свою очередь, поступление валютных средств в страну.

Предприятия коммунистической эпохи, созданные с учетом научных достижений и оснащенные по последнему слову техники, должны были стать «дворцами производства». Вместо «адских условий» металлургических заводов рабочий будущего находится в условиях, облегчающих его труд. Вся опасная, вредная и тяжелая работа должна быть автоматизирована. Вот как описывается в одном научно-популярном издании предприятие коммунистического будущего: «Со временем местные живописцы украсят помещения и территории завода своими произведениями искусства. Каждое предприятие будет окружено плодовыми, декоративными и цветочными насаждениями. На стенах рабочих цехов возникнут скульптурные портреты местных новаторов производства и высокочтимых людей страны. Над автоматическими линиями станков, повышая трудовой тонус операторов и наладчиков, на смену солнцу придут лампы дневного света. Приглушенные ритмы труда оживятся ритмами музыкального сопровождения. Чистый кондиционированный воздух, обогащенный озоном, как после грозы в бору, даже в горячих цехах, умерит адский печной жар, рассеет чад и угар и свежей прохладой напоит каждую грудь неиссякаемым притоком энергии»².

Н. С. Хрущев отмечал, что если западные политические лидеры в планах по развитию промышленности в Советском Союзе не сомневаются, то касательно аграрного сектора экономики за рубежом не понимают, как можно его выправить³. Хрущев, рассуждая о перераспределении части капиталовложений в пользу сельского хозяйства и легкой промышленности, говорил в одном из своих выступлений: «Нельзя строить коммунизм только предлагая машины, черные и цветные металлы. Надо, чтобы люди могли хорошо покушать, одеться, иметь жилье и другие материальные и культурные условия»⁴. Создание наряду с могучей промышленностью процветающего, все-сторонне развитого и высокопродуктивного сельского хозяйства, согласно Программе партии, составляло обязательное условие по-

¹ Там же. С. 282.

² Струмилин С. Г. Рабочий день и коммунизм. М., 1959. С. 34–35.

³ Материалы XXII съезда КПСС. С. 65.

⁴ Хрущев Н. С. За новые победы мирового коммунистического движения. С. 11.

строения коммунизма¹. При сохранении ведущей роли тяжелой промышленности быстрый рост сельского хозяйства являлся важнейшей предпосылкой создания коммунистического изобилия продуктов².

Одним из основных столпов будущего здания коммунизма было утверждение о распределении благ по потребностям. Создание такого изобилия, которое удовлетворит все запросы населения, было необходимостью. Оговаривалось, что человек «коммунистического завтра» будет иметь реальные запросы и потребности. Строительство коммунизма должно было сопровождаться ростом коллективизма и преодолением индивидуализма и эгоизма. Научный коммунизм был враждебен расточительной роскоши и прихотям эксплуататорских классов³. В этом вопросе обычно ссылались на В. И. Ленина, писавшего, что коммунизм «предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного “зря” – вроде как бурсаки у Помяловского – портить склады общественного богатства и требовать невозможного»⁴. Советский человек должен быть обеспечен вкусной и качественной пищей, но без излишков.

Крупномасштабное развитие промышленности в сжатые сроки требовало притока рабочих рук, изъять которые можно было только из аграрного сектора. Коммунистическое общество должно было быть урбанизированным. Все это ставило непростую задачу – увеличить производство сельскохозяйственной продукции одновременно с сокращением сельского населения. В очередной раз всплывал образ США, где небольшой процент фермерских хозяйств обеспечивал нужды страны и еще экспортировал свою продукцию за рубеж. Выход был найден в традиционном для 1960-х гг. духе: в первую очередь, как уже указывалось, за счет внедрения последних достижений науки и техники – электрификации, автоматизации и широкомасштабного применения химии.

Вторым элементом решения аграрных задач было укрупнение сельскохозяйственного производства. Считается, что Хрущев был сторонником форсированной «доиндустриализации» страны с пре-

¹ XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 284.

² Козлов Г. О закономерностях развития производительных сил коммунистической формации // Коммунист. 1961. № 3. С. 35.

³ Гак Г. Коммунизм и личная собственность // Коммунист. 1961. № 1. С. 70, 72.

⁴ Ленин В. И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // ПСС. Т. 33. С. 96.

вращением колхозов в фабрики по производству зерна¹. Начинаясь это с создания колхозов-миллионеров, в чьи задачи входило простым приростом голов скота и гектаров земли конкурировать с высокоэффективным аграрным сектором капиталистических стран, с той самой «коровой из штата Айова». Одновременно колхозы, как профсоюзы для рабочих, должны были служить школами коммунизма для крестьянства. В гонке за количеством необходимы были новые площади, что, в свою очередь, привело к компании по освоению целинных и залежных земель. «Подсмотренное» во время того же визита Н. С. Хрущева в США использование кукурузы фермерами приводит к созданию культа «кукурузы – царицы полей»², превратившейся в памяти современников, вместе с полетом Ю. А. Гагарина в космос, в символ того времени.

Следующим шагом по укрупнению явилось создание агрогородов, где сельское хозяйство переводилось в промышленные масштабы. Промышленный способ производства должен был перевести колхозников в разряд сельскохозяйственных рабочих³, «колхозы и совхозы по своим производственным отношениям, по характеру труда, по уровню благосостояния и культуры работников все больше будут становиться предприятиями коммунистического типа»⁴. Декларация стирания разницы между городом и деревней была одной из самых распространенных идеологием в политической риторике III Программы КПСС, концентрируясь в разделе о новых общественных отношениях⁵. Уже не крестьяне, а рабочие должны утром ехать на работу кто к комбайну, кто к доильному аппарату. После завершения трудового дня рабочие должны были возвращаться в свои благоустроенные жилища.

Одним из образов агрогорода, рассчитанного на три тысячи жителей, должен был стать совхоз «Заря коммунизма» в Московской области. Вот как описывался облик будущего поселения: «Усадьбы совхозов уже в недалеком будущем станут застраиваться многоквартирными четырех- и пятиэтажными домами с централь-

¹ Поползунов Ю. А. Н. С. Хрущев как политический лидер: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 110.

² Носов Е. Кострома не Айова // Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии. М., 1989. С. 101.

³ Н. С. Хрущев (1894–1971): Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Н. С. Хрущева (18 апр. 1994 г.). М., 1994. С. 46.

⁴ Н. С. Хрущев о проекте третьей Программы КПСС. С. 6.

⁵ XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 291.

ным отоплением, канализацией, водопроводом, ванными комнатами. В благоустроенных жилых зонах разместятся типовые здания школ, клубов, детских садов и яслей, столовых и магазинов, кинотеатров и других культурных учреждений, будут применяться совершенные средства передвижения»¹. Агророда возводили в добровольно-принудительном порядке, зачастую население насильственно сгонялось из сел и деревень. Политика ликвидации «неперспективных деревень», несмотря на благие намерения, в итоге завершилась личными трагедиями тысяч людей, без значительных изменений в системе сельской жизни. Колхозы-миллионеры приобретали вместе с прибылью в миллионы рублей аналогичные долги². В сочетании с другими экспериментами в сельском хозяйстве это привело к тому, что рядовой советский человек мог увидеть продуктовое изобилие разве что в кино и в кулинарных книгах.

В целом, можно сказать, что при Н. С. Хрущеве изменялось отношение к колхозникам и аграрному сектору в лучшую сторону. В сельском хозяйстве внедрялся принцип материальной заинтересованности и элементы экономической целесообразности, в частности стали задумываться о себестоимости продукции, на место абсолютных показателей приходили данные об урожайности с гектара или надоя с головы скота, и именно в данный период в сельское хозяйство стали делать инвестиции³. Отход от жесткой директивной практики управления сельским хозяйством, нацеленной исключительно на выжимание необходимых ресурсов, может быть объяснен не только идеологическими установками эпохи строительства коммунизма. Главная цель, которую преследовал Хрущев, – любыми доступными в рамках существующей системы путями повысить эффективность экономики⁴.

В данной работе неоднократно указывалось, что экономика являлась базисом как для всей марксистско-ленинской теории, так и для советского государства. Соединяя насущные потребности жизни общества и государства с идеологическими установками, руководство партии и правительство не могли преодолеть экономического детерминизма. Несмотря на утверждение примата общественных и чело-

¹ Лифанов М. О быте при коммунизме // За коммунистический быт. Л., 1963. С. 52.

² Носов Е. Указ. соч. С. 103.

³ Н. С. Хрущев (1894–1971): Материалы науч. конф. С. 9–10.

⁴ Трофимов А. В. Указ. соч. С. 249.

веческих интересов, период до 1980-х гг. виделся эпохой создания материально-технической базы коммунизма. За 20 лет параллельно с созданием экономической базы должны были прорасти ростки коммунизма в человеке и общественных отношениях, а полностью расцвести они могли только на основе базы, созданной в период развернутого строительства коммунизма. В своем выступлении на XXII съезде Н. С. Хрущев, апеллируя к словам В. И. Ленина («мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически»), заявил, что Программа партии дает такое обоснование¹. Более четкую картину будущего, которая отражалась в официальном дискурсе в 1960-х гг., необходимо искать не столько в идеологии, сколько в конкретных экономических показателях, планировавшихся на ближайшие 20 лет.

Определившись с тем, что коммунистические представления могут ярче всего отражаться в запланированных показателях, поскольку экономическое планирование требует четких и конкретных цифр с расчетами и обоснованием, необходимо оговориться, что ниже не планируется исследование истории экономики СССР. Плановые показатели выступают как один из сегментов сложного кода официального советского дискурса, который требует дешифровки. Интерес представляют не сами показатели, а те ментальные образы будущего, которые за ними скрываются. Традиционно «образы будущего» исследователи ищут в сложных текстах, например в художественной литературе, при этом многое ускользает из поля зрения. В значительной степени экономика, плановая или рыночная, строится на попытке сформировать верный «образ будущего». Противостояние биржевых «быков» и «медведей» по своей сути есть противостояние позитивного и негативного «образа будущего». Таким образом, советское планирование есть продукт не только экономики, но и более сложных процессов.

Распространенная позиция, предлагающая интерпретировать Программу партии как документ, изначально не предполагавший исполнения поставленных в нем задач, представляется некорректной. Уверенность в победе коммунизма, как было отмечено выше, служила одним из китов советской мифологической системы, то есть элемент реального планирования будущего должен был присутствовать.

Срок в 20 лет, необходимый для построения коммунизма «в основном», согласно Н. С. Хрущеву, был обозначен в соответствии со

¹ Материалы XXII съезда КПСС. С. 140.

строгими научными расчетами¹. Можно утверждать, что и истоки образа будущего лежат в экономических данных, только не предполагаемого будущего, а прошлого. Постановка конкретных сроков построения основ коммунизма не может быть объяснена только желанием политической верхушки мобилизовать население. III Программа была основана на реальном положении дел в стране и мире и не являлась, таким образом, продуктом политической фантазии или новым витком утопизма, основанным на том, что руководству виделось. Скорее, следует согласиться с мыслью Н. Барсукова о том, что в основу «коммунистических иллюзий» Н. С. Хрущева легло пролонгирование достигнутых к концу 1950-х гг. темпов роста производства на 10 и 20 лет вперед². Представляется, что советское общество в целом и официальный дискурс в частности функционировали в системе взаимосвязи времен.

Экономические успехи 1950-х гг. были настолько впечатляющими, что не только у советских, но и у множества западных специалистов и политических деятелей сложилось впечатление, что в будущем СССР неизбежно опередит экономику США³. В 1951–1960 гг. СССР удерживал ежегодные темпы развития промышленности в 11,8 %. При их сохранении это давало рост промышленности за 20 лет в 6 раз. Сельское хозяйство несколько отставало: в период 1954–1960 гг. оно давало ежегодный прирост в 6,2 %. Тем не менее за 20 лет производство сельскохозяйственной продукции должно было бы увеличиться в 3,5 раза⁴. Такие темпы обеспечивали бы выполнение намеченных Программой экономических задач. Еще выигрышней это смотрелось на общемировом фоне, где соревнование систем в условиях «холодной войны» зачастую происходило именно в экономике. Рост ВВП в СССР в целом за весь период 1950-х гг. составил 224 % и многократно превосходил рост в таких странах, как США (133) и Великобритания (127), значительно опережал экономический рост во Франции (158), был выше, чем в ФРГ (217), и лишь незначительно уступал экономическому росту в Японии (253 %). При этом число занятых в производстве людей увеличилось незначительно, а прирост ВВП обеспечивался ростом производительности труда⁵. В совокупности

¹ Материалы XXII съезда КПСС. С. 140.

² Барсуков Н. Указ. соч. С. 82.

³ Ханин Г. И. Указ. соч. С. 78.

⁴ Барсуков Н. Указ. соч. С. 82.

⁵ Ханин Г. И. Указ. соч. С. 73–75.

с другими обнадеживающими показателями трудно было не воспринять это как сигнал, возвещавший о скором приходе «светлого будущего». Командно-административная система с плановой экономикой демонстрировала устойчивость в экстремальных ситуациях и высокий мобилизационный потенциал, что выступало гарантией движения по намеченному курсу. Несмотря на отказ от практики использования принудительного труда в массовых масштабах, экономический рост, как показано выше, продолжался, только не экстенсивным, а интенсивным методом, с внедрением новой техники, материалов и средств производства.

Президиум ЦК в 1958 г. в связи с разработкой Программы, которая в соответствии с решением XX съезда должна была быть подготовлена с учетом перспективного плана коммунистического строительства, постановил обязать Госплан СССР разработать, с привлечением Госпланов союзных республик, АН СССР и союзных республик, научно-исследовательских и прочих институтов, проект генеральной перспективы развития народного хозяйства Советского Союза на 1959–1975 гг.¹ Несмотря на то что в разработке проекта Программы принимали участие крупнейшие отечественные специалисты, основывавшие свои выводы на реальных цифрах, В. О. Куусинен говорил о недостаточно обоснованных предсказаниях, которые носили несколько агитационный характер, без учета многочисленных экономических факторов, оказывающих влияние на осуществление плана в указанные сроки². Эта «необоснованность» выступала стимулом к мобилизации населения. «Съезд призовет партию, народ, а народ – горы свернет», – говорилось на XXII съезде КПСС³. Если бы коммунизм строился сам собой, планомерным наращиванием производства, и его просто надо было немного подождать, то необходимость в заострении внимания населения на «развернутом строительстве коммунизма» отпадала бы.

П. Серию отмечал, что в советском политическом дискурсе отсутствует «вставленный контекст в номинализации», что приводит к равнозначности трактовки и восприятия, в первую очередь, разнообразных заголовков. В качестве примера П. Серию приводит заголовок «Рост материального уровня жизни» с двумя дешифровками: 1) как (поднять) материальный уровень жизни народа? 2) материальный уровень

¹ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 10. Л. 79.

² Там же. Д. 13. Л. 10.

³ Материалы XXII съезда КПСС. С. 154.

жизни растет / должен расти / будет расти¹. В Программе большинство заголовков не имеют «вставленного контекста в номинализации». Такой заголовок одновременно ставит проблему и говорит о ее решении как некоем неизбежном событии. Н. С. Хрущев в заключительном слове на XXII съезде КПСС призывал всех тружеников к выполнению и перевыполнению производственных планов². Так, Советский Союз должен был показать ускорение в погоне за завышенными показателями, которое выведет его на рубежи коммунизма.

Приведем две таблицы, показывающие планируемое развитие в промышленности (табл. 1) и сельском хозяйстве (табл. 2).

Таблица 1

Показатели планируемого роста промышленности³

	1960 г. к 1950 г.	1970 г. к 1960 г.	1980 г. к 1960 г.
Продукция промышленности	3,0	2,6	6,2–6,4
Продукция промышленности на душу населения	2,5	2,3	4,8–4,9
Производство труда в промышленности			
годовая	2,04	2,0	4,0–4,2
часовая	2,4	2,6	6,7–7,0

(Промышленность группы «А» вырастет за 20 лет в 6,8–7 раз, а группы «Б» в 5,0–5,2.)

Таблица 2

Показатели планируемого роста сельского хозяйства⁴

	1960 г. к 1950 г.	1970 г. к 1960 г.	1980 г. к 1960 г.
Продукция сельского хозяйства	1,6	2,5	3,3–3,5
Продукция сельского хозяйства на душу населения	1,35	2,2	2,5–2,7
Производство труда сельского хозяйства			
годовая	1,7	2,8	5,4–5,7
часовая	1,8	3,7	8,5–9,0

¹ Серии П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализации // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 352–353.

² Материалы XXII съезда КПСС. С. 233.

³ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 16. Л. 162.

⁴ Там же. Л. 168.

Сравнение таблиц показывает, что развитие промышленности и сельского хозяйства должно было идти разными темпами, по разным схемам. Планируемые показатели роста произведенной продукции в 1980 г. в промышленности выше аналогичного сельскохозяйственного показателя почти вдвое, тогда как рост производительности труда существенно ниже. В сельское хозяйство необходимо вкладывать больше труда, но результат будет менее эффективным. Повышение производительности труда служило важным звеном в цепи мер по созданию материально-технической базы коммунизма. Отмечалось, что в производстве планировалось сменить экстенсивный путь развития на интенсивный. На это накладывалось намерение сократить рабочий день и увеличить отпуска, а также перераспределить естественный прирост численности работников в непродовольственную сферу¹.

Как уже отмечалось, главный рост должен был осуществляться в промышленности группы «А». В развитии тяжелой промышленности исходили из принципа о том, что средства производства изготавливаются не ради самих средств производства, а лишь ради того, что все больше и больше средств производства требуется в отраслях промышленности, изготавливающих предметы потребления². Исходя из этого, промышленность группы «А» в дальнейшем позволила бы осуществить преобразования и в группе «Б», и в аграрном секторе, что привело бы к постройке подлинного коммунизма.

Командная экономика огромное значение придавала планированию, и это не случайно. Следует согласиться с Г. И. Ханиным, который, сравнивая СССР с гигантскими корпорациями, говорит, что советская экономика умело использовала присущие любой крупной корпорации сильные стороны: возможность планировать и осуществлять долгосрочные планы, использовать колоссальные финансовые ресурсы для развития приоритетных направлений, осуществлять крупные капиталовложения в короткие сроки, тратить большие средства на научно-исследовательские работы и т. д.³

III Программа партии и основывалась на этих сильных сторонах, а значит, помимо общих данных роста производства, необходимо было просчитать как можно больше показателей. Г. И. Ханин

¹ Материалы XXII съезда КПСС. С. 150.

² Там же. С. 143.

³ Ханин Г. И. Указ. соч. С. 78.

указывает, что с 1953 г. шел процесс постепенного сокращения числа показателей народного хозяйства, что привело к ослаблению контроля, а это, в свою очередь, чрезвычайно пагубно отразилось на всей системе¹. Генеральная линия колебалась между двумя тенденциями. С одной стороны, необходимо было повышать качество продукции и снижать издержки в использовании материальных, финансовых и трудовых ресурсов для повышения эффективности советской экономики, что требовало постоянного мониторинга. С другой – идея внедрения материальной заинтересованности и расширения самостоятельности и инициативности предприятий должна была стимулировать, в первую очередь, руководителей среднего звена в повышении производительности и создании определенных резервов для возможности корректировки планов, поскольку нельзя планировать «килограмм в килограмм»². Ханин в подтверждение своих мыслей приводит слова американского экономиста М. Олсона: «Как только коммунистическая власть начала рассредоточиваться, коммунизм был обречен на крушение»³. Отметим, что коммунизм, даже окончательный, не противоречил плановой экономике. В будущем не должно было быть управления людьми, но останется управление производством, люди будут сознательно выполнять поставленные планы без угрозы каких-либо последствий в случае его невыполнения. Командная система превратится в советующую.

Несмотря на снижение количества плановых показателей, развитие народного хозяйства до 1980-х гг. требовало контрольных цифр, которые должны были отразить необходимое количество производства продукции для удовлетворения основных потребностей, что было необходимо для построения коммунизма «в основном». Разграничение промышленности и сельского хозяйства в хрущевский период прослеживается и в планировании. Промышленные цифры, в основном, касались государства, а сельскохозяйственные, в первую очередь, затрагивали население. Для удобства представим данные в следующей таблице.

¹ Ханин Г. И. Указ. соч. С. 82.

² Материалы XXII съезда КПСС. С. 54.

³ Цит. по: Ханин Г. И. Указ. соч. С. 84.

Планируемые показатели производства продукции¹

	1960 г.	1970 г.	1980 г.
Сталь (млн тонн)	65	145	250
Электроэнергия (млрд кВтч)	292,3	900–1000	2700–3000
Нефть (млн тонн)	148	390	690–710
Газ (млрд м ³)	47	310–325	680–720
Цемент (млн тонн)	45,5	122	233–235
Уголь (млн тонн)	513	686–700	1180–1200
Синтетические смолы и пластические массы (тыс. тонн)	332	5300	19 000–21 000
Искусственные и синтетические волокна (тыс. тонн)	211	1350	3100–3300
Ткани всех видов (млрд м ²)	6,6	13,6	20–22
Обувь кожаная (млн пар)	419	825	900–1000
Сахарная свекла, фабричная (млн тонн)	57,7	86	98–108
Сахар (млн тонн)	5,3	11,5	13–15
Шерсть (тыс. тонн)	357	800	1045–1155
Хлопок-сырец (млн тонн)	4,3	8	10–11
Картофель (млн тонн)	84,4	140	156
Овощи и бахчевые (млн тонн)	19,2	47	55
Фрукты, ягоды и виноград (млн тонн)	4,9	28	51
Зерновые культуры (млн тонн)	134,4	230	290–310
Мясо (млн тонн)	8,7	25	30,4–32
Молоко (млн тонн)	61,5	135	170–180
Масло животное (тыс. тонн)	737	1450	2000–2200
Яйца – млрд шт.	26,4	68,5	110–116
На душу /килограмм			
Зерновых культур	627	933	1040–1110
Мяса	41	100	109–115
Молока	287	548	611–648
Масла животного	3,4	5,9	7,2–7,9
Яиц (шт.)	124	278	396–417

Таблица 3 представляет собой развернутый вариант таблиц 1 и 2, а значит, не противоречит сделанным на их основе выводам. Заложённая в этих плановых показателях динамика указывает на то, что коммунизм, несмотря на признание трудностей сельского хозяйства, в сельском хозяйстве был ближе, чем в промышленности. В среднем

¹ Материалы XXII съезда КПСС. С. 144–145, 153; РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 16. Л. 166, 170.

производство промышленных товаров для достижения коммунистического изобилия должно было возрасти за 20 лет в 4–6 раз, а по некоторым показателям, таким как электроэнергия и искусственные волокна, в 10–15 раз. Необычайно высокий рост обусловлен взаимосвязью с другими отраслями народного хозяйства. Искусственные материалы имели особое значение в увеличении производства товаров широкого потребления¹, а без широкомасштабного внедрения удобрений не мыслилось изменение аграрного сектора. Синтетические волокна и пластичные массы вообще должны были показать небывалый рост в 57–63 раза, что было жизненно необходимо при обеспечении потребностей в материалах, экономически более выгодных по сравнению с продукцией добывающих отраслей народного хозяйства.

В то же время в сельском хозяйстве требовался прирост всего в 3–3,5 раза. Такое положение вещей можно попытаться объяснить отзвуком замятинских идей о том, что люди в будущем будут питаться пищей из нефтепродуктов. В связи с этим интересно, что сахар, по архивным материалам, отнесен в группу промышленных товаров. Однако человека коммунистического общества не собирались кормить впроголодь, а наоборот, планировали обеспечить вкусным и качественным питанием. Необходимо было учитывать, что за 20 лет возрастет не только производство продукции, но и население Советского Союза.

Планировать рост народонаселения гораздо труднее, чем экономические показатели, но без этого невозможно было добиться обещанного Программой изобилия и высокого уровня жизни. Напрямую о числе жителей СССР через 20 лет в тексте Программы не говорится, но если сопоставить абсолютный рост продукции в сельском хозяйстве и рост на душу населения, то можно убедиться, что они не совпадают. Конечно, товары, в которых в 1950–1960-х гг. испытывался особый дефицит, должны были производиться в необходимом количестве, чтобы удовлетворить основные потребности граждан. Несмотря на это, между абсолютным ростом в 3 раза и на душу населения примерно в 2 раза имеется разрыв. Согласно выступлению Н. С. Хрущева, за 20 лет рост численности рабочих составит примерно 40 %². Можно сделать предположение, что общее число жителей увеличится еще больше. Если на момент XXII съезда население СССР составляло почти 220 млн человек³, то через 20 лет цифра должна была приблизиться к 300 млн.

¹ Материалы XXII съезда КПСС. С. 149.

² Там же. С. 150.

³ Там же. С. 40.

§ 3. Общественные отношения и человек коммунистического будущего

Создание материально-технической базы коммунизма, являясь первоочередной задачей в осуществлении перехода в «светлое будущее», служило всего лишь средством изменения общественных отношений. Высказывалось предположение, что рост производительных сил, создание материально-технической базы коммунизма, согласно естественноисторическим законам, будет сопровождаться и изменением всех социальных отношений¹. В качестве основных элементов общественных отношений, которые необходимо было создать, назывались исчезновение частной собственности, слияние государственной и кооперативно-колхозной в единую коммунистическую собственность; постепенная замена товарно-денежных отношений распределением товаров, с полным переходом к распределению по потребностям; ликвидация существующих остатков различий между классами, слияние их в бесклассовое общество тружеников коммунизма; исчезновение существующих различий между городом и деревней, а затем – между физическим и умственным трудом; возрастание экономической и идейной общности наций².

От истоков марксизма и до 1960-х гг. частная собственность воспринималась как своеобразное «грехопадение» человеческого рода, из которого и проистекает большинство бед. Коммунистическое общество мыслилось как абсолютно свободное от частной собственности и товарно-денежных отношений. При этом коммунизм не отрицал личной собственности на предметы потребления, а должен был порождать многообразные общественные формы удовлетворения потребностей, поскольку определенные потребности могут быть удовлетворены не иначе, как посредством личного присвоения³. Изобилие продукции народного хозяйства должно было удовлетворить потребности населения в полной мере и сделать ненужными деньги. Провозглашалось, что роль товарно-денежных отношений постоянно будет снижаться, однако вплоть до полного торжества коммунизма они сохранятся. По мере продвижения к коммунизму личные потребности все больше будут удовлетворяться за счет общественных фондов потребления. В итоге достижения изобилия материальных

¹ Юдин П. Закономерный характер перехода от социализма к коммунизму // Коммунист. 1961. № 12. С. 49.

² XXII съезд КПСС. Т. 1. С. 167.

³ Гак Г. Указ. соч. С. 72, 75.

благ распределение по труду исчерпает себя¹. Создание коммунистической собственности, где все принадлежит обществу в целом, и переход на распределение по потребностям должно было привести к разрушению тех остатков классовой структуры, которые еще сохранились в Советском Союзе при социализме.

Ликвидация классов была тесно связана с двумя другими задачами формирования новых коммунистических общественных отношений: с исчезновением различий между городом и деревней, а также между умственным и физическим трудом. В Советском Союзе предполагалось наличие двух классов (рабочих и крестьян) и прослойки интеллигенции. Различия между рабочими и крестьянами, городом и деревней должны были стираться при подъеме деревни до городского уровня, через создание агрогородов. Если экономическая составляющая проекта промышленных аграрных поселений была продемонстрирована выше, в контексте создания материально-технической базы коммунизма, то социальное значение этого плана необходимо показать отдельно.

Уже отмечалось, что Советский Союз к 1960-м гг. имел значительное количество жителей, относящихся к сельскому населению. Следовательно, любая перестройка сельской жизни затрагивала значительную часть жителей страны. При этом как сельское население, так и руководство партии и правительства понимали, что существует разрыв в условиях труда и быта между городским и сельским жителем, причем не в пользу последнего. По сути, сельский житель, по сравнению с городским, оказывался пораженным в правах. В условиях коммунистического общества такая ситуация являлась недопустимой. Человек, который трудится в аграрном секторе народного хозяйства, должен был обладать всем тем, что имеет промышленный труженик. Показательно, что Н. С. Хрущев в замечаниях и предложениях к тексту проекта III Программы партии предложил убрать слово «высокий» из предложения «Оплата труда колхозников станет такой же высокой, как и в общенародных предприятиях», на том основании, что это принижает колхозников². На пути к «светлому будущему» нужно было постепенно давать работникам сельского хозяйства те блага, которыми пользовались жители городов. И это касалось не только улучшения коммунально-бытовых условий.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза // Коммунист. 1961. № 16. С. 72.

² Н. С. Хрущев о проекте третьей Программы КПСС. С. 6.

Колхозники должны были пользоваться всеми видами социального обеспечения (пенсии, отпуска и т. д.) за счет колхозных и государственных средств¹. Постепенное внедрение городского образа жизни и полного комплекса прав, в конце концов, разрушит преграду между городом и деревней.

Промышленные и сельскохозяйственные работники шаг за шагом должны были становиться одной группой трудящихся. Но помимо них, остается еще так называемая прослойка интеллигенции, в которую входили люди, занятые умственным трудом. К моменту создания проекта Программы партии число людей, относящихся к группе интеллигенции, существенно возросло, так же как возросла их роль в обществе по сравнению со временами классиков марксизма-ленинизма. В 1959 г. в СССР число работников умственного труда превысило 20 млн человек², а среди граждан Советского Союза, занятых физическим трудом, 32 % имели среднее или высшее образование, в то время как в 1939 г. их было всего 8 %³. Виделось, что с победой коммунизма произойдет органическое соединение умственного и физического труда в производственной деятельности. Интеллигенция перестанет быть особым социальным слоем, работники физического труда по своему культурно-техническому уровню «поднимутся» до уровня людей умственного труда. Усложнение материально-технической базы производства, переход на автоматизацию предполагали существенное повышение уровня работника и сведение доли ручного физического труда к минимуму. Труженик коммунистического предприятия не стоит за станком, он его программирует и управляет им. Помимо производственной необходимости, интеллектуальное развитие личности являлось необходимой частью создания нового человека коммунистического общества. Советское общество при социализме обеспечивало бы всем гражданам среднее образование, в дальнейшем виделся переход ко всеобщему высшему образованию⁴.

Планомерное распространение и развитие движения изобретателей и рационализаторов тоже должно было послужить делу сращивания умственного и физического труда. Казалось, что каждый работник по мере приближения к коммунизму сможет взять на себя

¹ Там же.

² Хрущев Н. С. За новые победы мирового коммунистического движения. С. 11.

³ Козлов Г. Указ. соч. С. 33.

⁴ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 201. Л. 14.

часть инженерных функций, а затем функции рабочего промышленного предприятия совпадут с функциями инженера. Точнее, работник не будет относиться к определенной группе, по своим способностям или производственным надобностям он сможет работать на том участке производства, где он необходим, и приносить наибольшую пользу.

С развитием автоматизации производства и повышением уровня производительности труда произойдет сокращение рабочего дня одновременно с увеличением продолжительности оплачиваемых отпусков¹. Образовавшееся свободное время трудящиеся должны тратить на восполнение сил, лечение и повышение своего культурно-технического уровня, дабы соответствовать высоким требованиям, предъявляемым к трудящемуся коммунистического общества.

Преодоление в будущем разницы между городом и деревней, умственным и физическим трудом позволит избавиться от всех различий между людьми, за исключением физиологических, что в совокупности с материальным изобилием обеспечит наступление царства истинной свободы и равенства – коммунизма.

В Программе партии закреплялся тезис о перерастании государства диктатуры пролетариата в общенародное государство. Государство меняло свою роль: вместо орудия классовой борьбы появлялся институт, выражающий интересы всего населения Советского Союза². Государство до полной победы коммунизма продолжит выполнять широкий спектр функций в экономике, связанных с созданием материально-технической базы коммунизма, преобразованием общественных отношений в коммунистические и осуществлением других процессов, обеспечивающих переход к коммунизму³. По мере продвижения к цели руководство будет постепенно переходить из государственных органов в органы общественного самоуправления. Исходя из этого, на рубеже 1950–1960-х гг. расширяется спектр участия в управлении различных общественных инстанций: вводятся трудовые суды предприятий и товарищеские суды домоуправлений, женсоветы получают больше полномочий для решения «мелких проблем»⁴.

¹ XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 303.

² Там же. Т. 1. С. 206.

³ Всемирная история экономической мысли. С. 467.

⁴ Жидкова Е. Практика разрешения семейных конфликтов: обращение граждан в общественные организации и партийный ячейки // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 266–289.

Подобную судьбу предусматривала партия для самой себя в своей Программе: КПСС как политическая организация существовать не будет, она постепенно преобразуется, сольется с другими общественными органами в едином общественном самоуправлении. Партия как авангард всего народа и носитель огромного опыта и знания образует основное руководящее ядро коммунистического самоуправления¹. Можно сделать заключение, что Программа КПСС предусматривала приоритет партии над государством, что соотносится с приоритетом Программы над Конституцией, о чем говорилось выше. Определенную роль здесь мог сыграть тот факт, что при И. В. Сталине обнаруживается обратная тенденция, что, в свою очередь, могло восприниматься как искажение теории и практики В. И. Ленина. Следовательно, возвращение партии ее руководящих и направляющих функций было призвано внести еще одно исправление в искаженную общую доктрину достижения коммунизма.

Партия в период «развернутого строительства коммунизма» брала на себя функции обеспечения высокого уровня политического и организационного руководства, подъема активности масс и вовлечения трудящихся в управление производством и обществом, усиления коммунистического воспитания и преодоления пережитков прошлого, а также, конечно, творческого развития и пропаганды идей научного коммунизма². КПСС, являясь параллельной государству структурой, постепенно перенимала его основные функции.

Программа партии освещала не только теоретические вопросы, связанные с проблемами развития государства и экономики, она касалась и быта. Выше указывалось, что одна из основных функций принятия новой Программы была связана с мобилизацией субъективного фактора. Программа должна была играть роль путеводной нити непосредственно для каждого коммуниста и, опосредованно, для беспартийных граждан Советского Союза. Движение к коммунизму должно было идти планомерно и широким фронтом, затрагивая все стороны жизни. Естественно, невозможна ситуация, когда на предприятиях работники трудятся уже по-коммунистически, а возвращаясь к себе домой, совершают своеобразное путешествие назад во времени, попадая в бытовые условия, оставшиеся от прежних времен. Задача перестройки быта как немаловажного фактора в переходе

¹ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 219. Л. 21.

² Рожин В. П. Развитие XXII съездом КПСС марксистско-ленинской теории. Л., 1963. С. 23.

к «светлому будущему» являлась актуальной с первых лет Советской власти¹.

Бытовые условия, в совокупности с питанием и потреблением, воспринимались населением как индикатор продвижения к намеченной цели. Поскольку никто не мог увидеть миллионы тонн выплавленной стали или миллиарды киловатт электроэнергии, гораздо ближе для простого человека была позиция «чем лучше быт, тем ближе коммунизм». Линия противостояния между старым и новым пролегла в области быта, что не могли не осознавать партийные руководители. Забота Н. С. Хрущева о повышении уровня жизни советских граждан демонстрировалась ранее, но стоит привести еще одно его высказывание: «Коммунизм – это вполне реальные и конкретные условия жизни народа: это короткий рабочий день, хорошее жилье, самая низкая в мире квартирная плата, хорошая одежда, накормленные и напоенные дети, бесплатное обучение для них, государственные стипендии для студентов, бесплатная медицинская помощь, пенсионное обеспечение, отмена налогов с населения, которых у нас через пять лет не будет совсем, – вот что такое элементы коммунизма на деле, в жизни»². Видя улучшения в своем быту, труженик гораздо охотнее должен был выполнять поставленные руководством плановые показатели, что в сочетании с энтузиазмом позволит добиться нужных результатов. С. Н. Хрущев пишет, что Программа строительства коммунизма – это «очередная попытка одолеть нищету, обеспечить людям жизнь, достойную человека. Она выстраивается в один ряд с освоением целины, строительством дешевого и доступного жилья, но только теперь, за двадцатилетие, надеялся отец (Н. С. Хрущев. – Ф. А.), удастся разрешить все оставшиеся проблемы разом»³.

Старый быт представлялся одним из самых неуступчивых врагов наступающего будущего. Советский гражданин был вынужден тратить усилия и время на бытовые потребности, когда мог бы использовать их для реализации первоочередных задач «строительства коммунизма». Человека стимулировали новым бытом, одновременно спасая его от старого. Личный быт советского человека тесным образом переплетался с общественным. Коммунистический быт должен был способствовать облегчению жизни и развитию человека. Партия

¹ Плаггенборг Шт. Указ. соч. С. 368.

² Цит. по: Коммунизм входит в нашу жизнь. М., 1961. С. 4–5.

³ Хрущев С. Н. Указ. соч. С. 757.

брала на себя задачу предоставить человеку такой быт или, по крайней мере, дать описание того, к чему необходимо стремиться.

Можно без преувеличения заявить, что одной из самых проблемных точек в СССР был квартирный вопрос. Программа прямо называет жилищную проблему самой острой проблемой в «подъеме благосостояния советского народа»¹. С решением данного вопроса связано возникновение еще одного символа эпохи Н. С. Хрущева. Сталин оставил свой архитектурный след в возведении московских высоток, Хрущев увековечен по всей стране в «хрущевках», призванных противопоставить архитектурным излишествам практичность и функциональность. Такую архитектурную стратегию предполагалось распространить и на коммунистическое будущее: города и жилища должны строиться по принципу рациональности и разумной экономичности. «Расточительство, излишества в строительных объемах и претенциозность в архитектурных формах, безусловно, противопоказаны и чужды самой сущности коммунистической целесообразности и должны быть полностью отброшены и изжиты, как чуждые пережитки прошлого»². Дома, которые можно быстро и недорого воздвигать, представляли панацеей в решении жилищной проблемы. Много раз указывалось, что на первом месте стояли количественные данные: «хрущевки» помогали увеличивать показатели и выполнять данные в Программе обязательства. В качестве эксперимента возводились и дома гостиничного типа для одиноких людей или небольших семей. Индивидуальные жилые помещения в них сочетались со столовыми, буфетами, душевыми помещениями и комнатами отдыха коллективного пользования³.

С недостатком квартир планировали покончить в течение первого десятилетия, предоставив семьям, живущим в переуплотненных и плохих жилищах, новые квартиры. В итоге второго десятилетия каждая семья должна была иметь благоустроенную квартиру в соответствии с требованиями гигиены и культурного быта. Крестьянские дома старого типа планировалось заменить новыми домами⁴. В свете этого программного заявления видно, что «хрущевки» были призваны выполнить определенную задачу – расселить людей или облегчить невыносимые условия жизни. Затем на смену этому временному

¹ Материалы XXII съезда КПСС. С. 390.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 16. Л. 24.

³ Лифанов М. Указ. соч. С. 55.

⁴ Материалы XXII съезда КПСС. С. 390–391.

жилью должны были прийти более благоустроенные квартиры. Колхозников тоже планировали приобщить к городской жизни посредством четырех- и пятиэтажных домов в строящихся агрогородах. Внедрение элементов коммунистического жилища заключалось не только в строительстве новых домов, но и в соревновании за звание образцово-показательного дома. Такой дом должен был превратиться в очаг коммунистического быта, образец для остальных.

По достижении коммунизма отпадет надобность в квартплате. В этом вопросе был один интересный момент. Ознакомившись с предложенным проектом Программы, Н. С. Хрущев внес в предложение о переходе к бесплатному жилью во втором десятилетии более осторожную формулировку: в течение второго десятилетия бесплатное пользование будет только постепенно вводиться. Хрущев мотивировал это тем, что, возможно, в 1970-х гг. не будет возможности осуществить отказ от оплаты жилья, а исходя из проекта Программы, это должно было произойти на первом году второго десятилетия¹. Таким образом, в определенных вопросах прагматический подход превалировал над возможностью заработать несколько очков популистскими заявлениями. В окончательный текст Программы предложение о сроках обеспечения населения бесплатным жильем вошло в редакции Хрущева. В течение второго десятилетия станет бесплатным пользование коммунальным транспортом, а в конце десятилетия – коммунальные услуги².

Большое значение придавалось не только квартирам, жилищный вопрос затрагивал и градостроительство. Ставку делали на небольшие и средние города, игравшие роль спутников крупных промышленных центров. В первую очередь города-спутники появились у Москвы. В основе их создания лежало представление об органическом сочетании природы и культуры. В городах-садах люди могли отдыхать в отдалении от промышленных предприятий. В коммунистическом обществе принцип научности стоит на первом месте: населенные пункты должны были возникать и развиваться не стихийно, как было раньше, а запланированно и организованно. Города и поселки, по мысли авторов Программы, «должны представлять собою рациональную комплексную организацию производственных зон, жилых районов, сети общественных и культурных учреждений, бытовых предприятий, транспорта, инженерного оборудования

¹ Н. С. Хрущев о проекте третьей Программы КПСС. С. 6.

² Материалы XXII съезда КПСС. С. 391.

и энергетики, обеспечивающих наилучшие условия для труда, быта и отдыха людей»¹.

Естественно, вопросы о городе коммунистического будущего волновали архитекторов. Поэтому на рубеже 1950–1960-х гг. в различных журналах, но прежде всего в «Архитектуре СССР», стали появляться материалы, касающиеся этого вопроса. Особо надо отметить, что в этот период авторы пытались соединить в своих планах реальные перспективы градостроительства и идеальные проекты. Создание условий для перехода к «светлому будущему» объявлялось реальной задачей, следовательно, нельзя было создавать впечатление «утопичности» проектов.

В значительной степени сама власть ставила рамки для проектов городов будущего. Н. С. Хрущев в своем докладе о контрольных цифрах развития народного хозяйства на 1959–1965 гг. отмечал: «Уже сейчас все более развиваются коммунистические формы труда, организации производства, такие формы удовлетворения общественных потребностей граждан, как общественное питание, школы-интернаты, детские сады и ясли. В нашем обществе имеется много осязаемых и зримых черт коммунизма, которые будут развиваться и совершенствоваться»².

Поэтому редколлегия журнала «Архитектура СССР» делала вывод, что «при решении всех вопросов организации быта населения необходимо учитывать намечаемый уровень обслуживания для ближайших лет, а также предусматривать радикальное его изменение в перспективе развития. В связи с этим уже сейчас необходимо определить основные тенденции развития обслуживания населения»³.

Вопрос о новых формах жилища должен был решаться комплексно: «В условиях развернутого строительства коммунизма понятие “жилище” не может быть ограничено только площадью квартиры. Как неотъемлемая органичная часть в него должна входить вся первичная сеть культурно-бытовых учреждений, без которых нет и не может быть социалистического жилища как базы для развития коммунистических форм быта»⁴. Такой подход советских архитекторов

¹ Там же.

² Хрущев Н. С. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы. М., 1959. С. 109.

³ Борисовский Г. Заглянем в будущее // Архитектура СССР. 1961. № 1. С. 2.

⁴ О творческой направленности советской архитектуры // Архитектура СССР. 1961. № 1. С. 50.

можно рассматривать как результат рационалистической парадигмы. Если в предшествующие эпохи в архитектуре господствовали разнообразие принципы, то в коммунистическую именно рациональность должна была выйти на первое место. При этом рациональность в данном контексте надо воспринимать как максимальное сочетание различных достоинств. Жилье должно быть одновременно недорогим и красивым, индивидуальным и массовым и т. д.

Интересно, что вопросы рационального проекта возникали в связи с проблемой новых форм домов. Так, в полемике с Г. Борисовским челябинский архитектор Ф. Серебровский заявлял: «Это конечно не “дом будущего”, а всего лишь один из возможных вариантов рационального решения конструкционного задания»¹. Эта фраза показывает, что за «домом будущего» должно стоять не рациональное решение современности, а рациональность будущего.

Тема рациональности возникает в другом аспекте: «В процессе коммунистического преобразования общества исчезнет противоположность между односторонней утилитарностью “сотообразной” жилой архитектуры капиталистического города и внешней представительностью его современных общественных зданий. Новое общество нуждается в создании совершенно нового типа расселения, где в пределах определенного архитектурного ансамбля средствами композиции расчленения и организации его пространства будут созданы все условия для развития новых социальных процессов. Очевидно, необходимо дополнит социальные функции микрорайон. Его структура должна удовлетворять не только потребность в жилье и коммунально-бытовом обслуживании, но и в повседневных занятиях трудом, искусством, спортом, наукой»². Представлялось, что город должен быть разделен на жилую и промышленную зоны, соединенные мощными транспортными магистралями. Концепция «спальных районов» получила свое развитие в послевоенные годы, до этого рациональным считали сокращение расстояния между домом и работой, то есть создание районов в непосредственной близости от промышленных предприятий.

Появляются новые «экспериментальные районы». Отмечалось, что при всех недостатках застройки девятого квартала Новых Черемушек, жилых кварталов Ангарска, Новой Каховки, правобережной

¹ Серебровский Ф. Об одном важном тезисе // Архитектура СССР. 1961. № 8 С. 57.

² Тасалов В. Некоторые проблемы развития архитектуры // Архитектура СССР. 1961. № 6. С. 52.

части Магнитогорска, нового микрорайона Челябинска и т. п. в них уже имеются основные общественные учреждения, необходимые для комплексного обслуживания населения¹.

Наиболее рациональными вариантами районирования были круг или квадрат. Человек должен быть вовлечен в несколько зон или ступеней обслуживания. Например, предлагали такие ступени: 1) продажа хлеба, молока, радиус обслуживания не должен превышать 150 м; 2) основные виды продовольствия, столовые, парикмахерские – 400 м; 3) универмаги, комбинаты бытового обслуживания – 1500 м; 4) предприятие общегородского типа. Таким образом, возникал эффект, который сейчас назвали бы глокализацией, когда локальные элементы объединяются в глобальные структуры. Интересно, что и утописты прошлого видели в круге и квадрате идеальные образцы для своих проектов. Так, проект «Города Солнца» Т. Кампанеллы был концентрическим, а Т. Мор в своей «Утопии» предлагал квадратный план, расчерченный линиями улиц.

Бытовые предприятия являлись немаловажным элементом в системе будущего городского быта. Именно в развитии сети предприятий бытового обслуживания виделось изменение бытовых условий каждого человека. В основном освободиться должна была советская женщина. Бытовой вопрос в рамках III Программы КПСС, да и в предшествующей традиции, имел ярко выраженную направленность на женскую часть советского населения. Название соответствующего параграфа в Программе звучит как «Улучшение бытовых условий семьи и положения женщины, содержание детей и нетрудоспособных за счет общества»². Быт был уделом женщины, рядовая советская женщина фактически работала на двух работах. Днем на официальной, в народном хозяйстве, а вечером, дома, ей предстояла еще одна смена – у плиты или гладильной доски. Мужчина рассматривался как потребитель продуктов, создаваемых в бытовом секторе, и его интерес заключался лишь в повышении качества бытового обслуживания. Можно сделать заключение, что, освободив женщину от всех ее прежних «традиционных» обязанностей и уравнив ее в положении с мужчиной, коммунистическое общество практически стирало гендерные различия. Женщину будущего объединяла с женщиной прошлого только функция деторождения.

¹ О творческой направленности советской архитектуры // Архитектура СССР. 1961. № 1. С. 50.

² Там же. С. 392.

Решение бытовых вопросов в очередной раз виделось в коллективности и индустриализации процессов. Основу перестройки быта составляли предприятия бытового обслуживания населения – именно предприятия, сравнимые с промышленными, способные обслужить потребности сотен тысяч человек. Главным звеном этих предприятий должна была стать сеть общественного питания. Еще Ф. Энгельс в одной из своих работ рассуждал так: «Можно смело предположить, что при общественном приготовлении пищи и при общественном обслуживании легко было бы освободить две трети занятых этим делом рабочих, причем остальная треть могла бы лучше и внимательнее исполнять свою работу»¹. Представляется, что эта цитата одновременно являлась и источником, из которого черпалось представление о будущем устройстве, и авторитетной ссылкой, придававшей статус незыблемой истинности. Сеть предприятий общественного питания во втором десятилетии должна была обеспечить предприятия, учреждения и колхозы бесплатными горячими обедами². Постепенно качественная, вкусная и питательная еда в столовых будет обходиться дешевле домашней еды, а с переходом на бесплатное распределение окончательно вытеснит питание в домашних условиях, освободив женщину от многовекового кухонного рабства. Меры, предлагаемые Программой, можно обнаружить еще в 1930-е гг. Так, журнал М. Горького «Наши достижения» в 1930 г. указывал на преимущества общественного питания и ратовал за строительство предприятий, способных готовить несколько тысяч обедов в день³. Следовательно, за 30 лет в представлениях о коммунистическом быте кардинальных перемен не произошло, были введены только современные технические новинки.

Вслед за столовыми развитие должны были получить предприятия по ремонту и изготовлению вещей личного пользования, в первую очередь, одежды. Пункты проката предоставят возможность удовлетворить потребности человека в необходимой ему на ограниченный срок вещи, тем самым освободив его жилище от ненужных вещей. В личном быту человека будет окружать небольшое количество абсолютно необходимых ему предметов⁴. Кухня и кухонная техника

¹ Энгельс Ф. Эльберфельдские речи // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 542–543.

² Материалы XXII съезда КПСС. С. 393.

³ Халатов Арт. Перестройте быт // Наши достижения. 1930. № 1. С. 56–57.

⁴ Лифанов М. Указ. соч. С. 61.

станет ненужной с переходом на общественное питание. Автоматизация кухонного хозяйства выступала объектом критики буржуазного образа жизни, оставляющего женщину прикованной к домашнему хозяйству, хотя и с меньшими физическими затратами¹. Стиральные машины, утюги и т. п. будут неактуальны, поскольку экономически выгоднее пользоваться мощными промышленными машинами, обеспечивающими превосходное качество работы. На XXII съезде А. И. Микоян говорил: «Нам надо создать свою систему совершенного обслуживания советского человека, обеспечения его максимальными удобствами, наилучшего удовлетворения его материальных и культурных запросов. <...> Потребуется и некоторое перераспределение в балансе рабочей силы в сторону повышения удельного веса сферы услуг. Мы, безусловно, пойдем на это»².

Воспитание подрастающего поколения должно было осуществляться в общественных учреждениях: детских садах, школах-интернатах и лагерях. С родителей не снималась ответственность за судьбу детей, но по желанию они могли перепоручить ее обществу. В целом, сама семья с наступлением коммунизма должна претерпеть определенные изменения. Прямо об этом в тексте Программы не говорится, но можно сделать предположение, как эти изменения мыслились. Еще до Октябрьской революции марксисты вынуждены были отбивать атаки критиков, указывавших на несовместимость коммунистической формации и семьи – порождения классового общества. Определенные представители марксизма настаивали на полном освобождении человека, в том числе и в половой сфере. Советское государство, стремившееся к стабилизации, настаивало на сохранении моногамной семьи как ячейки общества. Лозунг «свободной любви», спонтанно возникший среди советской молодежи, был «разоблачен» еще В. И. Лениным, который в одном из писем Инессе Арманд рассуждал, что в «свободную любовь» входят 10 пунктов: свобода от материальных (финансовых) расчетов в деле любви; тоже от материальных забот; от предрассудков религиозных; от запрета папаши etc; от предрассудков «общества»; от узкой обстановки (крестьянской или мещанской или интеллигентски-буржуазной) среды; от уз закона, суда и полиции; от серьезного в любви; от деторождения; свобода адюльтера. В. И. Ленин показывал, что для пролетариата важны 1–7 пункты, а остальные – это «свободная любовь» буржуазного

¹ Там же. С. 60.

² XXII съезд КПСС. М., 1962. С. 454.

общества. Он собирался противопоставить мещанский – интеллигентский – крестьянский пошлый и грязный брак без любви – пролетарскому гражданскому браку с любовью¹. Коммунистическая семья, освободившись от бытовых и материальных трудностей, перестанет служить экономической ячейкой и сможет наиболее полно выполнять свою функцию оплота любви и личного счастья людей².

Самой трудной задачей являлось создание нового человека. Но данной задаче были подчинены остальные, на что указывает следующее замечание Н. С. Хрущева к тексту Программы: «Что главное в коммунистическом обществе? Человек. И поэтому все усилия физические и умственные и материальные средства должны быть направлены на лучшее удовлетворение потребностей человека и всего коммунистического общества в целом. Так надо сказать»³. Ведь на плечи советского человека легло выполнение задач по созданию материально-технической базы коммунизма и коммунистических общественных отношений. Начиная с прихода большевиков к власти и до принятия III Программы партии новый человек коммунистического будущего воспринимался не иначе как герой. Слово «герой» на протяжении всего советского периода встречается повсеместно: так называли летчиков, полярников, пограничников, стахановцев и всевозможных Героев Труда⁴. Любой человек в советском обществе теоретически мог стать героем. Наиболее яркими примерами мифологической героизации являются легендарный пионер Павлик Морозов и передовик-шахтер Александр Стаханов, которые из обычных людей превратились в символы советского строя. В 1960-е гг. главными героями, безусловно, выступали космонавты, а первым среди равных по праву стал Ю. А. Гагарин. Несмотря на то что многие желали оказаться в космосе, это было нечто одновременно близкое и нереальное. Гораздо проще было стать героем-ученым или передовиком производства. В 1960-е гг. на смену стахановской традиции пришли бригады коммунистического труда. Их члены давали обещание жить и трудиться по-коммунистически, внедряя коммунистические фор-

¹ Ленин В. И. Письмо В. И. Ленина И. Ф. Арманд от 17 января 1915 г. // ПСС. Т. 49. С. 51–52.

² Более подробно о связи личной жизни с установками коммунизма можно прочесть в книге: Deborah A. Field. *Private Life and Communist Morality in Khrushchev's Russia*. N. Y., 2007.

³ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 210. Л. 11.

⁴ Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 89.

мы труда. Отметим, что четкого понимания этого термина не было. Хрушев удивлялся: «Что такое “коммунистические формы труда”? Это все газетный штамп»¹. Но этот газетный штамп прочно вошел в лексикон советской идеологии. Как отмечал в 1960 г. первый секретарь ЦК Компартии Украины Н. Подгорный, «самоотверженный труд участников бригад и ударников коммунистического труда органически сочетается с формированием нового человека – человека коммунистического будущего, с преодолением пережитков прошлого в сознании людей. <...> Величайшее достижение социалистического строя состоит в том, что он воспитал нового человека. Наиболее характерные черты его: верность идеям марксизма-ленинизма, горячая любовь к социалистической Родине, преданность делу пролетарского интернационализма, дружбе народов. Советские люди являются поборниками коммунистических идей – самых передовых и животворных идей нашего времени. Эти идеи вошли в плоть и кровь трудящихся, миллионы которых, и не состоя в рядах партии, с законной гордостью называют себя коммунистами»².

Создание нового человека не стоит воспринимать как изменение физиологии человека с целью подняться на следующую ступень эволюции, наделив его выносливостью, силой, ловкостью и т. д. Подобные эксперименты по улучшению человеческого материала пытались проделывать в 1920–1930-х гг. разные группы, применяя научные достижения. Правда, физическое совершенство фигурировало в списке качеств жителя «светлого будущего», для этого развивали сеть спортивных, медицинских и профилактических учреждений, призванных заботиться о здоровье гражданина и довести возраст его жизни до 150 лет, а то и больше³. Однако физическая сторона дела не рассматривалась как самоцель, советское общество не создавало культ человеческого тела. Тело воспринималось орудием производства, следовательно, как заботятся о станке, так должны были заботиться и о теле – сугубо инструментально. Болезни и усталость не должны были влиять на показатели народного хозяйства. Развитие тела, повышение его устойчивости и прочности являлось своего рода модернизацией оборудования. Наряду с «модернизацией» физической стороны, новый человек должен был развиваться и интеллектуально.

¹ РГАСПИ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 201. Л. 12.

² Подгорный Н. На путях к победе коммунистического труда // Коммунист. 1960. №. 6. С. 26, 28.

³ Струков Э. В. Человек коммунистического общества М., 1961. С. 62.

При сокращении времени на материальное производство расширятся возможности для развития способностей, дарований, талантов в области производства, науки, техники, литературы и искусства. Досуг человека будет посвящен умственному развитию и научно-техническому творчеству¹.

Главным в советском человеке должна была стать моральная сторона, и формировать новую коммунистическую мораль был призван «Моральный кодекс строителя коммунизма». С момента появления этого документа стали проводиться аналогии с библейскими заповедями. Прямое сопоставление коммунистической идеологии и религиозной системы христианства – не очень глубокая исследовательская игра. Большинство действий человека – поедание пищи, политические выступления и даже включение света в доме – имеют мифологическую подоплеку², в этом свете правильнее будет говорить о советской мифологии, а не о коммунистической религии. Основной функцией мифологической системы является упорядочивание мира, уменьшение энтропии. Посредством установления запретов, ритуалов и т. п. воздвигаются границы упорядоченного. Коммунистическая мораль должна была стать на страже достижений общества в построении «светлого будущего», дабы не повторить печальный опыт коммун прошлого. Опасность неверного, упрощенного понимания грядущего беспокоила руководство партии. Существовал определенный разрыв между пониманием коммунизма как теоретической конструкции марксистско-ленинской философии, которую необходимо воплощать в жизнь, своеобразного «рая земного», грядущего совсем скоро, и потребительским отношением населения. Позиция, когда в лозунге «от каждого по способностям, каждому по потребностям» игнорируется первая часть, а воспринимается только вторая, сводит все успехи строительства коммунизма на нет, несмотря на все достижения науки и техники.

Что же представлял собой моральный кодекс строителя коммунизма? Это был набор из 12 весьма расплывчатых нравственных принципов. Само понятие «коммунистическая мораль» противостоит морали некоммунистической, призванной сойти с арены, уступив место новому и прогрессивному. Коммунистическая мораль в ходе строительства коммунизма должна была обогатиться новыми прин-

¹ XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 319.

² Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов: К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001. С. 40–42.

ципами, новым содержанием. Как считала партия, это новое содержание выражается в следующем: преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма; добросовестный труд на благо общества по принципу «кто не работает, тот не ест»; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов; коллективизм и товарищеская взаимопомощь на основе лозунга «каждый за всех, все за одного»; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми по принципу человек человеку – друг, товарищ и брат; честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни; взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей; непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству; дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни; непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов; братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами¹.

Если принять последовательность перечисления принципов за иерархию, то получится интересная картина. На первом месте стоит преданность делу коммунизма, которая выше любви к социалистической Родине и странам социализма. То есть новый человек – это, в первую очередь, коммунист, и если интересы коммунизма вступают в противоречие с интересами Родины, то надо выбирать в пользу коммунизма. Советский человек должен быть носителем идеократического мировоззрения. Далее идут его производственные обязанности, затем личные и семейные принципы и в конце – интернациональные установки. Несмотря на всю заботу о благе человека, для партии главным назначением индивида была работа, и только во внерабочее время он имел право на личную жизнь. Это подтверждается и расположением тезисов в параграфе о задачах партии в области воспитания коммунистической морали. Сначала планировалось сформировать научное мировоззрение, что соответствовало овладению марксизмом-ленинизмом, дальше шло трудовое воспитание, а лишь затем – утверждение коммунистической морали, всестороннее и гармоничное развитие личности и преодоление пережитков капитализма в сознании и поведении людей².

¹ XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 317–318.

² Там же. С. 316–319.

Из восприятия человека как производителя вышла заслуживающая внимания идея о том, что «труд по способности станет привычной, первой жизненной потребностью всех членов общества»¹. Труд должен был стать таким же необходимым, как еда, вода и воздух, то есть перейти в разряд физиологической необходимости. Конечно, трудовая деятельность разумно оправдана, человек не должен терять здоровье, перерабатывая. Такое отношение к труду необходимо было выработать для предотвращения потребительского отношения к принципам коммунистического общества, о коем упоминалось ранее. Требовалась дисциплина, которая основывается не на принуждении, а на воспитании чувства долга. По мысли Н. С. Хрущева, главное в этом направлении – труд и дисциплина. И людей необходимо было воспитывать в этом направлении, «а то мы воспитываем – хочет, пойдет на работу, а хочет, пойдет на пляж. Это невозможно, потому что тогда будет не производство, а анархия, а не организованное общество и не организованное производство. <...> Не нужно приучать людей, что это будет какое-то бесформенное общество животных, которые по своему усмотрению будут проводить время»². Коммунистические представления еще раз демонстрируют тесное переплетение идеологических, экономических и общественных элементов в официальном дискурсе.

Осветив основные моменты представления о коммунизме в рамках советского дискурса, нашедшего свое воплощение в тексте III Программы КПСС, необходимо сказать об одном аспекте, на который практически не обращают внимания исследователи. Тем самым допускается неточность в трактовке источника и тех идей, которые циркулируют в его контексте. Правильная расстановка акцентов позволит скорректировать исследовательское восприятие коммунистических представлений в эпоху развернутого строительства коммунизма.

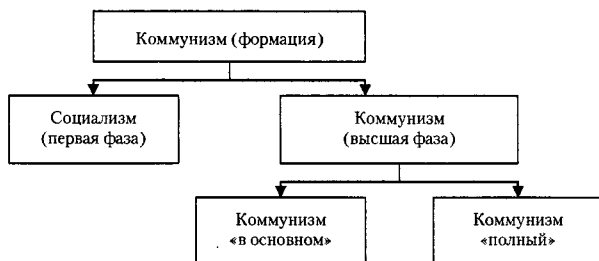
III Программа партии ставила своей задачей построение в течение 20 лет коммунизма, но с добавлением «в основном»³. Что это означает? Все это значит, что коммунизм в официальном дискурсе еще более дифференцируется. Под термином «коммунизм», на основе трудов классиков марксизма-ленинизма, понималась и совокупность социализма с коммунизмом, и собственно второй этап в коммунизме.

¹ XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 317.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 201. Л. 10.

³ Материалы XXII съезда КПСС. С. 368.

Программа КПСС развила это положение, разделив, в свою очередь, коммунизм как следующий после социализма этап на два подэтапа: коммунизм «в основном» и «полная победа» коммунизма. Визуально это можно представить в виде схемы.

О. В. Куусинен отмечал, что «следовало бы всюду во II части возможно точнее разграничивать ближайшие задачи, реально рассчитанные на выполнение в течение предстоящего двадцатилетнего периода и более далекие перспективы. В проекте это не делается последовательно»¹. Коммунизм «в основном» – это уровень производства 80-х годов, это построение условий в материально-технической и общественной сфере, когда удовлетворятся непосредственные запросы, материальные и духовные потребности первой необходимости². При достижении коммунизма производство не будет горизонтально развиваться, оно будет все время расти вверх до полной победы коммунизма, где будут преодолены все противоречия и удовлетворены все человеческие потребности. Если провести антропологическую параллель, то социализм – это «детство», первый этап коммунизма – «юность», второй – «зрелость». Уточним, что в таком случае не предполагалось наступление «старости». Еще раз обратимся к поправкам Н. С. Хрущева к Программе партии: «80-е годы, это все-таки 20 лет, и поэтому нельзя сказать, что так же будет и через 40 лет. <...> А через 40 лет что будет? То же, что через 20 лет? Неправильно это. Поэтому степень развития науки, техники, внедрения автоматизации будет все возрастать, а физических и умственных усилий потребуется затрачивать меньше. Поэтому возрастут и потребности каждого человека. И сами люди будут другими, все будут иметь не только среднее

¹ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 13. Л. 13.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 201. Л. 13.

образование, но и высшее. Одним словом, создадутся возможности не только удовлетворять, но и развивать духовные потребности человека. Это будет идти все по возрастающей линии. Видимо, раздел о материально-техническом обеспечении должен быть разбит на периоды или фазы коммунизма»¹. Игнорирование такого понимания задач коммунистического строительства в тексте Программы в период 1970–1980-х гг., с одной стороны, может быть понято в контексте «теоретической ошибки» В. М. Молотова, который на февральской сессии Верховного Совета в 1955 г. отметил, что в СССР построены только «основы социализма». Это можно было трактовать как противопоставление тезису о завершении построения социализма в СССР. Данная «ошибка» была использована в политической борьбе, и Молотов вынужден был «покаяться» в печати, тем самым лишая себя статуса одного из ведущих теоретиков партии.

Программа в этом случае приобретает прагматичный характер, по сравнению с ее утопическим определением в историографии. Одной из главных кризисных ошибок называют то, что в Программу партии закладывали «классическую» марксистско-ленинскую схему перехода от социализма к коммунизму без учета того, что в СССР не был создан тот социализм, от которого можно было бы переходить к коммунизму². Однако одной из ошибок в интерпретации Программы надо признать то, что исследователи видели в грядущем коммунизме 1980-х гг. «классический» коммунизм марксистско-ленинской традиции, который, по мысли авторов Программы, должен был наступить значительно позднее.

С другой стороны, четкое и открытое изменение идей о поэтапном движении к «светлому будущему» могло снизить мобилизующий эффект, отдалив полный коммунизм за пределы жизни нынешнего трудоспособного поколения. Тем самым партия лишила бы это поколение значительной части стимула прилагать усилия для достижения поставленной цели. Несмотря на командно-административную систему и волюнтаризм управления, руководству партии и государства приходилось считаться с населением и учитывать субъективный фактор. Успешные реформы продолжаются до тех пор, пока они протекают в русле интересов широких слоев населения. Когда идеи реформ перестают совпадать с массовыми интересами, то с реформами

¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 201. Л. 14.

² Н. С. Хрущев (1894–1971): Материалы науч. конф. С. 43.

ничего не получается¹. Такое балансирование между задачей подъема энтузиазма и определенной прагматикой в постановке ожидаемых результатов негативно отразилось на интерпретации III Программы КПСС в исторических исследованиях.

Несмотря на краткость анализа основных элементов коммунистических представлений официального советского дискурса, отразившихся, в первую очередь, в III Программе партии, можно попытаться свести воедино разрозненные части и как мозаику собрать общий контур коммунистической перспективы, открывающейся со страниц Программы. Отдавая себе отчет в невозможности полной и тождественной реконструкции ментального образа коммунизма III Программы КПСС, исследователь не должен отказываться от этого. Без относительно стабильной точки отсчета невозможно будет проследить, как официальный дискурс транслировался, воспринимался и какой образ коммунизма формировался у населения. Необходимо помнить об относительности любой реконструкции из тех элементов, которые находятся в источнике: исследователь создает образ сознания, а уже в нем пытается воссоздать картину, которую должно было формировать сознание, воспроизведенное им. В отсутствии оригинала, к которому полученный результат можно было бы приложить, степень тождественности полученного исследователем результата реальным представлениям прошлого невозможно определить. В лучшем случае результат будет внутренне не противоречив.

Выводом может служить понимание того, что в III Программе партии индустриальный характер общества распространялся за пределы народного хозяйства и подчинял своей логике большинство сторон жизни. Промышленность и сельское хозяйство автоматизировались, что устраняло необходимость в тяжелом физическом труде. Стирание границ между физическим и умственным трудом делало работу оператора самой распространенной, высшее образование становилось необходимым, а значит, всеобщим. Труд становился осознанной потребностью каждого члена общества, а основные потребности человека удовлетворялись за счет фондов общественного потребления. Это должно было привести к замене товарно-денежных отношений прямым распределением товаров, которые в избытке производит народное хозяйство, основывающееся на материально-технической базе, созданной по последним достижениям науки. Наряду с сокращением времени, затраченного на производство, человек освободит-

¹ Там же. С. 103.

ся и от бытовых проблем, решение которых брало на себя общество. Их коллективное удовлетворение на индустриальной основе было экономичнее и целесообразнее. Высокий уровень жизни должен был распространиться и на поселения, ориентированные на аграрное производство, что уничтожило бы разницу между городом и деревней. Свободное время человек отдаст на развитие своих физических, умственных способностей и моральных качеств, в чем общество будет всячески ему содействовать. Управлением и распределением без принуждения, присущего отмершему государству, должно будет заниматься самоуправление, которое вырастет из общественных организаций и КПСС. Каждый член общества, вооруженный научным мировоззрением и марксистско-ленинским учением, должен будет участвовать в жизни общества. В возврате к наследию классиков и, в первую очередь, В. И. Ленина официальный дискурс видел необходимое условие верного понимания пути к коммунизму.

Определение коммунизма, приведенное в тексте III Программы КПСС, в дальнейшем раскрывается. Но, несмотря на заверения политического руководства о наполнении конкретным содержанием марксистско-ленинской теории, можно сделать вывод о нечеткости образа будущего. В основном это была постановка целей, которые необходимо было достичь. Интерпретация данных целей позволяет сделать вывод о том, что за ними скрывалось. Излишняя четкость лишала бы КПСС возможности маневра, тогда как некоторая расплывчатость оставляла свободу действий при формальном сохранении верности Программе.

В III Программе КПСС как в плане по воплощению коммунизма в жизнь были сконцентрированы основные тенденции, определявшие образ эпохи. Обозначение задач III Программы КПСС основывалось на расчетах и опыте предыдущего десятилетия, что делает ее, в значительной степени, реалистичным документом, который должен был мобилизовать население и задать направление движению масс. Новая Программа партии должна была обеспечить переход Советского Союза от социализма к коммунизму. Но обозначенный Программой коммунизм не предполагал полного воплощения идей классиков марксизма-ленинизма: в Программе было заложено строительство коммунизма «в основном». Но даже создание такого коммунистического общества для советского руководства означало бы победу СССР в соревновании с США. Строительство коммунистического общества было связано с решением ряда важнейших задач. Необходимо было радикально модернизировать материально-техническую базу с тем, чтобы многократно увеличить объемы промышленного

производства и сельского хозяйства, что выступило бы основой для строительства коммунизма. Далее планировалось развивать черты коммунистического общества во всех сферах жизни, начиная с управления и заканчивая бытом. В результате постепенной эволюции к 1980 г. должно было сложиться коммунистическое общество. В нем и должен был зародиться новый человек – человек «светлого будущего».

Глава 2

МЕДИАТОРЫ КОММУНИЗМА

§ 1. «Верной дорогой идете, товарищи!»:

Официальная пропаганда коммунистического дискурса

Говоря о мобилизующей задаче III Программы КПСС, необходимо понимать, что нужного эффекта невозможно достичь, просто продекларировав определенные задачи, решение которых, согласно официальному дискурсу, приведет к построению коммунизма. Для того чтобы идея приобрела материальную силу, она должна овладеть умами масс¹. Эту мысль классиков марксизма советское руководство не могло не осознавать. Следовательно, необходимы были медиаторы между коммунистическими идеями, которые порождал официальный дискурс, и сознанием населения. Представляется, что некорректно воспринимать функции медиатора исключительно как направленные в одну сторону – сверху вниз, в виде механизмов донесения и разъяснения неких теоретических построений для основной массы граждан. Известно, например, что в ранней Советской России мифологизация была децентрализованным процессом, в значительной степени исходившим «снизу»².

Программа партии и коммунистические перспективы, заложенные в ней, создавались не кулуарно, а с учетом мнения населения, хотя децентрализованных элементов в процессе мифологизации было меньше, чем в первые годы советской власти. Показательным примером, иллюстрирующим данный тезис, может служить публикация и обсуждение проекта Программы, а также те небольшие поправ-

¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 422.

² Нарский И. В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенностях коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетия. Челябинск, 2004. С. 395.

ки, которые были внесены в текст по итогам данного обсуждения. Следовательно, можно говорить не о монологе, а о диалоге власти с обществом, однако с большим перевесом в сторону властных структур. Медиаторы, таким образом, работают в обе стороны, но в данном разделе будет рассматриваться трансляция «сверху вниз».

Коммунистическая партия и Советский Союз как государство с сильными идеократическими элементами имели развитую пропагандистскую систему. Главным и самым важным элементом в продвижении коммунистических представлений официального дискурса, конечно, была сама Программа. Знаковым представляется уже ее наличие, поскольку новая Программа являлась для ее авторов, опиравшихся на мысли В. И. Ленина, сильнейшим материалом для агитации, выступая основой воспитания масс в духе коммунизма¹. Сам факт того, что главный партийный документ без всяких оговорок заявляет о четких сроках достижения «светлого будущего», был источником трансляции и средством аккумуляции коммунистических представлений.

Современники отмечали, что новая Программа партии обещала построить коммунизм и эта задача отчасти выполнялась произнесением сакральных слов: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». И хотя Программа, по их мнению, отличалась логической неубедительностью, она доказывала верность обозначенной цели и выбранного пути самим своим появлением². Обозначив срок в 20 лет, КПСС подвергала риску свою репутацию как на международной арене, так и внутри страны: невыполнение намеченного, даже с учетом возможного роста народного хозяйства, существенно подорвало бы престиж коммунизма. Реализацией этой тенденции стал дальнейший ход истории – закат Советского Союза и последующая эпоха, когда III Программа КПСС служила для антикоммунистов аргументом, демонстрирующим утопизм коммунистических ожиданий. Однако в 1960-е гг. Программа отражала настроение значительной части общества.

В качестве фактора, придававшего дополнительную убедительность коммунистической цели, выступали требующие своего решения разнообразные задачи: увеличение выплавки металлов, надоя молока и т. д. Программа четко обозначала первоочередные задачи, а также указывала направления и этапы их реализации. Однако ос-

¹ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 110.

² Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 12, 16.

новная масса жителей СССР, несмотря на довольно простой язык документа, не могла адекватно воспринимать все то, что ставила в разряд задач Программа, и те последствия, к которым приведет их выполнение. Что такое 3000 млрд киловатт-часов и 250 млн тонн стали в год, необходимые для создания материально-технической базы коммунизма? Подобные утверждения можно было воспринимать исключительно на веру, освященную авторитетом партии. При постановке задач партия утверждала, что у нее есть четкий, конкретный и научно обоснованный план, которому необходимо следовать. Программа указывала место каждому в ряду строителей коммунизма, она показывала, как надо трудиться, учиться во имя коммунизма, как готовить себя для жизни в коммунистическом обществе¹. В первой главе отмечалась возможность двойного прочтения заголовков, в которых в общем виде и формулировались задачи и одновременно подразумевалось их обязательное решение. Такой провиденциализм и фатализм свидетельствовали о неизбежности победы коммунизма, что должно было усвоить население в целом и каждый человек в частности.

Подтвердить верность выбранного пути построения коммунизма призвана была также постоянная апелляция к авторитету В. И. Ленина. Для подтверждения своих мыслей авторы Программы использовали цитаты из его работ, а в тех случаях, где таковых не было, обходились обтекаемыми формулировками о «ленинских принципах». Представлялось, что свержение господства эксплуататоров, установление диктатуры пролетариата и построение социализма невозможно без двух Программ, разработанных при участии и под руководством В. И. Ленина. При подготовке III Программы, ставившей своей целью создание коммунистического общества, по словам Н. С. Хрущева, «мы постоянно советовались с Лениным, исходили из его прозорливых предначертаний, из его гениальных идей о строительстве социализма и коммунизма. Поэтому мы с полным основанием можем и эту Программу назвать ленинской»². Уже отмечалось, что вследствие политической борьбы и процесса так называемой «десталинизации» в официальном дискурсе происходило формальное оттеснение творческого наследия Сталина и возврат к «первоначальному» – наследию Ленина. Для общественного мнения было характерно то же изменение. Ленин – «священный» символ – играл

¹ Материалы XXII съезда КПСС. С. 231.

² Там же. С. 121–122.

роль оракула как на основе официальной мифологии, так и народной. Октябрьская революция и Гражданская война почти сразу превратились в базовые мифы Советского государства¹. Ленин, организатор революции и победитель в Гражданской войне, воспринимался как культурный герой и «первопредок», организующий из хаоса космос и отвоевывающий в борьбе с чудовищами «Упорядоченное» для своих потомков. Хрущев, в котором Л. Абрамян обнаруживает фольклорные черты сына-дурака, борющегося с «чудовищами», что роднит его с Лениным², продолжал бороться со Сталиным за ленинское наследие.

Анализ текста Программы позволяет сделать следующий вывод: В. И. Ленин как оракул коммунистических перспектив в 1960-е гг. отодвигает К. Маркса и Ф. Энгельса, несмотря на то что он внес в разработку теории коммунизма гораздо меньший вклад. Причиной этого, вероятно, является тот факт, что Ленин был гораздо ближе советскому человеку, чем основатели марксизма, которые воспринимались как фигуры предысторические, поскольку подлинная история в советском сознании начиналась с социалистической революции.

Отметим, что в дни проведения XXII съезда КПСС был торжественно открыт знаменитый памятник К. Марксу на Театральной площади в Москве. На нем высечен лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а также фраза Ф. Энгельса: «Имя его и дело переживут века» и В. И. Ленина: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

Приоритет теоретического наследия Ленина над трудами Маркса и Энгельса в пространстве медиаторов иллюстрируется также тем, что к 1961 г. было выпущено только второе издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и уже пятое Полное собрание сочинений В. И. Ленина. Еще одним интересным фактом является то, что после произнесения Н. С. Хрущевым речи, закрывающей работу XXII съезда, естественно, разразилась овация, и среди приветственных возгласов были следующие: «Ленинской партии – слава!», «Да здравствует ленинская Программа партии!», «Да здравствует ленинский Центральный Комитет!», а после зал начал скандировать: «Ленинизм – коммунизм!»³ Любопытно, что среди участников съезда, утвердивших официальный план достижения коммунизма, циркулировали представления, позволявшие ставить знак равенства

¹ Нарский И. В. Указ. соч. С. 394.

² Абрамян Л. Указ. соч. С. 75–76.

³ Материалы XXII съезда КПСС. С. 453.

между ленинизмом и коммунизмом. При этом рядом с коммунизмом стояло только творческое наследие Ленина и не упоминался марксизм. Лозунг «Ленинизм – коммунизм!» можно интерпретировать следующим образом: только Ленин знал, как достичь «светлого будущего», а Хрущев и КПСС могут правильно и безошибочно воспринять его заветы и направить советский народ по верному пути. В таком аспекте коммунистическая идея приобретает некий эзотерический оттенок и становится сакральным знанием, требующим своей герменевтики.

Программа была важнейшим транслятором, но она одна не могла обеспечить необходимый результат. Являясь основой плана коммунистического строительства, она нуждалась в целом комплексе объясняющих, развивающих и дополняющих материалов. В отчетном докладе на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев говорил: «Сейчас на первый план в идеологической работе выдвигается задача глубокого разъяснения трудящимся новой Программы»¹.

На заседании Президиума ЦК КПСС 27 июля 1961 г. было принято решение о мероприятиях по пропаганде проекта Программы КПСС. Согласно ему партийные органы должны были организовать широкое обсуждение проекта Программы среди коммунистов и всех трудящихся на собраниях и конференциях различного уровня – от первичных до союзных. Для этого отделу пропаганды и агитации ЦК КПСС поручалось направить пропагандистские группы для оказания помощи партийным комитетам в организации работы по разъяснению проекта Программы. В целях ознакомления широких слоев населения с текстом его должны были опубликовать в номерах газеты «Правда» и «Известия» за 30 июля, в других центральных, республиканских, краевых, областных и партийных газетах на русском и национальных языках начиная с 30 июля в 2–3 номерах, без увеличения объема и тиража. Затем проект был опубликован в очередных номерах ведущих общественных журналов. Помимо прессы, планировалось задействовать другие СМИ. Госкомитет по радиовещанию и телевидению при Совете министров СССР должен был осуществить 30 июля передачу из Москвы для населения страны сообщения об опубликовании проекта Программы, а затем передать на русском языке полный текст проекта Программы КПСС. Уже отмечалось и международное значение Программы, в этих целях по радио 30–31 июля необходимо было транслировать на иностранных языках

¹ Материалы XXII съезда КПСС. С. 110.

изложение проекта Программы, а затем, к 3–4 августу, издать текст на английском (до 40 тыс.), французском (до 30 тыс.), испанском (до 40), арабском (до 20), немецком (до 20), финском (до 6)¹ языках.

В первой главе приводились данные о количестве человек, принявших участие в обсуждении проекта Программы партии, в данном параграфе для демонстрации масштабов пропаганды проекта Программы следует предоставить более развернутые официальные данные. На 14 октября 1961 г. прошло 5843 съезда, областных, городских и районных конференции, на которых присутствовали 1 778 412 человек, 400 600 партийных собраний, в которых участвовали 14 863 468 человек, 687 961 собрание трудящихся, в которых участвовали 82 186 280 человек². Но, как говорил Н. С. Хрущев, «никакая статистика не в состоянии дать точного числа участников обсуждения. Ведь обсуждение составляло содержание идейной жизни страны и велось в самых разнообразных формах: на собраниях коллективов заводов, фабрик, совхозов и колхозов, учреждений, институтов, школ и в душевных беседах на работе и дома»³.

Идеологический подтекст, связанный с всенародным обсуждением как элементом развития коммунистического самоуправления, обозначенный в первой главе, не мог не играть стимулирующей роли в подъеме интереса к Программе. Прежде всего, это затрагивало наиболее активных и сознательных представителей советского общества, готовых не только формально принять участие в строительстве коммунистического будущего. Обсуждение представляло собой не только отправку населением посланий в различные инстанции, но и публикацию их, а также ответы на письма. Не все письма публиковались: в качестве основного критерия отбора выступали идеологические причины. Кроме того, отсеивались письма, связанные с многократно повторяющимися темами. Такая политика была призвана продемонстрировать, с одной стороны, интерес руководства к проблемам населения, а с другой – энтузиазм народных масс в деле строительства коммунизма. Именно на активистов, прежде всего из числа членов коммунистической партии, и делалась главная ставка в решении задач коммунистического строительства. Активисты нуждались лишь в указании верного направления для приложения своей энергии, им не нужна была система развернутой агитации. Пропаган-

¹ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 14. Л. 126–128.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 309. Л. 38.

³ Материалы XXII съезда КПСС. С. 211.

да коммунистических идей ориентировалась на рядового гражданина, которому требовалась идеологическая подпитка.

XXII съезд КПСС, помимо функции принятия Программы, концентрировал внимание всей страны и части мирового сообщества как на самом съезде, так и на Программе. Разъяснение основных положений Программы, касающихся коммунистического строительства, началось гораздо раньше публикации текста проекта. Почву начали готовить с момента принятия решения о создании новой Программы. Примерно с 1959 г. начинается рост количества материалов, обеспечивающих пропагандистскую поддержку общему руководству по достижению «светлого будущего». Съезд КПСС и освещение подготовки, подведение итогов, а затем стенографический отчет и материалы разворачивали коммунистические перспективы перед людьми более отчетливо. Программа партии в силу разумного ограничения по объему, без риска неправдоподобно раздуться, не могла вместить в себя ничего, кроме общих задач, представленных, скорее, в виде неких ритуальных заклинаний, призванных приблизить коммунизм. Выступления руководителей партии и правительства, и в первую очередь Н. С. Хрущева, на XXII съезде КПСС были призваны раскрыть и дополнить содержание Программы партии. Помимо доклада, посвященного собственно Программе Н. С. Хрущева. Так, например, именно в своем выступлении первый секретарь ЦК КПСС привел данные о росте производства в промышленности и сельском хозяйстве.

В «Материалах XXII съезда КПСС» можно обнаружить определенную схему, положенную в основу их формирования, которая определяла простоту данного текста и концентрацию идей вокруг ключевой проблемы. Из 17 документов (в их числе несколько резолюций и речей Н. С. Хрущева, Устав КПСС, информационные сообщения о составе ЦК, ревизионной комиссии, пленуме ЦК) главную роль в вопросе распространения коммунистических идей играют следующие: отчетный доклад Н. С. Хрущева; его же доклад о Программе КПСС; Программа КПСС.

Такая очередность отражает три составляющие в формировании, функционировании, трансляции и закреплении коммунистической перспективы. Отчет Хрущева, естественно, касался прошлого и тех достижений СССР со времени предыдущего съезда, которые обеспечивают возможность скачка в новое коммунистическое общество. Программа партии высвечивала и проясняла перспективы коммунистического будущего, играя роль генерального плана и составляя область стратегического планирования. Доклад Хрущева о Программе КПСС был наиболее выраженным транслятором. Исходя из итогов

предшествующего развития, то есть, отталкиваясь от отчетного доклада, новый доклад «смотрел в будущее», представленное в тексте Программы. О взаимовлиянии прошлого, настоящего и будущего уже упоминалось: доклад «О Программе Коммунистической Партии Советского Союза» служил комментарием к основному тексту; Хрущев, говоря о положении дел в настоящем, проводит сравнение с прошлым и связывает прошлое и настоящее с задачами в области коммунистического строительства. Данное положение находит подтверждение при анализе структуры текста, который можно разделить на 7 частей. Первая часть посвящена историческим победам социализма – воплощению в жизнь ленинской Программы и подведению итогов мирового развития. Вторую часть можно назвать декларативной, она очень краткая, и все ее содержание сводится к заголовку: «Коммунизм – великая цель партии и народа». Третья и четвертая части вызывают наибольший интерес, поскольку здесь говорится, во-первых, о переходе от социалистической экономики к коммунистической, во-вторых, о развитии коммунистических общественных отношений, и, в-третьих, о формировании нового человека. Пятая часть освещает международное положение и проводит связи с коммунистическим строительством. В шестой подводятся итоги обсуждения Программы. Заключительная, седьмая, освещает положение партии в период развернутого строительства коммунизма.

Остановимся немного подробнее на пропагандистских моментах в экономической части доклада. Речь Н. С. Хрущева, как и Программа, аккумулировала в себе весь символический капитал партии и государства, а значит, само слово первого секретаря уже имело силу медиума. Через него как бы говорили все 9 млн членов КПСС. Еще одним немаловажным моментом являются разнообразные статистические и прогнозируемые показатели, часть из которых приводилась в первой главе в таблицах 1–3. Видя положительную динамику, которую пролонгировали и в предстоящий период, читатель вынужден был согласиться с предопределенностью экономического роста народного хозяйства. Если под магию чисел попало партийное и государственное руководство, о чем упоминалось ранее, то что говорить об обычном советском человеке? Дополнительным доказательством, подтверждающим возможность построения коммунизма, служили постоянные отсылки к передовым предприятиям и хозяйствам, которые своим примером, не всегда соответствующим реальному положению дел, демонстрировали возможность выполнения поставленных задач и построения материально-технической базы коммунизма. На съезде к этому добавлялись выступления различных передовиков

производства, героев труда, рассматриваемых как символы людей будущего, на которых необходимо равняться.

Интересные результаты может дать анализ лексических особенностей выступлений, поскольку лексика, как правило, транслирует определенный комплекс идей. Если признавать существование языковой картины мира, можно обозначить наиболее интересные моменты, отражающие умонастроения, циркулировавшие в обществе того периода. Н. С. Хрущев, являясь частью социума и обращаясь к нему, использовал лексику, понятную и ему, и народу. Слова должны были не просто донести информацию, а вызвать определенную реакцию. Эта задача выполнялась только в том случае, если затрагивались некие скрытые пласты сознания. Представляется, что такой процесс обусловлен мифологическим сознанием. Не вступая в обширную полемику об определении мифологии и мифологического сознания, отметим, что в рамках данной работы признается наличие мифологического сознания не только у «примитивных народов», но и у современных людей.

Остановимся на двух примерах словоупотребления в выступлениях Н. С. Хрущева, один из которых отсылает слушателя к прошлому, а другой – к будущему, ставшему настоящим. Первый конструкт – «строительство коммунизма» – уже можно воспринимать как устоявшийся речевой оборот. Строительство коммунизма воспринималось как общенародное действие, сплачивающее партию и народ, СССР и весь остальной мир. Помимо такого свойства коллективного труда, как объединение людей, немаловажным фактором представляется использование данного существительного именно с дополнением «коммунизма». Почему, например, не «достижение коммунизма», а «строительство коммунизма»? Словарь С. И. Ожегова определяет «строительство» так: «1. Отрасль науки и техники, занимающаяся возведением и реконструкцией зданий, сооружений. 2. Возведение зданий, сооружений. 3. То же, что стройка. 4. Создание, организация чего-нибудь»¹. В контексте «коммунизма» корректным является четвертое, переносное значение. Однако второе значение выступает скрытым, но немаловажным для восприятия словосочетания элементом. Коммунизм в такой трактовке аллегорически воспринимается как своеобразный Дворец, Храм, Дом, строительство которого, как, например, в случае с Храмом Соломона, является сакральным актом. Подобное восприятие будущего как сакрального

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 772.

архитектурного сооружения подтверждают и замечания Хрущева к тексту проекта Программы партии: «В проекте Программы указываются пути деятельности всего советского народа по возведению здания коммунизма. И оно предстает перед нами как реальное. На основе предначертаний, выдвигаемых в проекте Программы, можно видеть, какие основные пути и методы ведут к его построению, что нужно сделать, чтобы здание коммунизма становилось все более удобным и красивым»¹. В речи с трибуны XXII съезда КПСС этот образ предстает еще более четко. Вместо расплывчато сформулированных замечаний в своем выступлении Хрущев однозначно заявлял: «В Проекте указываются *ясные* (курсив мой. – А. Ф.) пути возведения светлого здания коммунизма. *Мы видим*, как его нужно построить, *как оно выглядит снаружи и изнутри*, какие в нем будут жить люди и что они станут делать, чтобы здание коммунизма становилось все более удобным и красивым»². Переход от осторожных и уравновешенных замечаний, если исходить из внутренней логики Хрущева, к «ясному» видению происходит вследствие необходимости выполнять функции оракула.

Раскрывать мифологическое значение образа дома в данной работе нет необходимости, а вот осветить механизмы совмещения определений (и их мифологизации) стоит. Наиболее продуктивным подходом представляется теория, выдвинутая французским исследователем Р. Бартом. Он рассматривает миф не как отдельное явление, а во взаимосвязи с языком. «В мифе имеется две семиологические системы, одна из которых смещена по отношению к другой: во-первых, это лингвистическая система, система естественного языка (язык-объект); во-вторых, сам миф, который я буду называть метаязыком, так как он представляет вторичный язык, на котором говорят о первичном»³. Основой структуры мифа является, по Барту, похищенные слова: «Миф – это похищенное и возвращенное слово. Просто возвращается слово уже не совсем таким, каким было похищено; при возвращении его поставили не совсем на свое место»⁴. Миф начинается знаком и кончается *знаком* (значением), он «выполняет двойную функцию – и обозначает, и внушает, и дает, и требует понять»⁵. Дру-

¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 201. С. 27.

² Материалы XXII съезда КПСС. С. 135.

³ Барт Р. Мифологии. М., 2000. С. 240.

⁴ Там же. С. 251.

⁵ Там же. С. 242.

гой функцией мифа является деформация: «Под воздействием понятия смысл не отменяется, а именно деформируется. Миф – система двойная; он как бы вездесущ – где кончается смысл, там сразу же начинается миф»¹. Следовательно, следуя логике Барта, миф необходимо выносить за скобки таких понятий, как истинное – ложное.

Похищенное из основного языка слово «строительство», отсылающее к сакральному жилищу, становится одним из медиаторов: соединяясь с «коммунизмом», оно переносит часть подразумеваемой сакральности и на образ будущего. В свою очередь, будущее неслучайно называлось «светлым», что недвусмысленно отсылает нас к религиозным идеям о различных вариантах идеального места. В христианском варианте это был рай, потерянный религией и обретенный комплексом коммунистических идей. Несмотря на такое заявление, стоит повториться, что исследовательская позиция не позволяет встать на сторону восприятия марксизма-ленинизма как религии. Коммунистическая перспектива выполняла стандартные функции мифа: организовывала пространство и время, создавала из хаоса космос, уменьшая энтропию человеческой и общественной экзистенции. Коммунизм представлялся как конечный продукт множества диалектических процессов отрицания: каждая формация отрицала прежнюю, а коммунизм становился окончательным синтезом. При этом он, можно сказать, завершал цикл, возвращаясь к состоянию коммунизма, только теперь не первобытного, а развитого. Возвращение в священное время, как отмечал М. Элиаде, служит одной из важных функций времени: «Именно в мифах следует искать и находить принципы и парадигмы всякого поведения»². Вместо разрушенных православных храмов должен был построиться «храм» коммунистический, и это не было простым зданием, им должен был стать весь земной шар.

Еще одним мифологическим аспектом в речи Н. С. Хрущева можно считать наличие космической тематики. «Программы КПСС можно сравнить с трехступенчатой ракетой. Первая ступень вырвала нашу страну из капиталистического мира, вторая – подняла ее к социализму, а третья – призвана вывести на орбиту коммунизма. Это замечательная ракета, товарищи»³. Космические полеты на про-

¹ Барт Р. Мифологии. М., 2000. С. 248.

² Элиаде М. Избранные сочинения. Мифы о вечном возвращении. М., 2000. С. 300.

³ Материалы XXII съезда КПСС. С. 135.

тяжении долгого времени служили, и продолжают служить, символом технического прогресса и будущего. 1961 год стал переломным, человек впервые покорил космическое пространство, будущее стало настоящим.

Многие исследователи подчеркивают огромное влияние, которое оказал полет Ю. А. Гагарина на население Советского Союза. В массовом сознании 1961 год прочно ассоциируется именно с первым полетом человека, а не с XXII съездом КПСС и принятием III Программы КПСС. П. Вайль и А. Генис писали, что присущее человеку вертикальное сознание заставляло его задираТЬ голову, и если раньше вверх возвышались культовые сооружения, то в 1960-х гг. устремление вверх брала на себя космонавтика¹. Это подтверждает и высказывание С. Г. Струмилина: «Разве мало у нас юных комсомольцев, уже ныне мечтающих подняться со временем и на Луну, и на Марс, и выше в поисках все новой целины и восхождения на все новые пики “разбегающейся вселенной”»². Восприятие космического пространства как целины симптоматично для сознания той эпохи. Молодые люди, мечтающие о космосе, должны были не просто побывать там, став первопроходцами, а освоить его, прибавив Советскую социалистическую республику Луны и Марса, куда должны были устремиться караваны ракет и где должны были цвести яблони.

Как и с образом «дома», здесь происходит похищение языкового знака и превращение его в знак мифологический. Обозначение Программы как ракеты оттягивало часть эйфории населения на Программу, пробуждая скрытый мифологический пласт сознания. Часто мифы сплачивают отдельные личности в некие группы и представляют собой верительные грамоты на право совершать определенные действия³. Первенство СССР в космической гонке, помимо объединения населения вокруг этого события, продемонстрировало превосходство социалистической системы над капиталистической, что служило пропагандистским аргументом в верности курса партии, выраженного в III Программе КПСС.

Помимо неявных медиаторов, партия имела более привычные средства распространения идей – идеологические мероприятия и системы агитации и пропаганды. П. Вайль и А. Генис указывают, что Программу КПСС читали немногие. О восприятии ее следует гово-

¹ Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 22–23.

² Струмилин С. Г. Рабочий день и коммунизм. М., 1959. С. 20.

³ Малиновский Б. Магия, наука, религия. М., 1998. С. 105.

рять, имея в виду пересказ текста, то есть то, что осталось в сознании после бесконечного бормотания по радио и телевидению, заклинаний в лозунгах и газетах¹. Выше указывалось, что мероприятия по обсуждению имели значительный размах. Разночтения в архивных данных и цифрах, приводимых Н. С. Хрущевым, можно списать на их функцию демонстрировать солидарность и заинтересованность населения в новой Программе, но сути дела это не меняет. После принятия Программы партии активно разворачиваются различные мероприятия, посвященные ей. Период между XXII партийным съездом и пленумом ЦК в июне 1963 г. характеризуется появлением форм учебы, сочетающих политическое и производственно-экономическое образование; поиском путей дальнейшего расширения системы политического просвещения за счет форм массовой пропаганды (школы коммунистического труда, курсы производственного обучения); созданием системы подготовки пропагандистского резерва, ориентированной на кружки и семинары по изучению общественных наук. В дальнейшем, с июня 1963 г. по октябрь 1964 г., происходит полное слияние экономического образования с производственным обучением; перенесение центра тяжести с развития традиционных форм марксистско-ленинского просвещения на массовые формы пропаганды; стремление строго специализировать подготовку резерва и повышения квалификации пропагандистов². Учитывая необходимость мобилизовать основную часть населения, именно к советским людям должна была повернуться вся система партийной пропаганды. Одновременно необходимо было предотвратить неверную интерпретацию коммунистических перспектив и путей решения задач. Такая задача приводила к повышению требований и необходимости расширения числа занятых в данной области людей. К концу 1950-х гг. произошло заметное усиление идеологических отделов ЦК, обкомов, крайкомов партии. Если в 1940 г. штат идеологического отдела ЦК ВКП(б) составлял всего 6,7 % по отношению к общей численности аппарата ЦК, то в 1959 г. этот показатель достиг уже 26,4 %. Данная тенденция отражала определенные акценты в функционировании партийного аппарата, огромный потенциал которого нацеливался на пропаганду

¹ Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 17.

² Дрындин В. Л. История пропагандирования постулатов государственной идеологии в условиях начала демократизации Советского общества (на материале Южного Урала, середина 50-х – середина 60-х гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1997. С. 136–137.

задач коммунистического строительства, формирование нового человека сообразно представлениям КПСС¹.

На предприятиях, в учреждениях и просто в местах скопления людей проводились диспуты, читались лекции, посвященные коммунизму или его отдельным сторонам. Открывались учебные заведения, призванные разъяснить основные положения коммунизма. В доме культуры типографии «Красный пролетарий» проходил диспут на тему «Готов ли ты жить при коммунизме?», где обсуждался человек будущего². На заводе Уралсельмаш действовал университет «Коммунизм и быт». Его слушателями являлась заводская молодежь, которой предстояло жить при коммунизме. В нем читались лекции по моральному кодексу строителей коммунизма, выполнению ленинских заветов молодежью и т. п.³

За этим внешним благополучием скрывается тот факт, что во многих политшколах по мере увеличения их количества и обучающихся в них росло и число коммунистов, разочарованных содержательной частью занятий. Во многих политшколах занятия по материалам съезда проводились на низком идейно-теоретическом уровне, сводились к простой читке, многие слушатели к ним не готовились⁴. Зачастую это было вызвано низким уровнем подготовки идеологических работников, за исправление данной ситуации взялись позднее.

Например, агитатор из поселка Анисовка Саратовской области В. П. Дьяченко провел со своими слушателями беседу о коммунизме. Как он писал в Москву, его «засыпали вопросами», на многие из которых он не смог ответить. «Чтобы не пропал мой авторитет агитатора, – пишет В. П. Дьяченко, – ищу ответы в журналах и книгах, но не всегда нахожу»⁵. Не намного отличаясь от своих слушателей, агитатор, как представитель организации, претендующей на обладание некой доктриной и истиной, должен был объяснить весь окружающий универсум, указать путь движения, а в случае неудач нести ответственность. Кроме того, он являлся лицом, представляющим свою организацию, которая воспринималась именно через него. Все

¹ Пыжиков А. В. Оттепель: идеологические новации и проекты (1953–1964). М., 1998. С. 115.

² Струков Э. В. Человек коммунистического общества. М., 1961. С. 3.

³ Дрындин В. Л. Указ. соч. С. 142.

⁴ Там же. С. 111–112.

⁵ Логинов А. Читая книгу о коммунизме... // Коммунист. 1960. № 12. С. 111.

его добродетели и пороки, в отсутствии альтернативы, переносились на более высокий уровень.

Дьяченко упоминает книги и журналы как источник информации, и это не случайно. Печатная продукция стояла на передовом рубеже разъяснения и пропаганды образа коммунистического будущего. Не только агитаторы, но и простые люди искали на ее страницах ответы на свои вопросы. Как известно, спрос рождает предложение, и на свет появилось множество разнообразных материалов, призванных исполнить роль медиаторов-ретрансляторов.

Существовали специальные издания, предназначенные для агитаторов, наиболее распространенными из них являлись материалы различных собраний, съездов и совещаний различного уровня по вопросам идеологической работы. На местах партийными органами издавались так называемые «Блокноты агитаторов». В них давались рекомендации по организации занятий, выбору тематики, публиковались важные документы и выступления советских лидеров, а также отражалась местная специфика, рассказывалось о достижениях, обязательствах, взятых и выполненных рабочими и колхозниками отдельного региона, и вкладе данного региона в решение задач по развитию народного хозяйства.

Одним из знаковых явлений служит выход серии «Библиотечка знаний о коммунизме». В основном в нее входили небольшие брошюры, где авторы касались либо общих вопросов, либо, наоборот, останавливались на одной конкретной теме. Примечательно, что Госполитиздат начал выпускать серию «Библиотечка знаний о коммунизме», которая приходит на смену серии «Библиотечка по научному социализму». Такая преемственность позволяет предположить, что население Советского Союза полностью освоило теорию научного социализма, завершило его построение и в его распространении уже не было необходимости, теперь настала очередь коммунизма.

«Молодая гвардия» печатала серию книг «Молодому строителю коммунизма»; коммунистические темы есть в «Массовой библиотеке рабочего» (Профиздат), в сериях «Решения XXI съезда КПСС – в массы» («Московский рабочий»), «7 великих лет» (Лениздат), в публикациях лекций Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний¹. В обозначенный период вышло больше сотни изданий, касающихся коммунизма, в дальнейшем, примерно до 1964 г., продолжался активный выпуск подобной литературы, но

¹ Логинов А. Читая книгу о коммунизме... // Коммунист. 1960. № 12. С. 111.

происходила корректировка тематики, и коммунизм перестал рассматриваться изолированно, а непременно в связи с Программой партии¹. Считая разбор теоретических исследований особой темой, отберем только популярные, рассчитанные, как принято говорить, на массового читателя издания.

Пересказывать содержание каждого издания не позволяет объем нашего исследования, и в этом нет необходимости. Вместо этого попытаемся выявить общие моменты, нацеленные на сознание читателя. Популяризаторская литература вынуждена балансировать между доступностью изложения материала и недопущением его искажения. Исследуемая литература, в основной своей массе, делала акцент на втором принципе, что отражалось в языке и стилистике текстов. Уже в 1960-е гг. скупость языка и изобилие штампов ставились в вину авторам. Действительно, даже рассматривая небольшое количество работ, постоянно наталкиваешься на одни и те же речевые обороты и однообразное содержание. А. Логинов ознакомился с опубликованными в 1959–1960 гг. брошюрами и книжками, на обложке которых или в аннотации стоит слово «коммунизм». Он задается вопросом, «почему полюбили авторы глагол “развернуть” и включают штамп: развернула широким фронтом, развернутые решения, развернула всестороннюю помощь, развернула борьбу, развернувшаяся с новой силой, развернула разностороннюю деятельность по всемерному развитию, развертывается соревнование, развернулось соревнование за создание, еще шире развернуть, всемерным развертыванием <...> Чуть не на каждой странице без меры и без просвета: осуществлять мероприятия, всемерно содействовать, широко использовать, претворяется, является, важнейшую роль играет, поставленные основные задачи, вопросы улучшения, тем самым, в области, в соответствии

¹ Журавков М. О коммунистическом воспитании трудящихся. М., 1959; Епишев П. И., Глазов Л. М. О возрастающей роли КПСС в строительстве коммунизма. Л., 1959; Ефимов В. Т. Коммунизм и мораль. Киев, 1961; Маслов Н. Н. Самое важное для победы коммунизма. Л., 1959; Рожин В. П. Что такое коммунизм? Л., 1959; Струмилин С. Г. Рабочий день и коммунизм. М., 1959; Глезерман Г. Е. Будущее, которое начинается сегодня. М., 1960; Он же. Коммунизм и труд. М., 1961; Рожин В. П. Что значит трудиться по-коммунистически. Л., 1961; Струков Э. В. Человек коммунистического общества. М., 1961; Чесноков Д. И. От государства диктатуры пролетариата к общенародному государству. М., 1962; Рожин В. П. Развитие XXII съездом марксистско-ленинской теории. Л., 1963.

и т. д. и т. п.»¹. Помимо постоянных повторов и штампов, содержание пропагандистской литературы страдало от однообразности материалов. Авторы, следуя за курсом партии, старательно перепечатывали целыми абзацами Программу или выступления Н. С. Хрущева. Если сравнивать несколько книг, написанных одним автором, то процент совпадений может быть весьма высоким. Все это негативно сказывалось на качестве текстов и могло породить впечатление о наличии в СССР небольшого числа достижений, которые бесконечно воспроизводятся на страницах книг. С другой стороны, многократное «молитвенное» повторение одного и того же на разные лады оказывало давление на читателя, не выпуская его сознание за определенные границы, очерченные официальным дискурсом.

Еще одним общим приемом пропаганды, как и в выступлениях на съездах, служили постоянные примеры «из советской действительности». Авторы считали своим долгом сослаться на пример очередной «бригады коммунистического труда» или на наиболее популярного в тот период передовика производства. Наиболее упоминаемыми были В. Гаганова, Н. Мамай, А. Кольчик. Рядом с известным именем часто приводились принадлежащие этому человеку слова о радости, которая его наполняет от труда или решений КПСС. Особенно часто данный прием использовался, если речь заходила о формировании нового человека и изменении его отношения к труду. Вот какой ответ А. Утесова, дважды Героя Социалистического Труда, приводится в одной из работ. На вопрос «Бываете ли вы когда-нибудь свободны? Счастливы ли Вы на самом деле?» Утесов отвечает: «Если мне выпадает два-три часа для моего творческого труда, тут я чувствую себя и свободно и счастливо и не замечаю, как летит время. Это и есть настоящая радость – радость творчества»². Зачастую в качестве образца выступали предприятия и даже целые населенные пункты, вспомним упоминавшийся в первой главе совхоз «Заря коммунизма», служивший символом улучшающейся жизни работников сельского хозяйства.

Считалось, что на рубеже 1950–1960-х гг. писать о будущем стало гораздо легче, поскольку будущее практически приблизилось вплотную, но и одновременно труднее, поскольку время утопий и произвольного полета фантазий ушло, уступив место высокой ответственности и научному подходу, который требовался от научно-

¹ Логинов А. Указ. соч. С. 115–116.

² Глезерман Г. Е. Коммунизм и труд. М., 1961. С. 39.

го коммунизма¹. Двойственный характер пропагандистских изданий служил неким предохранителем: помимо опоры на авторитет партии и печатного слова, в них наличествовала авторская точка зрения, что, в свою очередь, снимало ответственность с партии в целом – партия ошибаться не может, ошибаются только ее отдельные члены. Это позволяло подходить к коммунистическим перспективам так, как не могли позволить себе авторы материалов, порожденных официальным дискурсом. Возможность вольного, в определенных границах, толкования конкретного наполнения коммунистических перспектив делает, по сути, данные работы уникальным источником. Некоторые авторы, желая увлечь читателя и отвечая на его ожидания, описывали жизнь в «светлом будущем». По существу они делали недопустимый с точки зрения марксистско-ленинской доктрины шаг, ведь «метод научного социализма, творцами которого они (Ф. Энгельс и К. Маркс. – Ф. А.) были, исключал возможность сколько-нибудь конкретного предсказания далекого будущего»². Стандартным выходом в этой ситуации была оговорка в тексте работы о предположительности любых предсказаний по поводу уклада будущей жизни и о том, что единственный реальный способ увидеть коммунизм – это всмотреться в достижения социализма. Наиболее показательными примерами представляются сочинения Э. В. Струкова и М. Лифанова³. Оба автора предлагали читателю понаблюдать за жизнью обычного человека в коммунистическом обществе. Желание отразить как можно больше сторон будущей жизни определяет композицию повествования, которое выстроено как путешествие. Остановками в этой экскурсии по будущему служат квартира в коммунистическом доме, прогулка по улицам коммунистического города с любованием на его красоту и перечислением непременных атрибутов коммунистического уклада жизни. У Э. В. Струкова в повествовании присутствует не просто описание внешней стороны коммунизма, но и небольшие сценки из жизни людей коммунистического общества, проливающие свет на их мировоззрение. Так, описывается, как молодой инженер А. Орлов стал вместо 6 часов работать по 10–12, составляя расчеты и схемы для новой машины. В результате он перестал заниматься гимнастикой, посещать театры и концерты, не прочел лекцию, похудел, перестал

¹ Логинов А. Указ. соч. С. 113.

² Быстрянский В. Коммунизм, брак и семья. Пб., 1921. С. 7.

³ Струков Э. В. Человек коммунистического общества. М., 1961; Лифанов М. О быте при коммунизме // За коммунистический быт. Л., 1963.

нормально питаться и отдыхать. На собрании коллектива Орлову было предъявлено обвинение в уклонении от требования гармоничного развития личности и вынесен приговор: «Решением коллектива вы лишаетесь самой высокой человеческой радости – трудиться творчески в течение месяца»¹.

Периодическая печать охватывала более широкий круг населения, чем любая просветительская книга, но страдала от ограниченности объемов для размещения материалов. Но если учесть, что в 1960 г. в стране насчитывалось более 7 тыс. газет и около 4 тыс. журналов и изданий журнального типа², то малый объем материала компенсировался огромным распространением и тиражами. Печать виделась наиболее мощным идейным орудием партии, она превращалась в орудие насаждения передовой культуры, научных знаний, в средство воспитания социалистической идеологии, распространения передовых методов труда, мобилизации масс на решение задач экономического и культурного строительства³. Функции трансляторов брали на себя не только общественно-политические журналы, такие как «Коммунист», «Агитатор», «Вопросы истории КПСС», и главные газеты – «Правда» и «Известие», но и большинство других. Каждое издание считало своим долгом внести лепту в дело распространения коммунистических ожиданий. Такие журналы и газеты, как «Труд», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Советский патриот», «Советский спорт», «Литературная газета», «Крестьянка», «Работница» и т. д., не только принимали и публиковали письма населения в связи с обсуждением проекта программы партии, но и затрагивали, в соответствии со своими особенностями, некоторые элементы, составляющие образ коммунизма. Журналы, в силу своей специфики, могли предоставить больше места для агитационных и пропагандистских статей. Даже журнал «Мурзилка», предназначенный для самых маленьких жителей СССР, посвятил один из номеров за 1961 г. XXII съезду КПСС и III Программе КПСС. Очевидно, уже с малых лет поколение, которое должно было жить при коммунизме, обязано было про это знать.

Для общего анализа печати как медиатора наиболее подходит журнал ЦК КПСС «Коммунист». В нем публиковались как общете-

¹ Струков Э. В. Указ. соч. С. 67.

² История мировой журналистики / под ред. А. Г. Беспаловой. М.; Ростов на/Д., 2003. С. 285.

³ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 9. Л. 18.

оретические статьи, так и рассматриваемые частные вопросы. Материалы этого издания отражают основные тенденции в формировании общественного восприятия коммунизма. Содержательная сторона, как и в пропагандистской литературе, следовала за официальным коммунистическим дискурсом. В журнале за 1961 г. можно обнаружить следующие заголовки статей: «Коммунизм и личная собственность», «Коммунизм – дело каждого», «Коммунизм – будущее человечества», «Материально-техническая база коммунистического общества» и т. п. Авторы статей старались дать ответ или его видимость на множество вопросов о труде, семье, обществе, человеке при коммунизме и многом другом, дабы создать у читателя ощущение уверенности в непоколебимости и верности партийной линии. Коммунистическая тематика на страницах журнала достигла своего пика в 1961 г. с появлением рубрики «Обсуждение проекта Программы КПСС», хотя значительный массив статей вышел в свет с 1958 по 1960 г. и после 1961 г. Редакция журнала охотно отвечала на вопросы читателей не только на своих страницах, но и в ответных письмах, что подтверждает двойное влияние на медиатора. Другой официальный орган – газета «Правда» – тоже играл роль посредника. В частности, редакция газеты «Правда» выпустила 6 специальных номеров под названиями: «Коммунизм утверждает на земле Мир», «Коммунизм утверждает на земле Равенство», «Коммунизм утверждает на земле Счастье» и пр.¹ Печать и в первую очередь официальные издания, подобные «Коммунисту» и «Правде», пытались соединить идеологические постулаты с надеждами и чаяниями советских людей.

С конца 1950-х гг., благодаря «научно-техническому прогрессу», происходило бурное развитие радио и телевидения, росли аудитория и, соответственно, идеологическое влияние на население. В сентябре 1961 г. был начат цикл передач «Здравствуй, будущее!», для подготовки которого на радио была создана специальная группа наиболее квалифицированных радиожурналистов из всех отраслей Главной редакции пропаганды. В дальнейшем появились передачи «Забота о подъеме жизненного уровня народа – закон деятельности партии», «У великого рубежа», «Коммунизм – наше лучезарное завтра», «Человек человеку – друг, товарищ и брат», «Единой семьей к единой цели», «Коммунизм и труд»².

¹ История мировой журналистики. С. 287.

² Гуревич П., Ружников В. Советское радиовещание. М., 1976. С. 318–319.

Телевидение постепенно начало выдвигаться на главную роль в системе средств массовой информации, а в условиях советского идеологического контроля «информировать» часто означало «пропагандировать». Наличие живого изображения, создающего впечатление присутствия и полной достоверности, и эффект технической новинки, доступной еще далеко не всем, делали телевидение уникальным медиатором. Любой обладатель телеприемника, а зачастую и его соседи, могли собственными глазами увидеть, как страна «семимильными шагами» движется к «светлому будущему».

Коммунистические перспективы раскрывались в таких телепередачах, как «Коммунизм – прямое продолжение социализма», «Труд при коммунизме», «Каждому по потребностям – коммунистический принцип распределения». Местное телевидение поддерживало тенденции центра. На основе решений, принятых на XXII съезде КПСС, с экранов разъяснялись идеи новой Программы партии, а также демонстрировалась деятельность трудящихся по ее осуществлению. Широко практиковались выступления по телевидению руководителей партии и общественных организаций, хозяйственных руководителей, ученых, писателей, публицистов с беседами по конкретным практическим вопросам осуществления решений съезда и Программы, с ответами на вопросы, интересующие население. Например, Челябинское телевидение в 1960 г. провело серию бесед о коммунизме: «Материально-техническая база коммунизма», «Коммунизм – это молодость мира», «Человек коммунистического общества», «Коммунистическое завтра в сегодняшнем дне», «Расцвет науки и культуры при коммунизме». Отличительной особенностью этих бесед является то, что о коммунизме говорилось со всей серьезностью и ответственностью – так, как будто он был реальной, завтрашней задачей¹. Если рассматривать Программу партии как прагматичный документ, то в данном факте нет ничего удивительного. Напротив, подобный подход исходит из внутренней логики «развернутого строительства коммунизма».

Но и как в случае с другими способами агитации и пропаганды, телевидение и радио были не свободны от недостатков. Об этом свидетельствует постановление ЦК КПСС от 6 июня 1962 г. «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения». В нем констатируется, что «большие возможности радиовещания и телевидения в идеологической работе и культурном воспитании на-

¹ Дрындин В. Л. Указ. соч. С. 191, 203.

селения используются еще крайне слабо. Многие передачи не носят активного, боевого характера, составляются однообразно, по установившемуся стандарту, от них веет скукой, равнодушием. Вместо интересного, душевного разговора со слушателями о новых замечательных явлениях в нашей действительности, убедительного рассказа о ярких фактах и о лучших примерах жизни и труда зачастую передаются поверхностные материалы, малосодержательные беседы и репортажи. Сплошь и рядом передачи ведутся казенным, невыразительным языком. Поэтому многие программы не привлекают широкого внимания слушателей, не вызывают живого интереса и отклика»¹.

Проблемы с успешным внедрением положений Программы партии среди населения отмечались не только на уровне ЦК КПСС, но и на местном. Региональный материал Челябинской области может продемонстрировать, как инерция общества зачастую гасила энергию властных инициатив. Приведем несколько примеров, которые выявили различные партийные органы при проверках в 1961 г.

Одной из основных проблем был формальный подход к пропаганде, что было вызвано обязательностью данных процедур. Зачастую местных руководителей обязывали выступать как организаторов агитационных мероприятий. Имея множество проблем, вопросы идеологии они ставили не на первый план. Это выливалось в узость форм и методов, применяемых партийными организациями в пропаганде материалов. Практически они ограничились читками на рабочих местах и проведением партийных собраний. «На некоторых рабочих участках Локомотивного депо ст. Карталы читку провели за три обеденных перерыва, на большинстве отделений Неплюевского совхоза читки были запланированы, назначены ответственные, но из-за бесконтрольности не были организованы². В колхозах им. В. И. Ленина, Сдвиг, Заря они только начинаются, проведены 1–2 читки, а на четвертом и пятом отделениях Муслюмовского совхоза они еще не начинались.

В районе нет пока ни одного лозунга или выдержки из проекта Программы, кроме общих лозунгов: «Встретим 22 съезд КПСС выполнением годовых социалистических обязательств». В отделении 40 лет Октября Миасского совхоза выявлены молодые работницы,

¹ Цит. по: Кузнецов И. В. История отечественной журналистики. М., 2002. С. 468.

² ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 25. Д. 138. Л. 22.

которые вообще ничего не знают об опубликовании проекта Программы»¹. Последний пример наиболее показателен: в то время, когда везде печаталась и перепечатывалась новая Программа партии, в Челябинской области, не самом отдаленном месте СССР, оказалась группа молодых работниц, которые о ней не знали.

Очевидно, не только занятость мешала руководству на местах вести успешную идеологическую работу. Инспекторы в своих отчетах отмечали: «Ограниченность политического и общекультурного кругозора ряда руководящих работников порождает у них боязнь публичных выступлений перед народом, крайне сужает формы их общения с трудящимися»². Уровень политграмотности руководства зачастую оставлял желать лучшего, они были «хозяйственниками» и, даже состоя в партии, воспринимали это как некий ритуал.

Данные факты можно было списать на отдаленность от областного центра, но и в Челябинске были проблемы. «Содержание занятий во многих кружках и семинарах не отвечает предъявляемым требованиям. Все еще есть такие пропагандисты, которые вместо яркого убедительного рассказа читают на занятиях газеты. Пропагандист Евсеев на ТЭЦ в присутствии 3-х человек из 12 проводил занятие на тему «Коммунизм – высшая цель партии и Советского народа». Пропагандист не был подготовлен и говорил обо всем: о работе промышленности, о делах в подшефном колхозе, о материальном благосостоянии и т. д.»³. «Формализм, казенщина нередко встречаются в пропагандистской и агитаторской работе. Можно привести такой факт: 13 декабря в цехе № 15 завода им. Колющенко агитатор тов. Спорит проводил беседу о речи тов. Н. С. Хрущева на Всемирном конгрессе профсоюзов, он читал речь и комментировал ее, а в это время слушатели играли в домино. Спрашивается, кому нужна такая беседа»⁴.

Естественно, в отчетах наряду с отрицательными моментами отмечались положительные – успехи агитационной работы, взятые и выполненные обязательства. Но именно критика показывает, что сбой давали механизмы, которые мы называем медиаторами. Они должны были обеспечивать взаимодействие официальной идеологии и общественного сознания. От эффективности такого взаимо-

¹ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 25. Д. 138. Л. 7–8.

² Там же. Д. 137. Л. 10.

³ Там же. Оп. 26. Д. 142. Л. 7–8.

⁴ Там же. Л. 13.

действия зависит успех привлечения масс к задачам партии. Когда механизм начинает работать вхолостую, ради самой работы, а не ради результата, тогда власть и общество перестают понимать друг друга.

Интересна еще одна проблема, выявленная представителями партийного аппарата, – адаптация пропагандистских мероприятий. Приведу выдержку из отчета: «Вот, например, как прошел тематический вечер 21 декабря для трудящихся ТЭЦ на тему: “Наш вклад в строительство коммунизма” – вечер начался танцами, затем все были приглашены в зрительный зал на торжественную часть. Торжественная часть началась с выступления и. о. начальника ТЭЦ тов. Яковенко, который, предупредив присутствующих, что он не задержит их больше чем на 15 минут, рассказал о работе коллектива. После этого было объявлено, что состоится вручение грамот и была вручена одна грамота кочегару, уходящему на пенсию. На этом окончилась торжественная часть, и был дан концерт. Такая программа вечера не раскрывает темы: “Наш вклад в строительство коммунизма”. Вечер проведен без подготовки, лучшие люди не показаны. У организаторов и руководителей не нашлось теплых слов, душевных слов для коллектива ТЭЦ, чтобы трудящиеся могли осознать значимость своего труда. 23 декабря во Дворце ЧМЗ проводился вечер для девушек на тему: “Нам жить в коммунизме”. В подготовке к вечеру участвовала большая группа актива. Вечер был хорошо организован, но содержание вечера тоже не отвечает теме. Участники вечера, от имени которых вечер назывался “Нам жить в коммунизме”, были на вечере только гостями. Для них были и цветы, и концерт, и подарки в лотерее, сами они на вечере не выступали, за них это тоже не сделали»¹.

Представители партийных структур оценивали такие пропагандистские мероприятия как неудачные. Однако, с точки зрения организаторов, они были отличным способом организации досуга молодежи. В определенной степени эта ситуация схожа с сюжетом фильма «Карнавальная ночь», только наоборот. Если в фильме молодежь пытается защитить Новогоднюю ночь от бюрократического вторжения, то в реальной жизни партийные бюрократы, видимо, вынуждены были уступать молодежным инициативам. Конечно, можно понять молодых девушек из промышленного района, у которых было не так много торжественных поводов. Возможно, для них лотерея с неприятными подарками, цветами и концертом была лучшим

¹ Там же. Л. 12.

доказательством движения к «светлому будущему», чем выступления руководства с заготовленными речами. Этот факт показывает, что и в таком варианте пропагандистская машина КПСС давала сбой.

Большинство описанных фактов нельзя расценивать как сопротивление режиму. Перед партией всегда стоял вопрос о медиаторах, которые могли бы осуществлять эффективную передачу информации как от власти к обществу, так и наоборот. Как отмечает Э. Кулевиг, «многочисленные свидетельства различных периодов истории Советского государства подтверждают, что партийное руководство уделяло огромное внимание проблеме “обратной связи” с обществом»¹. Конечно, в СССР были инакомыслящие, которые сознательно шли на конфликт с властью, но основной проблемой для партии было разномыслие. Оно порождало какофонию вместо стройного хора, что заставляло тратить ресурсы на консолидацию усилий. Но зачастую даже этого не было, а была тишина, в которой тонули все призывы властей.

В большинстве исследований данного периода доминирует точка зрения, берущая свое начало в теории тоталитаристов. Отношения в советский период воспринимались как однонаправленные, где общество – объект влияния государственных и партийных структур. Любой выход за рамки официальных правил в такой ситуации трактуется как сопротивление режиму. В силу же развала СССР данные отношения выступали как негативные, с которыми необходимо было бороться. Так возникает одна из главных проблем советологии – подмена исследовательского объекта идеологической установкой. В западной, а затем и в российской историографии изучение СССР подменялось антикоммунистическими изысканиями. При этом совершенно ошибочно устанавливалось тождество между идеями социализма и коммунизма и их реализацией на территории СССР.

Советское общество не было гомогенным, оно состояло из разных групп, отношение которых к власти было неоднозначным. Для поддержания стабильности, а тем более для мобилизации их, партии и государству необходимо было приложить колоссальные усилия, задействовав весь арсенал доступных средств.

Образ коммунизма, порожденный официальным советским дискурсом и закрепленный в корпусе текстов, главный из которых – III Программа КПСС, транслировался через множество разнообразных медиаторов. В отличие от представления об агитации и

¹ Кулевиг Э. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М., 2009. С. 35.

пропаганде как навязывании сознанию определенной группы неких установок, рубеж 1950–1960-х гг. показывает большую гибкость и вариативность. Основной задачей была попытка направить коммунистические представления в одно русло, придать нужный вектор человеческим ожиданиям, без мобилизации которых успешное продвижение к намеченной Программой цели было бы невозможно. Для этого официальный дискурс вынужден был не только вещать, но и прислушиваться к голосам «снизу». Этот момент позволяет говорить о корректности восприятия мероприятий, связанных с Программой партии, именно как медиаторов, находящихся между властью и обществом и осуществляющих диалог между ними.

Медиаторы базировались на двух способах трансляции – явном и скрытом. Первый непосредственно затрагивает тему коммунизма и его строительства и говорит об этом открытым текстом. Основной формой служило толкование официального дискурса через ответы на вопросы, интересующие население, и очерчивание круга ожиданий, выстраивание границ, за которые мысли населения не должны выходить. Это объясняет однотипность содержания разных видов медиаторов. Второй способ апеллировал к скрытым областям массового и индивидуального сознания, в первую очередь к мифологической составляющей, для укрепления официального образа коммунизма и утверждения его неизбежной победы. Можно отметить, что само наличие образа «светлого будущего» уже вызывало определенную реакцию людей, а дополнение его другими образами добавляло определенные коннотации, создавая необходимый контекст.

§ 2. Художественный текст как окно в «светлое будущее»

П. Вайль и А. Генис предлагают подходить к Программе КПСС как к художественному произведению, поскольку ее текст предназначался не для буквального восприятия, а для трактовки, пересказа про себя и вслух, переосмысления, для полета фантазии¹. Наибольший простор для различных интерпретаций предоставляет именно художественный текст, поскольку он априори меньше всего связан с действительностью, что снимает определенную долю ответственности за отступление от «официальных коммунистических перспектив». «Художественный текст» понимается очень широко, в него включаются, помимо литературы, кино, живопись, архитектура и т. д.

¹ Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 12, 17.

В первой главе указывалось, что в историографии и общественном мнении сложилась традиция воспринимать III Программу КПСС как коммунистическую утопию, логичнее будет начать анализ с этого жанра, поскольку он демонстрирует тесную и длительную взаимосвязь с представлением о будущем. Литературной утопии посвящено множество разнообразных работ, поэтому не имеет смысла подробно разбираться в скрытых механизмах возникновения и функционирования утопий в обществе и сознании человека. Интерес вызывает проблема определения места утопического в контексте коммунистических перспектив рубежа 1950–1960-х гг. В ходе исторического процесса восприятие утопии менялось – от места ко времени, от островов и стран к будущему, от образца к химере. Е. Шацкий в своей работе указывает, что в обыденном сознании «быть утопистом – значит быть человеком крайне непрактичным, совершенно не принимающим в расчет реальность и так называемые реальные возможности»¹. Именно такое оценочное суждение циркулирует в связи с коммунистическим строительством, что изначально навязывает определенное мышление и соответствующий подход к изучаемому объекту. Представляется, что оценочно нейтральный подход к восприятию утопии позволит более адекватно провести исследование.

Утопический социализм являлся одним из истоков марксизма и его коммунистических представлений, хотя в советском контексте употребление определения «утопический» было призвано провести принципиальную границу между «утопическим» социализмом и «научным» социализмом К. Маркса и Ф. Энгельса. Историческая преемственность была нужна для придания весомости марксистским построениям, однако необходимо было также отстаивать монополию на обладание знанием, способным преобразовать существующую реальность. Пример утопистов прошлого призван был демонстрировать исконное стремление человечества к «лучшей жизни», под которой подразумевался социализм и коммунизм. Воплотить данное стремление, несмотря на все старания, утописты не могли, а осуществить это якобы было под силу только советскому народу под руководством КПСС, вооруженной «всесильным» учением марксизма-ленинизма.

Стремление обычного человека к понятным и четким образам отчасти могло компенсироваться публикацией в СССР в советский период сочинений основных представителей утопического социализма, что вступало в противоречие с мыслью К. Маркса: «Мы не стремимся

¹ Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 22.

догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир»¹. А утопия могла догматически предвосхитить «новый мир» и, исходя из этого, была ближе обывательскому сознанию, особенно в связи с принятием Программы партии, определявшей будущее. К тому же утопистов критиковали, в основном, не за тот идеал, к которому они стремились, а за пути к нему, расходившиеся с идеей классовой борьбы. То есть не цель, в целом совпадавшая с коммунистическими перспективами, а методы подвергались ревизии советским дискурсом. Критику утопического социализма на рубеже 1950–1960-х гг. можно интерпретировать двояко. С одной стороны, указывались ошибочные идеи, которые не должны «засорять» образ строящегося коммунизма. С другой стороны, все, что не подверглось критике, можно было воспринимать как соответствие коммунистическим перспективам. С первых лет советской власти наряду с трудами классиков марксизма-ленинизма начали издаваться труды утопистов прошлого. Так, например, в 1926 г. Государственное издательство РСФСР предлагало приобрести 13 наименований книг, связанных с утопическим социализмом, как отечественных, так и зарубежных авторов². В исследуемый период издание подобных книг продолжалось.

Необходимо отметить наличие мнения о том, что в сталинский период с утопизмом начинают активно бороться, в первую очередь, со всеми формами утопического эксперимента – от толстовских коммун до кружков эсперантистов. Официальное возвращение утопического могло произойти только в хрущевскую «оттепель»³. Противостояние реально существующих альтернатив официальному коммунизму не затрагивало сочинений утопических социалистов, не представляющих к тому моменту реальной силы. В приведенном выше перечне книг, предоставленных программной группе в «Соснах», присутствовали сочинения А. Сен-Симона и Ш. Фурье. Хотя однозначно отнести произведения этих авторов к художественной литературе нельзя, они попадали в корпус «утопических» текстов, что сближает их восприятие с восприятием художественной литературы.

¹ Маркс К. Письма из «Deutsch – Franz sische jahrb cher» // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 379.

² Волгин В. П. Очерки по истории социализма. М.; Л., 1926.

³ Чаликов В. Предисловие // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 5.

Социальные революции обыкновенно сопровождаются расцветом утопических идей. Избыток утопизма, в соответствии с законами социальной психологии, подлежит израсходованию в течение нескольких лет, и культура опять возвращается в русло «реализма» и «порядка»¹. Революционный подъем 1920-х сменился сталинской стабильностью, «оттепель» стала своеобразной революцией в умах населения, после чего наступил брежневский «застой». 1960-е гг. можно назвать уникальной эпохой отечественной истории, периодом триумфа советской официальной «утопии». Послабление режима вызвало расцвет жанра утопии. Основные надежды на изменение общественного устройства вылились в довольно бурный поток рационально-художественных проектов, в жанровой инвариантности представляющих собой как научно-фантастические произведения, так и проекты, являющиеся серьезными общественно-правовыми манифестами².

В XX в. почти исчез жанр классических утопических произведений, которые под покровом художественного текста скрывали бы политико-социально-экономические трактаты. Вместо них монополией на описание далекого и не очень далекого будущего завладевает фантастическая литература. При этом, начиная с Г. Уэллса, фантастическая литература характеризуется соединением двух жанров: социальной и научной фантастики. В отличие, например, от Ж. Верна, в чьих произведениях фантастическое связано, в первую очередь, с научно-техническим прогрессом, в творчестве Уэллса обнаруживаются социальная значимость и призывы задуматься о будущем. Со временем идеи, изложенные в произведениях Уэллса, начинают меняться – от прогресса в ходе будущего развития человечества к регрессу, что особенно заметно в его поздних работах. Так или иначе, фантастика перенимает функции утопии, подтверждением чему служит возникший в XX в. жанр антиутопии, фактически противостоящий именно фантастическим произведениям.

Фантастическая литература как транслятор могла выполнять свои функции гораздо эффективнее, чем переизданные сочинения социалистических утопистов. Поскольку авторы фантастической литературы являлись членами советского общества, они были носителями мировоззрения эпохи и, в частности, коммунистического образа

¹ Гюнтер Х. Соцреализм и утопическое мышление // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 41.

² Лиюкумович Е. А. Диссидентская утопия в советском культурном пространстве: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 2005. С. 61, 62.

будущего. В силу определенных правил игры на литературном поле авторы концентрировали людские ожидания и, отражая от официального дискурса, возвращали их населению. Фантастике советское руководство придавало большое значение уже в 1920-е гг. Но в сталинский период это значение стало не просто огромным, а прямо-таки стратегическим¹, хотя главным жанром становится «фантастика ближнего прицела», которая делала ставку на инженерно-техническое дополнение существующего строя, а не на радикальные трансформации.

В первые годы советской власти коммунистическое будущее ощущалось совсем близким, и неудивительно, что фантасты, описывая будущее, вынуждены были говорить о времени, когда коммунизм уже победил или совсем скоро это сделает. В атмосфере «оттепели» происходила реабилитация самого понятия утопии, запретного в сталинские времена. Появилось значительное количество научно-фантастических романов, герои которых непременно летали на другие планеты, открывали неведомые миры, социальное устройство коих было смутно осязаемым идеалом, формирующимся в эпоху 1960-х гг.²

Выше уже говорилось о мифологизированном образе космонавтов и космонавтики в массовом сознании, который власть пыталась использовать в своих интересах. Фантастика, где значительный пласт тематики был посвящен покорению космоса, не могла не взаимодействовать с образами космонавтов. Определенный культ полетов, окончательно сложившийся при И. В. Сталине (вспомним В. Чкалова и «сталинских соколов»), на рубеже 1950–1960-х гг. был перенесен с летчиков на космонавтов. Это было связано с тем, что воздухоплаватель должен был иметь героические черты, представлять человека будущего, который по определению является героем и может покорить любую высоту. Конечно, в плане героизма и преодоления трудностей и опасности летчики не могли уже конкурировать с космонавтами.

Образ покорителя воздушного и безвоздушного пространства может быть сопоставлен с мифологическими аналогами. В «мифе о летчиках видят все этапы пути приключений античного героя – уход из дома, из повседневности, прорыв с боем в царство тьмы, демонстрацию стойкости в разных испытаниях, получение сверхъестествен-

¹ Фишман Л. Г. Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург, 2002. С. 31.

² Лиюкумович Е. А. Указ. соч. С. 63.

ной награды и, наконец, возвращение героя, несущего своему народу благодать»¹. Летающий как бы приобретает черты бессмертного, всемогущего сверхчеловека, а в мотиве полета соединяются модель машины с представлениями о максимуме динамики и скорости.

Характерная для ранней советской культуры динамическая и космическая интерпретация уступила место статике сталинской эпохи, однако авиационные мотивы не исчезли из советской культуры. Образ летчика обрел иное значение, акцент делался на героическом подвиге, на большевистском энтузиазме, который преодолевает все препятствия, а не на технике, предвосхищающей будущую цивилизацию². 1960-е гг. стали апогеем советской романтики полетов. Космонавты вознеслись буквально выше всех. Их начисто лишили недостатков. Они сочетали рабоче-крестьянскую доступность и принадлежность к высшим сферам³, сами по себе были живыми посредниками. Они воспринимались как настоящие люди будущего среди обычных сограждан или как своеобразные боги, которые спустились с небес, дабы отвести людей в «светлое будущее» или построить «земной рай».

Ж.-П. Сартр в книге «Воображаемое» отмечает, что представление о будущем может быть как образом чистой, не имеющей отношения к реальности фантазии, так и аспектом настоящего, и зависит это от того, в какой степени образ будущего влияет на наше актуальное поведение. Всякий прогноз создает картину будущего как воображаемую, но эти картины пытаются достучаться до людей и начать влиять на их поведение – таким образом, нарисованные прогнозами образы обретают свое воплощение и переходят из призрачного океана фантазии на твердую почву поведения. Изначально образ будущего стоит понимать как регулятор человеческого поведения⁴.

Первым произведением в фантастической литературе, касающимся описания коммунистического общества и получившим широкую известность, можно признать «Красную звезду» А. Богданова, хотя формально ее следует отнести к дореволюционной литературе, поскольку опубликован роман был в 1908 г. В этом произведении рассказывается, как в 1905 г. посланцы с Марса приглашают главного героя, революционера, посетить их планету с целью ознакомления

¹ Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 745.

² Гюнтер Х. Соцреализм и утопическое мышление. С. 44–45.

³ Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 23.

⁴ Фрумкин К. Г. Философия и психология фантастики. М., 2004. С. 38, 39.

с их обществом, в котором восторжествовали коммунистические принципы. Марсианский коммунизм должен служить своеобразным зеркалом, отражающим будущее Земли. Описание устройства общества на Марсе в значительной степени основывалось на марксистско-ленинском учении. Высокий уровень техники, централизованный учет и распределение рабочей силы позволяют марсианам работать по 1,5–2 часа в день. Аппарат насилия и принуждения отсутствует, дети воспитываются в специальных учреждениях и т. д. Очевидно, что многие черты марсианского коммунизма перекликаются с идеями, заложенными в III Программе КПСС. Таким образом, перенесение коммунистического общества с Земли на другие планеты демонстрирует связь фантастики с утопией, в которой часто идеальное общество располагалось в ином географическом пространстве.

Следующее произведение, представляющее интерес для данного исследования, – это роман Я. Окунева «Грядущий мир» (1923), первая часть трилогии, куда вошли также романы «Завтрашний день» (1924) и «Катастрофа» (1927). На самом деле три романа слабо связаны между собой, и наиболее удачным представляется именно первый, повествующий о мировой революции и наступившем в результате «светлом будущем»¹. Действие происходит во «всемирном городе», распространившемся на всю планету, где творческий, вдохновенный труд становится основной жизненной потребностью людей эпохи коммунизма.

Отражение определенных черт коммунизма можно обнаружить в творчестве А. Беляева. В книгах «Лаборатория Дубльвэ» и «Звезда КЭЦ» описывается не очень далекое будущее, где научно-технический прогресс освободил человека от физического труда, и ему остается только нажимать кнопки.

1930–1940-е гг. были временем оформления и господства «социалистического реализма», но им одним обойтись было нельзя. По мнению Л. Г. Фишмана, «требовалась литература, способная нарисовать народу картину того самого светлого коммунистического общества, к которому в обозримой исторической перспективе должен был привести воспеваемый тяжкий труд миллионов. Далее эта картина никак не должна была выглядеть высосанной из ортодоксально-соцреалистического пальца и поэтому вымученной, неискренней и уязвимой для упреков в явном несоответствии жестокой действительности»².

¹ Энциклопедия фантастики / под ред. Вл. Гакова. Минск, 1995. С. 424.

² Фишман Л. Г. Указ. соч. С. 31.

Видное место в советской фантастике рубежа 1950–1960 гг. занимает И. Ефремов. С его именем связана первая и самая известная «коммунистическая утопия» – «Туманность Андромеды», выпущенная в 1957 г. в журнале «Техника – молодежи», а в 1958 г. изданная отдельной книгой. Действие романа отодвигалось от времени написания на тысячелетия, в последнем варианте Ефремов остановился на 30-х веках, что возвестило о смелом прорыве границ фантастики «ближнего прицела»¹. В своих произведениях Ефремов возрождал традицию литературы как программного документа. Он был не только фантастом, но и философом и социальным мыслителем².

Выбор произведения И. Ефремова в качестве примера обусловлен, во-первых, его популярностью среди современников, во-вторых, изображением общества победившего коммунизма, которое, с одной стороны, основано на бытовавших в то время представлениях об обществе будущего, с другой – формировало эти представления. Немаловажную роль при выборе сыграло и официальное признание властями данного произведения. Г. Е. Глезерман ссылается на «Туманность Андромеды» И. Ефремова как на пример будущего, но с оговоркой, что будущее нельзя изобразить³. В. Дмитриевский и Е. Брандис указывали на конкретные недостатки романа Ефремова: спорные представления о семье, периодизации истории и характере автоматизации производства. Кроме того, писателя упрекали в том, что «люди будущего в его изображении слишком равнодушны к памяти о революционном героизме наших дней. Даже Великая Октябрьская революция, а также имена основоположников марксизма-ленинизма ими нигде не упоминаются»⁴. Поскольку данная статья опубликована в 1960 г., в ней не упоминаются XXII съезд КПСС и III Программа КПСС, которые должны занять почетное место в череде вех, приведших к торжеству коммунизма.

Попробуем сопоставить будущее, описанное И. Ефремовым, и рассмотренные выше официальные и транслируемые представления о будущем. С первых страниц романа читатель сталкивается со странными именами персонажей, что объясняется принципом выбора имени в новом обществе («...в наше время, когда имена дают-

¹ Энциклопедия фантастики. С. 231.

² Фишман Л. Г. Указ. соч. С. 35.

³ Глезерман Г. Е. Коммунизм и труд. С. 48.

⁴ Дмитриевский В., Брандис Е. Современность и научная фантастика // Коммунист. 1960. № 1. С. 71.

ся по любому понравившемуся созвучию»¹). Возникает параллель с традицией брать себе красивые, «культурные» имена в Советском Союзе в 1930-е гг. Традиция героизации человека будущего в романе Ефремова выражена весьма любопытно. Помимо общего впечатления от героических деяний покорителей космоса и ученых, автор специально вводит двенадцать подвигов Геркулеса, которые должны были совершить юноши при достижении определенного возраста², что явно указывает на героизм каждого жителя будущего. По мнению Л. Г. Фишмана, будущее по И. Ефремову – это цивилизация «сверхчеловеков», для становления которой в Советском Союзе были созданы научно-технические предпосылки, но не было создано предпосылок идеологических и – шире – духовных³.

Интересно, что в будущем, изображенном И. Ефремовым, герои воспитываются не в семье, а в коллективе. «Одна из величайших задач человечества – это победа над слепым материнским инстинктом. Только коллективное воспитание детей специально обученными и отобранными людьми может создать человека нашего общества»⁴. Стоит вспомнить коллективное воспитание детей на Марсе в произведении А. Богданова. Конечно, это похоже на «казарменный, уравнилельный социализм», от которого советская идеология пыталась отстраниться, но в обществе подобные настроения продолжали циркулировать. Зато в борьбе с «вещизмом», а значит и с потребительским отношением к жизни, Ефремов стоял на «передовом рубеже». Следующий отрывок из «Туманности Андромеды» не раз цитировался в качестве примера отношения к предметам быта человека будущего, на которого следовало равняться простому советскому гражданину: «Дар Ветер собрал все мелкие вещи, принадлежавшие ему лично, уложил в шкатулку пленки с изображениями и голосами близких и важнейшими записями собственных мыслей. Со стены он снял хроморефлексную репродукцию древней русской картины, со стола – бронзовую статуэтку артистки Белло Галь, похожей на Веду Конг. Все это с небольшим количеством одежды поместилось в алюминиевый ящик с кругами выпуклых цифр и линейных знаков на крышке»⁵.

¹ Ефремов И. Туманность Андромеды. М., 2004. С. 117.

² Там же. С. 169.

³ Фишман Л. Г. Указ. соч. С. 37.

⁴ Ефремов И. Указ. соч. С. 287.

⁵ Там же. С. 168.

Интерес представляет лекция, передаваемая по Великому Кольцу другим цивилизациям. В ней сжато и ясно рассказывается про основные вехи истории человечества: с момента осознания основных законов общественного развития и объединения усилий миллионов свободных от угнетения людей на основе этих законов, через борьбу с капиталистическим миром – к окончательной победе коммунизма. Приведем несколько отрывков этой лекции. «Но новое общественное устройство не могло победить, хотя эта победа задержалась из-за отсталости воспитания общественного сознания... Но изменение экономики потребовало очень сложного управления производством и распределением и было невозможно без воспитания общественного сознания каждого человека»¹. Наряду с провиденциальным утверждением о неизбежности победы коммунизма идея «нового человека» в представлениях И. Ефремова является одной из центральных в построении «светлого будущего». Л. Г. Фишман считает, что главной целью утопического проекта Ефремова являлось его желание дополнить официальную коммунистическую идеологию духовным измерением².

Особо отметим другой эпизод. «В древних утопических фантазиях о прекрасном будущем люди мечтали о постепенном освобождении человека от труда. Писатели обещали, что за короткий труд – два-три часа на общее благо – человечество сможет обеспечить себя всем необходимым, а в остальное время предаваться счастливому ничегонеделанию»³. Полемизуя с утопическими сочинениями касательно отношения к труду, автор «Туманности Андромеды» заменяет утопии прошлого своей собственной советской коммунистической утопией, где труд, в соответствии с официальным дискурсом, должен был быть жизненной потребностью. Ефремов признает, что деятельность писателя может влиять на человека и его представления о будущем, однако отмечает при этом некоторую зависимость творчества от надежд и ожиданий людей.

Приведенные в книге П. Вайля и А. Гениса слова И. Ефремова – «Сначала мне казалось, что гигантские преобразования планеты в жизни, описанные в романе (“Туманность Андромеды”. – Ф. А.), не могут быть осуществлены ранее, чем через три тысячи лет... При доработке романа я сократил намеченный срок на тысячелетие»⁴ – ука-

¹ Ефремов И. Указ. соч. С. 46.

² Фишман Л. Г. Указ. соч. С. 37.

³ Ефремов И. Указ. соч. С. 46.

⁴ Цит. по: Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 15.

зывают, что для советских людей существенен был порядок цифр. Про тысячелетия знали и без И. Ефремова – то, «что когда-то человечество придет к Городу Солнца, алюминиевым дворцам, Эре Великого Кольца. Потрясающе дерзким был срок – 20 лет»¹.

На рубеже 1950–1960-х гг. в поле фантастической литературы появляются братья А. и Б. Стругацкие, авторы цикла новелл «Полдень 22 век» – самой масштабной, после «Туманности Андромеды» И. Ефремова, «утопии» в советской литературе. Это широкая панорама далекого будущего, охватывающая многие аспекты жизни – от грандиозной созидательной деятельности человечества на Земле и в космосе до быта, морали, системы воспитания детей, спорта и досуга и т. п. В целом, мир «Полдня» представляет собой социальный идеал интеллигентов-«шестидесятников», для которых творческий труд не требует иных стимулов, кроме свободы заниматься им. Поэтому люди будущего у братьев Стругацких мало чем отличаются от людей, правда, лучших людей рубежа 1950–1960-х гг.²

Кроме того, появлялись произведения менее известных сейчас авторов, такие как «Путешествие в завтра» В. Захарченко, «Репортаж из XXI века» М. Васильева и С. Гущева, «Мы – из Солнечной системы» Г. Гуревича³, «Гость из бездны» Г. Мартынова. Писатели социалистического лагеря тоже привлекались для идеологической подпитки. Так, С. Лем в романе «Магелланово облако» и Я. Вейс в «Стране внуков» представляли свой взгляд на общество и людей будущего⁴. Большинство этих авторов, за исключением Лема, сегодня практически неизвестны и не могут быть поставлены в один ряд с Ефремовым и братьями Стругацкими ни по качеству литературы, ни по влиянию на сознание своих современников. Братья Стругацкие и Ефремов, находясь в рамках коммунистического дискурса, не шли бездумно у него на поводу, а пытались дополнить его сообразно своим идеям. Это позволяет отнести их произведения именно к медиаторам, поскольку они занимали промежуточное положение между официальной доктриной и народными стереотипами, взаимодействуя и с теми и с другими.

Обзор фантастической литературы предполагает и обращение к кинофантастике. В силу своей специфики кинематограф не про-

¹ Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 15.

² Энциклопедия фантастики. С. 538–539.

³ Дмитриевский В., Брандис Е. Указ. соч. С. 73.

⁴ Там же. С. 71.

сто описывает будущее, а наглядно демонстрирует его зрителям. На экране необходимо было показать, как будут выглядеть дома, одежда, машины и т. п. в будущем. При этом визуальные образы должны были быть естественными и ненадуманскими, чтобы не вызывать отторжения у зрителя. Об этом пишет и режиссер экранизации «Туманности Андромеды» Е. Шерстобитов: «Мы знаем, например, как построить дворец Екатерины или простую хату, а как оборудовать каюту капитана звездолета, не знаем, не представляем! Но ведь на экране все должно выглядеть обыкновенным, привычным»¹. Возможно, данная трудность, а также сложность производства кинофантастики не позволили на рубеже 1950–1960-х гг. создать значительный корпус кинолент о будущем, хотя утверждалось, что кино как средство пропаганды и популяризации передовых идей, знаний, опыта коммунистического строительства должно было подняться на более высокую ступень. Планировалось довести производство полнометражных художественных фильмов до 250–300 кинофильмов в год². Наиболее известными фантастическими кинолентами к 1960-м годам являлись «Аэлита» (1924), «Космический рейс» (1936), «Планета бурь» (1961) и «Туманность Андромеды» (1967). Однако можно отметить, что жанр кинофантастики в Советском Союзе не был развит, в отличие от США, где 1950–1960-е гг. стали временем расцвета данного жанра³. Режиссер С. Герасимов в 1967 г. также говорил о неразвитости жанра: «Сегодня научно-фантастического фильма как явления искусства еще нет»⁴.

Гораздо больше о «светлом будущем» советскому зрителю могли поведать не космические корабли, «бороздящие просторы вселенной», а демонстрирующееся изобилие в лентах, созданных по правилам «соцреалистического канона». Так, например, «Кубанские казаки» (1949) или «Карнавальная ночь» с их обильными застольями для «жителя» 1960-х гг. могли олицетворять коммунистическое продуктивное изобилие, особенно по сравнению с продовольственными трудностями первой половины 1960-х гг. В рамках данного исследо-

¹ Шерстобитов Е. Фантастике нужен земной опыт // Советский экран. 1967. № 8. С. 9.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 6. Л. 35–36.

³ Дашкова Т., Степанов Б. Фантастическое в фильмах Андрея Тарковского Солярис и Сталкер // Фантастическое кино. Эпизод первый. М., 2006. С. 317.

⁴ Герасимов С. Не найдено главного // Советский экран. 1967. № 8. С. 9.

вания пища вызывает интерес как явление повседневное, связанное с другими аспектами жизни, ведь важно не только то, что люди едят, но и то, как они это делают¹. Такой подход позволяет утверждать, что в Советском Союзе существовал уникальный вид утопии – продовольственная утопия.

«Продовольственная утопия» в наиболее четком и законченном виде в Советском Союзе была оформлена в «Книге о вкусной и здоровой пище». Появившись в сталинскую эпоху, вместе с кинофильмом «Кубанские казаки» и ВДНХ, она должна была демонстрировать, что «жить стало лучше, жить стало веселее» и что народное хозяйство постепенно превращается в своеобразный «рог изобилия», из которого нескончаемым потоком на советских людей будут изливаться блага. «Книга о вкусной и здоровой пище» должна была подготовить к этому и научить советских граждан, что делать с продуктовым достатком. Мотив сказочного изобилия, традиционный для утопического жанра, красной нитью проходит через всю советскую культуру, своеобразно преломляясь в художественных текстах периода «оттепели». Образ полноты бытия, плодородия и его атрибутов, будучи сквозным для искусства 1930–1950-х, нашел отражение и в архитектурном оформлении памятников той эпохи. Ко второй половине 1950-х гг. тоска по изобилию достигает своего апогея, что приводит к нивелировке различия между реальными продуктами питания и их праздничными изображениями².

Еще одной важной задачей, связанной с «Книгой о вкусной и здоровой пище», являлось развитие у населения новых вкусов, создание спроса на новые пищевые продукты. Поскольку моментально невозможно было перейти ко всеобщему централизованному питанию как в силу нехватки мощностей, так и вследствие недостаточной подготовленности населения, необходимо было создать у населения привычку и вкус к полуфабрикатам, к сухим завтракам, концентратам, консервам – ко всему богатому и разнообразному ассортименту готовых и полуготовых фабричных пищевых продуктов³. На связь между полуфабрикатами и «Книгой о вкусной и здоровой пище» указывает и тот факт, что появление их в СССР связано с А. И. Микояном,

¹ Арутюнов С. А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001. С. 10.

² Ковтун Н. В. Русская литературная утопия второй половины XX в.: Дисс. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. С. 130.

³ Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1951. С. 17.

который непрестанно руководил советской пищевой индустрией на протяжении почти 50 лет.

Как указывалось выше, официальный коммунистический дискурс одним из неперенных условий создания нового коммунистического быта видел освобождение женщины от кухонной работы и перевод питания на промышленную основу. К середине 1950-х гг. общественным питанием пользовалось всего около 10 % населения, и, несмотря на все старания руководства в дальнейшем, эта цифра существенно не возросла. Причиной тому были очереди, невысокая пропускная способность заведений, бедность и однообразие ассортимента и, главное, низкие вкусовые качества предлагаемой пищи¹. В эпоху «развернутого строительства коммунизма», когда общественное питание не могло удовлетворить все потребности, женщина была вынуждена заниматься домашним хозяйством. Для того чтобы снять часть занятости и перенаправить высвобожденные силы на строительство «светлого будущего», женский труд должен был быть максимально облегчен, чтобы вместо многочасового стояния у плиты хозяйка могла бы просто и быстро довести полуфабрикаты до готовности.

«Книга о вкусной и здоровой пище» должна была продемонстрировать домохозяйкам и потребителям преимущества такого способа питания перед традиционным. Новые продукты позволяли сократить затраченное время и усилия и якобы не проигрывали обычным продуктам по вкусовым качествам. Производство питания в общественных столовых на несколько тысяч человек немисливо без использования полуфабрикатов, допускающих длительное хранение. Советский человек должен был привыкать к промышленно изготовленным продуктам питания, отказываясь от блюд, приготовленных по старинке. Отрицательное отношение к попытке перевести в будущем питание на новые продукты проявилось несколько ранее, чем оформилась советская «продовольственная утопия». Так, Д-503, герой романа Е. Замятина «Мы», не может есть хлеб, испытывая недоверие к привычной для нас еде, поскольку в будущем продукты питания изготавливаются из нефтепродуктов. Блюда из «дешевого вечного вещества» проходят испытания в пьесе А. Платонова «Шарманка» (1934): население пробует «щи из кустарника с дубовым салом, механические бутерброды, котлеты из чернозема, кашу из саранчи и муравьиных яиц, сладкое из клея и кваса, уксус с махорочной

¹ Похлебкин В. В. Кухня века. М., 2000. С. 290.

крошкой и сиреневым кустом»¹. Появление контрutoпий свидетельствовало о процессе осознания и рефлексии кризисных явлений современного им общества².

«Книга о вкусной и здоровой пище» отражала две тенденции, закрепленные уже в названии: пища в Советском Союзе должна была быть не только вкусной, но и здоровой. Хотя первоначально она должна была называться «Книга о здоровой и полезной пище», но А. И. Микоян настоял на включении в название слова «вкусная», несмотря на расплывчатость значения данного слова³. Общество должно было взять на себя заботу о человеке и его здоровье. Правильное питание должно было способствовать получению всех необходимых витаминов и полезных веществ организмом, что должно было положительно отразиться на здоровье человека – он будет меньше утомляться и болеть, а значит, его усилия на благо построения коммунистического общества не ослабнут. Создатели «Книги о вкусной и здоровой пище», проявляя заботу об организации здорового питания, перед перечислением рецептов разнообразных блюд привели руководство по составлению рациона для рядового советского человека. Основываясь на тогдашних представлениях о правильном питании, которые являлись попыткой создания идеального образа пищевого процесса, авторы книги давали указания, какие продукты и блюда следует употреблять на завтрак, обед и ужин, а также как правильно готовить, дабы сохранить все полезные свойства продуктов. В первой главе указывалось, что решение продовольственной проблемы стояло довольно остро и коммунистическое изобилие, особенно на этапе коммунизма «в основном», базировалось в значительной степени на коммунистическом потреблении. «Книга о вкусной и здоровой пище» определяла границы потребления продуктов при коммунистическом продовольственном изобилии, демонстрируя, что можно с помощью традиционных продуктов готовить вкусные, а главное, полезные блюда. В. В. Похлебкин поэтому определяет издания «Книги о вкусной и здоровой пище» с 1952 по 1975 г. как реакционные, где предлагаются упрощенный состав и технология производства блюд⁴. Кроме того, создавалась иллюзия изобилия, поскольку иллюстрации с ломящимися от деликатесов столами давали надежду на скорейшее

¹ Ковтун Н. В. Указ. соч. С. 130.

² Лиокумович Е. А. Указ. соч. С. 64.

³ Похлебкин В. В. Указ. соч. С. 187.

⁴ Там же. С. 176.

воплощение этих образов в жизни каждого советского гражданина. Размытая граница между реальным изобилием и его демонстрацией позволяла частично приоткрыть завесу над жизнью в «светлом будущем», которое должно было быть создано уже при жизни тогдашнего поколения, что, конечно, способствовало мобилизации населения на решение поставленных партией задач.

В интересующий нас период вышло в свет два издания «Книги о вкусной и здоровой пище» – в 1961 и 1964 гг. Эти два издания предваряются вступительными статьями, носящими традиционное название «К изобилию!», именно в них раскрываются заложенные в книге идеи, поскольку ее содержание в целом не изменялось с первого издания. Основная часть книги была призвана продемонстрировать «идеальное настоящее», а вводная часть – дать образ «светлого будущего», на что указывает само название «К изобилию!». В книгах делается акцент на ряде положений III Программы КПСС: автоматизации производства, расширении сети общественного питания, а также содержится указание на то, что «новое» питание гораздо лучше традиционного и призвано обеспечить человека всем необходимым, сохранив тем самым его здоровье и силы для строительства коммунизма. Поскольку данные издания имеют явную гендерную окраску, то в обеих книгах есть фрагменты, связанные с декларацией необходимости освобождения женщины из «кухонного рабства». Что касается собственно кулинарного аспекта, то в книге подчеркивается следующее: в ближайшее время в народном потреблении значительно вырастет доля продуктов животноводства (мяса, жиров, молочных продуктов), фруктов и высокосортных овощей. Переход на консервированные продукты позволит, по мысли авторов «Книги», ликвидировать сезонные спады потребления этих продуктов. Должен был расти и уровень потребления океанической рыбы, бобовых и, конечно, продуктов из кукурузы¹. Основная идея книги выражена в предложении: «Итак, надо уметь и дома готовить питательно, вкусно, гигиенично, экономно и быстро»². Книга апеллировала к «потребительскому» как к одному из наиболее распространенных вариантов «светлого будущего» и к «женскому» как специфично направленному варианту коммунизма, стараясь при этом связать их с официальными коммунистическими перспективами.

¹ Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1964. С. 5.

² Там же. С. 9.

На службу коммунистическому строительству пытались поставить все, что могло оказать воздействие на человека. Юмор и смех тоже должны были помочь в решении поставленных Программой партии задач. В одном из своих выступлений Н. С. Хрущев говорил о необходимости «поддерживать честных, передовых людей труда и обличать лодырей и туенядцев, всех, кто мешает нашему продвижению вперед. Стихи, басни, рассказы должны служить людям в великом и благородном деле строительства коммунизма. <...> Сатира, товарищи, свое дело делает. И поэтому тех, кто трудится без напряжения, полезно бывает немножко высмеять, ужалить»¹.

Советскую смеховую культуру можно разделить на две большие категории: юмор и сатиру. Сатира была призвана обличать пороки, а юмор – поднимать настроение. П. Вайль и А. Генис отмечали, что в 1960-х гг. все напоминало человеку: жизнь прекрасна! А прекрасна она потому, что будет еще прекраснее. В сталинские времена постулировалось: жить стало лучше, жить стало веселее, 1960-е делали упор на предстоящих рубежах². За прекрасную жизнь отвечал юмор. Действительно, 1960-е гг. породили огромный пласт советского юмора. В это время начинают свою карьеру Л. Гайдай и Э. Рязанов, приобщившие советского зрителя к киноэксцентрике, выходит в эфир КВН. Да и сам Н. С. Хрущев не был чужд, пусть и довольно простого, юмора. В стенограмме его выступления на XXII съезде КПСС можно обнаружить не одну ремарку «Смех» и «Оживление в зале». Знаменитая «кузькина мать» и стучание ботинком по трибуне ООН не лишены определенной доли веселости, и «державный смех перерастал в поголовный всесоюзный хохот»³.

Смех занимал важное место в советской политической риторике. Хотя в этом плане рубеж 1950–1960-х гг. нельзя назвать уникальным: он продолжал традиции, которые сформировались ранее. Особенностью данного периода является значительная доля неформального, «простонародного» юмора. В целом же, смех выступал, прежде всего, как инструмент разоблачения и политической борьбы. Высмеивание противников и недостатков означало символическую победу над ними, при этом важен был коллективный смех, только он мог направить эмоции в нужное русло. Например, участники партийного съез-

¹ Цит. по: Крокодил. 1961. № 34. С. 2.

² Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 142.

³ Там же. С. 148.

да объединялись в едином смеховом порыве, который формировался как спонтанно, так и сознательно.

Для руководства важнее, конечно, была сатира, что видно из приведенного выше отрывка выступления Н. С. Хрущева. С помощью сатиры негативные явления действительности должны были быть не просто удалены с поверхности, а уничтожены сами основы, вызывающие их. Представлялось, что роль сатиры по мере продвижения к коммунизму будет увеличиваться и «при коммунизме человека общественные суды будут приговаривать к фельетону, все равно как сейчас нарсуд осуждает на три года отсидки»¹. В 1962 г. на киноэкраны выходит киножурнал «Фитиль», призванный «обличать и клеймить» имеющиеся недостатки советской действительности.

Главным сатирическим оружием, конечно, выступал журнал «Крокодил». Его содержание можно разделить на два раздела: в первом печатались социальные фельетоны и демонстрировались определенные недостатки советской жизни, вторая часть была призвана веселить советского читателя. В рамках данной работы интерес вызывают, прежде всего, сатирические материалы, связанные с коммунистическими представлениями.

В качестве основных объектов критики, а значит и главных противников «светлого будущего», на страницах журнала представляли бюрократы, алкоголики, тунеядцы, спекулянты и т. д. Так, один из авторов в конце своей заметки о потребительском отношении некоторых граждан к грядущему принципу коммунистического распределения пишет: «Стоп! Дальше тунеядческая колымага не пойдет! Граждане тунеядцы, пересаживайтесь на трудовой поезд»². Вообще коммунизм и движение к нему на страницах «Крокодила» прочно ассоциировались с движущимся поездом. Такую аналогию можно обнаружить еще в знаменитых песенных строках о паровозе, у которого в коммуне остановка. Но в случае с сатирой образ коммунистического состава дополнялся особой коннотацией – забытых на перроне пассажиров. Художник Е. Щилов в своей карикатуре «В коммунизм – без остановки» изображает все негативные типы сидящими на станции, приговором для них звучат слова «На этот поезд они не попадут»³. Поезд, конечно, шел в коммунизм, и на нем

¹ Ленч Л. Перья к бою // Крокодил. 1961. № 25. С. 2.

² Шатров С. Стоп! Дальше колымага не пойдет! // Крокодил. 1961. № 24. С. 2.

³ Крокодил. 1961. № 23. С. 10.

все добропорядочные советские граждане централизованно и быстро должны были отправиться в «светлое будущее». До сознания населения, таким образом, доводилась идея, что в коммунизм попадут далеко не все, а билетом станет соответствие моральному идеалу человека коммунистического общества. Это, в свою очередь, должно было способствовать стремлению к самосовершенствованию. Отметим, что помимо высмеивания к «некоммунистическим» элементам применялись и вполне реальные санкции. В мае 1961 г. издается «закон о паразитах», к ним относились: нищие, бродяги, пьяницы, проститутки, дельцы «теневой экономики», молодые бездельники, религиозные сектанты, в особых случаях пенсионеры и домохозяйки¹.

Отдельно хочется остановиться на специальном выпуске журнала «Крокодил», посвященном XXII съезду КПСС. Название номера – «Заметки на полях стенограммы» – характеризует его содержание. Художники юмористически и визуально пытались иллюстрировать отдельные моменты из выступлений на XXII съезде КПСС. Так, человек, обремененный частной собственностью, плетется за коммунистическим составом, а потребительски настроенные люди создают гигантскую ложку для получения по потребностям². Смех, таким образом, имел две ипостаси: он одновременно наказывал неугодных и поощрял благонадежных, устанавливая взаимосвязь между властью и обществом.

Наиболее близки карикатуре агитационные плакаты. В силу своей специфики плакат оперирует визуальными образами, не имея возможности представить развернутый текст. При этом образы должны быть легко воспринимаемы, то есть находиться в активной части «культурного капитала» общества и не требовать пояснений, даже в случае использования аллегории. Особый интерес плакат как медиатор вызывает и в силу отсутствия официально оформленного визуального изображения коммунизма или реального прототипа, с которого можно сделать эскиз. Авторам плаката предстояло решить сложную проблему – показать зрителям то, чего пока еще нет и что в принципе не поддается изображению, так, чтобы зрители могли опознать изображение и соотнести его с коммунизмом. Художественный текст плаката оказывался зажат между официальной доктриной и народными представлениями.

¹ Фицпатрик Ш. Паразиты общества: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 219–254.

² Крокодил. 1961. № 30. С. 1, 4.

В 1950-х гг. появился ряд плакатов, в которых совершается переход от прежних лозунгов социалистического строительства к провозглашению лозунгов «во имя коммунизма». За этой формулировкой скрывается, в основном, призыв поддержать инициативы ряда «великих строек коммунизма», в первую очередь ГЭС. Поэтому коммунизм на этих плакатах предстает в виде Советского Союза, покрытого сетью промышленных предприятий, среди которых возвышаются здания в стиле сталинских высоток.

Использование образа коммунизма как мобилизующего фактора для решения актуальных задач не ограничивалось рубежом 1950–1960-х гг. Данный образ, как отмечалось в первой главе, находился в рамках восприятия коммунизма именно как экономического устройства, для создания которого необходима самая мощная промышленность в мире. Работа на «великих стройках коммунизма», связанная с определенными трудностями и лишениями, должна была окупиться в «светлом будущем». Наиболее четко эта мысль выражена в словах Мао Цзэдуна: «Три года упорного труда – десять тысяч лет счастья». Такое восприятие времени подтверждает взаимовлияние трех времен в модусах поведения советского человека.

В 1960-е гг. визуализация коммунизма меняется, что особенно отчетливо прослеживается после принятия Программы партии. Коммунизм и движение к нему воплощаются в виде разнообразных транспортных средств. Традиционным остается аналогия с поездом, также, по понятным причинам, появляется ракета как символ эпохи «развернутого строительства коммунизма». Это связано и с использованием Н. С. Хрущевым в своей речи образных сравнений Программы партии с космическим аппаратом, о чем писалось выше, – художники только воплотили это высказывание в визуальные образы. Другой большой группой изображений, связанных с коммунизмом, являлись образы рабочего с III Программой КПСС в руках, причем на этих изображениях также присутствует образ В. И. Ленина. Заложенные в таких изображениях аналогии очевидны: рабочий изначально рассматривался как основной строитель коммунизма, а указание на стремление придать «ленинский» статус программе подтверждает то, о чем писалось выше. Таким образом, если 1950-е гг. предлагали визуально связывать коммунизм с промышленным ростом, то 1960-е переориентировались на III Программу КПСС с ее комплексным подходом к делу строительства «светлого будущего».

В первой главе указывалось, что перестройка быта на новый, коммунистический лад занимала не последнее место в ряду задач коммунистического строительства. Также отмечалось, что решению

проблемы создания нового жилища отводилось значительное место в пропаганде элементов коммунистического общества. Выделение архитектуры как своеобразного транслятора коммунистического будущего основывается на подчеркивании ее роли – как в форме градостроительства, так и в организации индивидуального жилища – официальным дискурсом и естественными потребностями человека, которые необходимо учитывать. Можно предположить, что потребности во сне, потреблении пищи и т. п. могли восприниматься как досадные физиологические препятствия, отвлекающие человека от участия в строительстве коммунизма или от самосовершенствования, призванного увеличить вклад индивида в коммунистическое строительство. Но, поскольку в обозримом будущем уничтожить зависимость человека от физиологических потребностей не представлялось возможным, с ними приходилось считаться, что, в свою очередь, отражалось в планировке жилищ.

Еще в первые годы советской власти возникла тенденция использовать архитектуру для создания новых социальных условий, новых социальных функций, новых типов отношений. Братья А., В. и Л. Веснины и М. Гинзбург, стоящие во главе функционалистов-конструктивистов, разрабатывали проекты новых типов коммунистических жилищ, где приготовление и потребление пищи, стирка, воспитание детей были бы обобществлены. Кузьмин предлагал модель коммунального быта, при котором взрослые коммунары спят по 600 человек, отдельно мужчины и женщины, правда, прежним мужьям и женам разрешалось спать вместе. К. Мельников, развивая эту мысль, разработал идею «Сонной комнаты», где те же 600 человек спят в одном помещении, но к этому добавляется специальный оркестр для заглушения храпа. Самым смелым проектом можно признать идею М. Охитовича, предлагавшего заменить города мобильными передвижными индивидуальными жилищными ячейками¹.

На рубеже 1950–1960-х гг. мысль о влиянии архитектуры на сознание не исчезла. Так, Правление Союза архитекторов СССР предлагало в проекте Программы партии отразить роль и значение градостроительства, принципиальную характеристику коммунистического расселения, новых городов, т. е. той среды, в которой будут жить и трудиться люди коммунистического будущего². «Все сторо-

¹ Паперный В. Соцреализм в советской архитектуре // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 130.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 301. Л. 167.

ны архитектурных решений – общий вид зданий и сооружений, внутренняя отделка и, главное, само устройство и оборудование зданий – должны быть проникнуты идеей создания наилучших условий жизни человека, создать наиболее здоровые, целесообразные формы обслуживания потребностей человека, должны быть подчинены интересам человека»¹. Жилище должно было удовлетворять потребности идеального человека коммунистического общества, одновременно подчиняя себе реального человека эпохи «развернутого строительства коммунизма». В отличие от проектов 1920-х гг. с их революционной романтикой и отрицанием старого мещанского быта, в сталинский период происходит некий ренессанс бытовой культуры², а значит, моногамные семейные отношения не подвергались ревизии, и коммунистическое жилище было рассчитано не на массовое использование, а на отдельную семью. Необходимо помнить, что, несмотря на стремление к легким изящным формам, главным требованием оставался функционализм, например, предполагалось, что человеку коммунистического общества было достаточно всего 20 квадратных метров³. Рационально организованный быт, к которому постепенно приучали советских граждан, не в переносном, а в прямом смысле ограничивал жизненные ожидания населения. Человек, и так несвободный от общества, при коммунистическом бытовом обслуживании, поставленном на промышленную основу, терял всяческую бытовую независимость: переключившись на выполнение работы на общество, он становился зависимым от него и не мог уже представить себе жизнь без общественной заботы.

Исходя из всего вышеизложенного, сделаем вывод. III Программа партии должна была определить важнейшие задачи в области культурного строительства, литературы и искусства, что, в свою очередь, было связано с завершающим этапом великой культурной революции в период развернутого строительства коммунизма⁴. Возникал определенный симбиоз, в котором текст Программы партии, с одной стороны, ограничивал рамки официально разрешенной фантазии, с другой – в этих границах представлял готовый материал, из которого можно было конструировать образы будущего благодаря его высокой пластичности. Официальный дискурс, выраженный в Программе

¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 16. Л. 23.

² Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 99.

³ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 16. Л. 17.

⁴ Рожин В. П. Указ. соч. С. 26.

партии, использовал полученные образы в своих интересах, зачастую разрешая определенные отступления в тактических целях, для чего официальные структуры вынуждены были способствовать распространению и усвоению населением коммунистических перспектив, изложенных в художественных текстах.

III Программа КПСС как документ, призванный мобилизовать население, нуждался в механизме донесения идей коммунизма до населения СССР. Распространение идей шло двумя путями: «явным» и «скрытым». В первом случае идеи распространялись посредством официальной пропаганды. В стране была развернута кампания по разъяснению и внедрению положений Программы партии. Это делалось как в выступлениях советских лидеров, так и в СМИ.

Второй «путь» предполагал внедрение идей коммунистического строительства опосредованно. Распространению подлежали те же идеи без ссылки на III Программу КПСС. Основным механизмом выступал корпус художественных текстов. Через литературу и кинематограф советский человек должен был приобщаться к идеалам нового общества.

И первый, и второй «путь» функционировал на принципах взаимосвязи между официальной идеологией и населением. Обе группы текстов занимали промежуточное положение, они циркулировали между властью и населением, обеспечивая тем самым взаимодействие между ними. Таким образом, идея коммунизма приспособлялась к конкретной ситуации, с тем, чтобы выполнить свою главную функцию – мобилизовать советских граждан на строительство «светлого будущего».

Глава 3

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ОЖИДАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СССР

§ 1. Коммунизм и массы: основные точки пересечения

Если официальный дискурс о коммунизме должен был быть единым, дабы люди точно знали, куда и как двигаться, то у населения так и не сложилось однозначное понимание коммунизма, и поэтому в данной главе мы будем говорить о коммунизмах. Продуктивным представляется термин «разномыслие», который использовал в своей работе Б. М. Фирсов¹, что позволяет избежать трактовки альтернативных взглядов как сопротивления официальной идеологии.

Несколько упрощая, что неизбежно при любой попытке упорядочить материал, можно констатировать, что население к коммунистическим перспективам Программы партии относилось либо положительно, либо скептически. Некорректно говорить, как поступают некоторые авторы, что население верило или не верило в обещание построить коммунизм в течение 20 лет. Сводить все к одному мнению неправомерно, поскольку источники позволяют проследить и положительное и скептическое отношение населения к обещанному коммунизму.

Для данного исследования особый интерес представляет положительное отношение к коммунизму, поскольку в этом случае население должно было формировать свой образ будущего, либо используя официальную модель, либо предлагая свою альтернативу. Положительное отношение также можно разделить на две большие группы. Первая представлена «аскетическим» коммунизмом «энтузиастов», готовых строить его, «не щадя живота своего», коммунизма, в котором все будут находиться в равных условиях. Их идеалом является идея коммуны с ее уравнительными тенденциями. Официальным

¹ Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е: история, теория и практика. СПб., 2008.

дискурсом такой подход всячески отрицался, поскольку был связан с разнообразными утопиями. Но применительно к населению рубежа 1950–1960-х гг. это скорее рецидивы крестьянского сознания с его общинными традициями.

Вторая группа воспринимала коммунизм потребительски, видя в нем «кормушку», к которой можно было припасть и насладиться благами. Причем чем ближе был обещанный срок завершения строительства коммунизма, тем больше и больше должна была эта кормушка наполняться.

«Потребительский» коммунизм в своем стремлении к бесплатным благам тоже был не однороден. Одни хотели удовлетворить индивидуальные потребности, другие же ожидали благ для всех жителей страны. Но и в том и другом случае коммунизм выступал своеобразным символом, обращение к которому автоматически приводит к решению насущных проблем. В таком понимании коммунизм предстает как общество, где будут решены основные проблемы.

Можно обнаружить и гендерные различия в наполнении образа коммунизма. Если мужской вариант выражается, прежде всего, в образе героя-космонавта как прототипа человека будущего, то женский коммунизм выражен гораздо ярче. Связано это в первую очередь с тем, что, в отличие от мужчин, у женщин было больше специфических проблем, а значит, коммунизм должен был решить больше задач, что, естественно, приводит к лучшей разработке образа.

«Скептический коммунизм» также создает образ «светлого будущего»: в анекдотах можно обнаружить описание жизни в будущем. Однако, в отличие от позитивного отношения к коммунизму, «скептический» образ анекдотов завуалированно высмеивал настоящее, а значит, и возможность построения коммунизма.

«Скептический» образ коммунизма являлся образом для «внутреннего» пользования, который не должен был выходить за пределы народного дискурса и не вступать в контакт с официальным представлением о «светлом будущем», а отталкиваться от него для его же высмеивания. «Позитивное» отношение, напротив, изначально предполагало наличие официальных коммунистических перспектив, на основании которых можно было вести диалог с властью, используя идею коммунизма как медиатора.

Идея коммунистического общества возникла в марксизме как оболочка для обозначения идеальной формы общественного устройства, вырастающей из прежних форм и одновременно их отрицающей. Коммунизм – это теоретическая абстракция, своеобразная «сказка», которую предстояло рано или поздно сделать былью, согласно зако-

нам исторического развития. Приход к власти большевиков сделал коммунизм одним из основных элементов официального советского дискурса. Естественно, что наиболее глубоко понимать коммунистические перспективы должны были члены партии, хотя на протяжении всего советского периода количество беспартийных превалировало над состоящими в партии.

К моменту принятия III Программы КПСС количество вступивших в партию составляло примерно 9 млн человек, а общее количество жителей СССР приближалось к 220 миллионам¹. Осознанная руководством необходимость вовлечения всего населения страны в строительство коммунизма отмечалась выше. Само наличие и активное использование официальной властью медиаторов и механизмов «агитации и пропаганды» говорит о расхождении официального коммунизма с образом, оформляемым в сознании населения. Если образы коммунизма власти и общества совпадали бы или имели небольшие расхождения, все мероприятия, проводимые властью, теряли бы свой смысл.

При этом нельзя говорить об отсутствии у населения на рубеже 1950–1960-х гг. представления о «светлом будущем». Как было показано в первой главе, образ коммунизма, выраженный в III Программе партии, формировался на всех этапах советской истории. Таким образом, поколения, жившие в 1961 г., значительный срок существовали под знаменем постепенного движения к «коммунизму», находясь под давлением официальной идеологии. Далекие от теоретических изысков рядовые советские люди инстинктивно оформляли расплывчатые коммунистические образы в понятные им категории, зачастую соединяя их с уже бытовавшими в культуре и сознании образами.

Фактом, подтверждающим существование образа коммунизма или, точнее, нескольких его образов у населения СССР, может служить уже многократно упоминавшееся обсуждение проекта Программы партии. Указывалось, что данная акция могла преследовать множество разнообразных задач, одной из которых была попытка проявить и использовать продукты коммунистических «фантазий» народонаселения. Так, например, И. А. Резник из Днепропетровска в ходе всенародного обсуждения предоставил целую работу на 119 страницах «Коммунистическое общество и Программа КПСС»². К сожалению, отыскать этот, как представляется, очень ин-

¹ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 40.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 84.

интересный документ не удалось, так же как и присланные Ф. Шаховым и тов. Сирадзе собственные готовые тексты новой Программы партии, составленные ими до опубликования проекта III Программы КПСС, одобренного Пленумом ЦК КПСС¹. Без сомнения, не имея представлений о перспективах строительства коммунизма в СССР, написать развернутый текст, выходящий за рамки жалоб или обычной риторики, было невозможно.

Источниками реконструкции образа коммунистического будущего в сознании населения Советского Союза рубежа 1950–1960-х гг. являются: 1) письма, направленные в различные инстанции, 2) устное народное творчество. Однако при работе с этими источниками необходимо принимать во внимание то, что они в значительной степени нагружены дополнительными коннотациями. При общении с властью зачастую, в силу бытующих правил игры, происходила имитация с помощью «ритуальных» и стереотипных приемов, мнения, которое было выгодно как власти, так и отправителю.

Устное народное творчество, представленное в виде анекдотов, частушек, загадок, в своем содержательном аспекте подчинено жанровым особенностям. Непременное наличие юмора, который зачастую строился на сарказме и сатире, изначально не предполагало положительного отношения к выдвигаемым официальным дискурсом положениям о коммунизме. Таким образом, с одной стороны, находятся тексты, подверженные «показному» оптимизму, с другой – те источники, над которыми довлел жанровый скептицизм.

Изначальное различие внутреннего характера источников предполагает наличие, по крайней мере, двух образов коммунизма в сознании населения. Довлеющему на рубеже 1950–1960-х гг. официальному представлению о коммунизме как о «светлом будущем», которое в ближайшем времени должно воплотиться в реальности, противостояло мнение, ставшее доминирующим после развала СССР, наиболее лаконично выраженное в анекдоте «самый короткий анекдот: коммунизм». Представляется, что такая дифференциация не исчерпывает весь комплекс бытовавших в сознании населения коммунистических перспектив. «Оптимистический» и «скептический» взгляды на коммунизм, в силу наличия различных групп в советском обществе, должны распадаться на дробные образы. Культурный капитал и мировоззрение партийного интеллигента отличались от мировоззрения беспартийно-

¹ Там же. Д. 298. Л. 33.

го крестьянина, а значит, рецепция образа коммунизма, предлагаемого официальным дискурсом, у них должна была проходить по-разному.

Четкое привязывание различных образов «светлого будущего» к конкретным социальным или профессиональным группам не представляется продуктивным, поскольку один и тот же человек мог днем, на работе, активно прославлять курс партии по строительству коммунизма и писать письма, в которых обещал взять повышенные обязательства, а вечером, на кухне, рассказывать антикоммунистические анекдоты. В то же время обычный политически малограмотный деревенский житель мог искренне верить в скорое пришествие «земного рая». Таким образом, при анализе коммунистических образов, характерных для советского населения, следует выявлять общие и часто повторяющиеся моменты, затем на их основе реконструировать коммунистические ожидания населения СССР на рубеже 1950–1960-х гг. Естественно, необходимо осознавать, что таким образом создается модель, где разрабатывается один аспект объекта изучения, необходимый исследователю, а значит, должен учитываться субъективный фактор. Нельзя впадать в иллюзию возможности достоверной реконструкции, скорее, необходимо говорить о создании некой усредненной модели сознания человека исследуемой эпохи. Такая реконструкция, при отсутствии рефлексии со стороны историка, может больше сказать об исследователе, чем об исследуемой теме.

В первой главе анализировались коммунистические перспективы, предлагаемые официальным дискурсом, и был сделан вывод о том, что эти перспективы были в большей степени прагматичными, нежели фантастичными. Но представители официального дискурса являлись одновременно и членами общества, вне публичной политики вторая их ипостась превалировала, однако и в этом случае они сохраняли веру в скорое осуществление задуманного. Позиция Н. С. Хрущева по вопросу реальности новой Программы партии вызывает глубокий исследовательский интерес. Приведенные в первой главе факты могут подтвердить мнение исследователей, отмечающих, что Н. С. Хрущев верил в возможность построения основ коммунизма за 20 лет. Помимо личных амбиций Первого секретаря ЦК КПСС, здесь большое значение имел тот факт, что прорыв в коммунистическое будущее должен был поставить его в один ряд с великими предшественниками: организатором социалистической революции В. И. Лениным и строителем социализма И. В. Сталиным; скорее всего, он искренне верил, что плановое хозяйство эффективнее рыночного и

по восприимчивости к прогрессу, и по социальной направленности, и по темпам¹.

Другие представители власти также являлись носителями убеждений, связанных с представлениями о неизбежной победе коммунизма. Свидетельством тому является, в частности, следующий разговор Ф. Бурлацкого с директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР А. А. Аразумяном:

«– Ты, Федор, счастливый, ты доживешь до такого времени, когда социализм победит во всей Европе.

– И когда же это произойдет по вашему предположению, Анушаван Агафонович? – спрашивал я не без ехидства.

– Не позже, чем через пятнадцать-двадцать лет.

– А каким путем? Революции, что ли, произойдут в странах Западной Европы, или социалисты и коммунисты объединятся в парламентах, или еще как-нибудь?

– Я не знаю, каким путем, – отвечал маленький человек. – Но твердо знаю, что социализм – дело одного, двух десятилетий»².

Собственно, если человек, близкий к правящей верхушке, бывавший за рубежом и видевший разницу между двумя системами, имел «детскую» веру в грядущее и недалекое торжество коммунизма на всем земном шаре, то что можно говорить о простом человеке, чей взгляд ограничивался горизонтами, воздвигаемыми официальным дискурсом. Мысль о скором завершении коммунистического строительства и переходе к новому общественному устройству имела значительные шансы на укоренение в сознании части населения.

В литературе можно выделить две тенденции в характеристике отношения населения к коммунизму. Ф. Бурлацкий пишет, что «новая Программа КПСС была встречена с энтузиазмом во всей партии и в народе, с надеждой и верой в то, что в короткие исторические сроки удастся добиться крупнейших результатов в экономическом и социальном развитии страны, радикально поднять уровень народного благосостояния. В этом были уверены, кажется, все»³. Этому мнению противостоит позиция других современников – П. Вайля и А. Гениса: «В самом прямом смысле в конкретные цифры Программы никто не поверил. <...> Надо отдавать себе отчет в том, что никто и не заблуждался насчет построения коммунизма в 20 лет. Любой мог

¹ Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 330.

² Бурлацкий Ф. Глоток свободы. М., 1997. Кн. 1. С. 96.

³ Там же. С. 101.

выглянуть в окно и убедиться в том, что пока все на месте: разбитая мостовая, очередь за картошкой, алкаши у пивной. И даже ортодокс понимал, что пейзаж не изменится радикально за два десятилетия»¹. Обе точки зрения представляются равнозначными и имеющими право на существование, поскольку на рубеже 1950–1960-х гг. они не противостояли друг другу, а существовали параллельно. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов субъективный фактор в оценке эпохи: Бурлацкий как один из авторов III Программы КПСС должен был испытывать определенную гордость за свой труд, в отличие от эмигрантов Вайля и Гениса. Таким образом, важное значение здесь имеет не столько действительность, сколько та точка зрения, которую избирает наблюдатель.

Советская жизнь предоставляла достаточный материал как для оптимизма, так и для скептицизма. Практически любой автор, обращающийся к 1950–1960-м гг., отмечает, что в советской действительности происходили существенные изменения в лучшую сторону. В июне 1956 г. была введена новая система пенсионного обеспечения, что увеличило размер пенсии. Вместе с этим вводился пенсионный ценз, один из самых низких в мире: для мужчин 60 лет, при стаже работы в 25 лет, для женщин 55 лет, при стаже в 20 лет. Исключительное значение имело то, что впервые в стране устанавливалось государственное пенсионное обеспечение для колхозников². 1961-й, год принятия новой Программы партии, начался с денежной реформы, в 10 раз укрупнившей рубль. Рост среднемесячной номинальной заработной платы рабочих и служащих составил за 10 лет практически 50 %: 679 р. в 1953 г. и 98 р. 50 к. (987 р.) в 1964 г. Возросло потребление мяса, молока, рыбы³. Самые доступные из коммунистических новаций начали реализовываться уже в 1962 г.: в столовых появились хлебницы с бесплатным хлебом – ешь сколько влезет. В городском транспорте, трамваях, троллейбусах и автобусах исчезли кондукторы, взимавшие плату за проезд. Со временем число бесплатных услуг населению должно было увеличиться⁴. Успехи Советского Союза венчались полетом Ю. А. Гагарина в космос, о значении данного факта говорилось выше. Все это подготавливало почву для оптимистичного восприятия положений Программы партии.

¹ Вайль П., Генис А. 60-е: мир советского человека. С. 13, 16.

² Пыжиков А. В. Оттепель: идеологические новации и проекты (1953–1964). М., 1998. С. 97.

³ Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 345.

⁴ Хрущев С. Н. Никита Хрущев: реформатор. С. 759.

Сдвиг в сознании части населения, произошедший в 1961 г., находит свое отражение в комплексе корреспонденции, в котором граждане предлагают с 1961 г. ввести новое летоисчисление, объявив этот год первым годом новой эры – эры коммунизма и освоения космоса¹. Воспринимая эти умонастроения, П. Вайль и А. Генис главу, посвященную коммунизму, называют «20 лет до н. э.». Другие граждане, ссылаясь на Н. С. Хрущева, писали о том, что отправной точкой для нового календаря должна была стать Великая Октябрьская социалистическая революция. В Программе партии планировалось закрепить это положение и к 50-летию Октябрьской революции принять календарь коммунистической эры. Подобно деятелям Французской революции, авторы писем о реформе календаря не останавливались на определении новой точки отсчета, они хотели подыскать новые названия дней и месяцев, дабы наполнить их новым смыслом. Один из участников «всенародного обсуждения» Программы партии писал: «Зачем нам нужно называть “июль” в честь Юлия Цезаря? Не лучше ли назвать месяцы в честь выдающихся марксистов? Или выдающихся побед в строительстве коммунизма?»² Это позволяет говорить о том, что коммунизм для части населения был некой иной реальностью, которая должна иметь как можно меньше общего с прежним образом жизни.

Вместе с тем в советской действительности было множество нелицеприятных моментов, постоянные столкновения с которыми в повседневной жизни мешали процессу сливания с коммунистической «утопией». Об этих проблемах активно писал «Крокодил», но любой советский человек и без журнала знал, что недостатков в советском обществе еще предостаточно. Простые люди на себе ощущали, особенно после кризисных явлений первой половины 1960-х гг., невыполнимость поставленных задач. Данный факт можно проиллюстрировать письмами в редакцию журнала «Коммунист»: «Как можно требовать от советских людей какой-то социалистической идеологии, когда социализм не дал реального обеспечения для развития человеческой личности. <...> Возьмем не вашу государственную статистику, а возьмем реальную жизнь советских людей в массе. Возьмем “конкретную экономику” советских людей, возьмем в массе советскую интеллигенцию: инженеров, врачей, учителей и т. д. Ведь это сплошная нищета»³. В другом анонимном письме писалось,

¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 306. Л. 1.

² Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 14.

³ Цит. по: Пыжиков А. В. Указ. соч. С. 100.

«часто по радио болтают, что у нас подходят к коммунизму, да подохнем до коммунизма. У Вас, конечно, коммунизм, ну а у нас голодизм и дороговизм»¹. Подобный скептицизм бытовал не только среди обычных людей, но и среди партийно-государственных деятелей. Так, А. Т. Твардовский записал от публики в санатории «Барвиха» такие воспоминания: «Живут люди под одной крышей, здороваются, встречаются в столовой, в кино, на прогулках – люди больные и здоровые, но люди не рядовые, руководящие, видные партийные. И никогда не произносят слова “коммунизм” иначе, чем в шутку, – по поводу бесплатного бритья в парикмахерской и т. п.»².

Параллельное существование двух отношений к обещанному коммунистическому обществу, порожденных столкновением коммунистического идеала с действительностью, будило у его носителя стремление поскорее переделать ее³. «Минусы» советской действительности самим своим существованием призывали к собственному уничтожению и к созданию общества без недостатков, а «плюсы» подтверждали верность выбранного курса, который уже сейчас начинал давать позитивный результат. И то и другое могло стимулировать население на активное участие в решении поставленных Программой задач.

Ю. В. Аксютин провел интересное социологическое исследование, в ходе которого попытался выяснить отношение населения СССР к хрущевскому периоду и, в частности, к коммунистическому проекту. Два опроса проходили в 1998 и 1999 гг. На вопрос «Как Вы вообще тогда относились к идее создания общества всеобщего равенства и благоденствия?» получены следующие ответы (см. табл. 4).

Таблица 4⁴

Ответы на вопрос «Как Вы вообще тогда относились к идее создания общества всеобщего равенства и благоденствия?»

Ответ	1998 г.	1999 г.
Верили в коммунизм	51 %	53 %
Сомневались	5,5 %	2 %
Не верили	18,5 %	16 %
Не задумывались	2,5 %	2 %
Нет ответа	17 %	17,5 %

¹ Цит. по: Пыжиков А. В. Указ. соч. С. 101.

² Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. № 6. С. 35.

³ Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 331.

⁴ Там же. С. 333–335.

На вопрос «Верили ли Вы обещанию построить коммунизм через 20 лет, т. е. к 1980 году?» (для тех, кто положительно ответил на первый вопрос) получены следующие ответы (см. табл. 5).

Таблица 5¹

Ответы на вопрос «Верили ли Вы обещанию построить коммунизм через 20 лет, т. е. к 1980 году?»

Ответ	1998 г.	1999 г.
Верили	37 %	37 %
Сомневались	5 %	5 %
Не верили	26 %	39 %
Затруднились с ответом	1 %	2 %
Нет ответа	7,5 %	3 %

Согласно материалам опросов, число веривших в коммунизм вообще (51–53 %) в три раза превышало число не веривших (18,5–16 %), однако провозглашенные на XXII съезде КПСС сроки его построения показались достижимыми только 35–37 %. Несмотря на прошествие определенного количества лет, после сравнения данных опросов с комплексом письменных источников результаты исследования могут быть признаны достоверными, следовательно, уверенность в неизбежности прихода к коммунизму уживалась со скепсисом по отношению к заявленным срокам.

Б. А. Грушин на основании собственных исследований общественного мнения 1960-х гг. выделяет по отношению к коммунизму 5 групп населения: 1) люди, осознававшие себя активными строителями коммунизма, искренне разделявшие принципы этого движения и стремившиеся реализовать их на практике; 2) люди, осознававшие себя активными строителями коммунизма и хотя и не участвовавшие по тем или иным (преимущественно объективным) причинам в строительстве коммунизма, тем не менее активно поддерживавшие его принципы, испытывавшие к ним явный позитивный интерес; 3) люди, не ставившие под сомнение общую идею развития советского общества по направлению к коммунизму, более того, готовые активно участвовать в этом процессе, но не разделявшие принципов обсуждаемого движения, стоявшие в оппозиции (явной или скрытой) по отношению к нему, полагавшие, что у движения нет ни настоящего, ни будущего; 4) люди, участвовавшие в движении либо

¹ Там же. С. 336–339.

поддерживавшие его, однако делавшие и то и другое (в силу определенных политических, идеологических причин либо из соображений выгоды, стремления быть как все и т. д.) лишь формально, на словах, без сколько-нибудь искреннего желания строить коммунизм; 5) люди, стоявшие полностью в стороне от обсуждаемой проблематики – как правило, вовсе не верившие в победу коммунизма и, уж во всяком случае, не осознававшие себя участниками «коммунистического строительства»¹.

Когда мы говорим о населении, гражданах, обществе и т. п., приходится делать допущение индуктивного характера – распространять имеющиеся данные, зачастую не самые обширные, на всю совокупность субъектов, то есть отождествлять часть с целым обществом. По отношению к новой Программе партии можно выделить несколько групп населения, в числе которых люди с минимальной инициативой, не стремившиеся к социальной вербализации, а также значительное количество инертных людей. Не надо путать два варианта: в первом люди имели свою точку зрения, но не высказывали ее, во втором люди были совсем отстранены от партийного проекта. В результате и те и другие оставили информационную лагуну. Возможно, ее заполнение будет целью иного исследовательского проекта или она так и останется *terra incognita*.

Если давать характеристику тем, кто принимал участие в обсуждении III Программы КПСС, то стоит признать, что единого портрета создать не получится, поскольку контингент слишком разнообразен. Единственное, что их объединяет, это стремление донести до власти свою точку зрения. Выступления на различных собраниях зачастую носили формальный характер, а индивидуальные обращения в различные инстанции уже являлись формой общения непублично – а значит, более объективного.

Архивные документы редко указывают на возраст, образование, профессию и иные характеристики, даже пол порой трудно определить. Если анализировать предложения, замечания и высказывания, то можно обнаружить все основные группы советского общества. Были там обращения от женщин и мужчин, от рабочих и интеллигентов, от пенсионеров и комсомольцев и т. д.

Позитивное отношение к коммунизму в различных группах советского общества также было связано с возможностью творчески

¹ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Кн. 1: Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 252.

переработать образы официального дискурса, этим могли заниматься не только писатели и публицисты, но и любой советский человек. Практически каждый мог найти в глобальном коммунизме свой отдельный кусочек «светлого будущего». Для бюрократов коммунизм являлся дополнительным оправданием для расправ с непослушными гражданами, стремившимися ускользнуть от экономического (теневики, тунеядцы) и идеологического (некоторые представители интеллигенции, стилиаги) контроля. Для поэтов-шестидесятников он выступал альтернативой будничному быту, господству рутины и был своего рода щитом в их своеобразной оппозиции новому классу¹. П. Вайль и А. Генис добавляют к этому: художники-модернисты усмотрели в параграфах Программы разрешение свободы творчества. Академисты и консерваторы – отвержение антигуманистических тенденций в искусстве. Молодые прозаики взяли на вооружение пристальное внимание к духовному миру человека. Любителям рок-н-ролла открывались государственные границы. Перед приверженцами «Камаринской» – бездны патриотизма. Руководители нового типа находили простор инициативе. «Сталинские» директора – призывы к усилению дисциплины. Аграрии-западники разглядели зарю прогрессивного землепользования. Колхозные консерваторы – дальнейшее обобществление земли². Все вышеизложенное позволяет не только разделить отношение населения СССР к коммунизму на позитивное и скептическое, но и предположить наличие большего разнообразия вариантов в рецепции официального дискурса.

Определенную роль в процессе «уверования» в коммунизм могла сыграть потребность человека в некоем идеале, мечте, надежде на лучшее, которую можно было противопоставить действительности, как отметила Г. Н. Щербакова: «В хорошую жизнь в будущем верили, а как она будет называться – коммунизм или нет – для нас было не важно»³. В существовании множества разноплановых образов коммунизма можно видеть одно из объяснений стремления власти придать импульсу строительства коммунизма единообразие и унификацию, о чем писалось выше.

К тому же вера в «коммунистическое завтра», о которой люди заявляли как в 1960-е, так и в 1990-е гг. (что было выявлено в ходе социологического исследования), еще не определяла внутреннего со-

¹ Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 332.

² Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 14.

³ Цит. по: Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 333.

держания объекта веры. В «Крокодиле» приводилось высказывание одного человека о предстоящей жизни в коммунистическом обществе: «Вот это будет житуха! <...> Поди проверь, какие у меня способности. Кажу, что у меня их кот наплакал, и буду работать вполсилы! А по потребностям мне подай»¹. Потребительское отношение к коммунизму, с которым нещадно пытались бороться всеми возможными способами, базировалось как на психологии отдельной личности, так и на мифологизации коммунистических перспектив. Процесс мифологизации начался еще в первые годы советской власти и заложил основы для дальнейшего восприятия официальных постулатов. В результате преобразования идеологием ленинизма в крестьянском сознании складывался псевдорелигиозный тип миропонимания, в котором образы будущего выступали в языковых значениях традиционно христианской и марксистской терминологии. Марксистская терминология осваивалась в традиционно христианских смыслах. Образовывался ряд, в котором «социализм», «коммунизм» и «рай» оказывались тождествами. Тема «Коммунизм – рай земной», «Царство Божие на земле» была одним из часто употребляемых в прямом, а также метафорическом и неявном виде комплексов-индикаторов, зафиксированных в письмах крестьян². Сравнивая содержание писем крестьян 1920-х гг. и корреспонденцию, полученную в результате всенародного обсуждения проекта Программы партии, можно обнаружить множество совпадений. Так, изучая построения «народного теоретика» В. А. Вавилина, Н. Е. Шаповалова приходит к выводу, что даже при самом поверхностном прочтении в образах «светлого будущего» и путях его достижения обнаруживаются идеи, близкие тем характеристикам коммунизма, которые сформулированы в III Программе КПСС. Смысловая близость столь разных документов, по мнению исследователя, объясняется отнюдь не глубоким предвидением крестьянского теоретика, а содержанием и формой «утопического» проектирования, что подтверждается массовыми представлениями о мировой революции и ее результатах как продуктах мифологического сознания³.

¹ Шатров С. Указ. соч. С. 2.

² Шаповалова Н. Е. Коммунистическая перспектива в представлениях крестьян Европейской части России (1921–1927 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Армавир, 2001. С. 62, 65.

³ Там же. С. 80–81.

Официальный дискурс, отмечая элементы коммунистического общества в настоящем, ставил своей задачей закрепление и обоснование существующего положения дел. Население апелляцией к «светлому будущему» пыталось оказать давление на властные структуры для изменения ситуации и получения дополнительных благ. Расплывчатость определений в трудах классиков и партийных документах позволяла интерпретировать определенные цитаты в нужном русле. Поскольку опровергнуть классиков было невозможно, власти приходилось включаться в игру.

§ 2. Варианты рецепции идеи коммунизма советским населением

Несмотря на то что в построение коммунизма к 1980-му г. верили не все граждане СССР, это не мешало им желать совершить как можно более быстрый рывок в «светлое будущее». Даже если совсем не верить в возможность завершения коммунистического строительства, то стремиться к коммунистическому изобилию можно. По словам Т. П. Кищенко, в 1960-х гг. «вера в лучшую жизнь вовсе не означала веру в коммунизм»¹. Понятный обычному человеку «потребительский коммунизм» был, как показывают письма и активная борьба с ним со стороны официального дискурса, одним из самых распространенных вариантов «светлого будущего». Выше отмечалось, что для населения самым популярным и распространенным был момент, выраженный в лозунге, в сознании большей части людей связанном с коммунизмом, – «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Поэтому Ю. М. Тихомиров своим письмом пытался закрепить в Программе партии следующее определение: коммунизм – это общество, где человек «волен работать или не работать вовсе»². Стремление к распределению по потребностям порождало у некоторых граждан нетерпение, особенно это можно обнаружить в письмах людей пожилого возраста, которые говорили, что они, к сожалению, не смогут дожить до коммунизма и поэтому хотели уже во время своей жизни посмотреть на жизнь в будущем и насладиться коммунистическим изобилием. Так, группа участников Гражданской войны и революционного подполья на основании своих былых заслуг перед Родиной предлагала предусмотреть в Программе

¹ Цит. по: Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 334.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 84.

льготы для себя: «бесплатное жилье, бесплатный проезд на всех видах городского транспорта, лечение в санаториях»¹. Некто Н. Князев писал: «Очень хорошо, что молодежь будет жить при коммунизме. Но людям старым, участникам революции, следует тоже дать это почувствовать – надо сейчас установить единую для всех пенсию по старости, освободить от платы за воду, свет, баню, кино и за проезд по городу»². Некоторые люди предлагали уже в 1960-х гг. перейти к бесплатному снабжению населения товарами первой необходимости – дешевым хлебом, спичками, солью и т. д.³

Официальный дискурс о коммунизме требовал от населения напряжения усилий и некоторых лишений, которые окупятся в будущем, а «потребительский коммунизм», наоборот, настаивал на том, что с построением социализма основные трудности в развитии уже преодолены и можно пользоваться плодами своего или чужого труда. Н. А. Чальян предлагал: «По мере достижения изобилия того или иного продукта переходить к его бесплатному распределению по потребностям»⁴. К тому же после опубликования проекта и его принятия XXII съездом КПСС по сути начинался обратный отсчет времени до наступления коммунизма, а значит, с каждым днем и часом коммунизм становился все ближе и ближе.

Необходимо подчеркнуть, что причина существования «потребительского коммунизма» заключается в его крайней доступности и понятности. Нормальный человек извлекал из текста Программы партии моменты, которые были ему близки и понятны. Современники отмечали, что для населения Советского Союза самыми впечатляющими положениями Программы партии были отнюдь не самые важные с точки зрения авторов. Все говорили о том, что будет бесплатный транспорт, бесплатные коммунальные услуги, бесплатные заводские столовые, а не о дальнейшем развитии принципов социалистической демократии. Данный факт объясняется тем, что Программу партии читали как художественный текст, в котором конкретные и вычтенные детали брали на себя функцию пересказа⁵.

Тот факт, что советское население хотело знать свое будущее, и знать его как можно точнее, демонстрируют многие письма. Комсо-

¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 161.

² РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 75. Л. 4.

³ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 310. Л. 257.

⁴ Там же. Д. 302. Л. 10.

⁵ Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 16–17.

молец А. Игошин еще в 1926 г. обращался к И. В. Сталину с просьбой, чтобы тот написал ему, как лучше понять и представить себе коммунистическое общество. В письме был обозначен мотив обращения к И. В. Сталину: «Вы дадите нам оружие, которое поможет разогнать всю муть и увидеть во всей наготе коммунистическое общество, которое идет или нет?»¹ В 1960-х гг. поступали аналогичные просьбы: уже не в ответном письме, а в тексте Программы партии предлагали дать более детальное описание коммунистического общественного устройства и общежития². Помимо общей конкретизации коммунистического общества целиком, поступало значительное количество писем с просьбой уточнить частные вопросы коммунистического образа жизни. Следовательно, можно выявить еще одну бинарную оппозицию в рецепции образа коммунизма. Нечеткость официального дискурса подвигала часть людей на творческую активность, дабы своими силами более четко очертить «светлое будущее» и создать на базе официального свой собственный образ коммунизма. По этому поводу комиссия, занимавшаяся обобщением поступивших писем, сделала следующее заключение: «Авторы некоторых писем на многих страницах формулируют свои, отличные от содержащихся в проекте, теоретические положения и предлагают даже целые разделы проекта Программы в собственных редакциях. Предлагаемые ими формулировки в большинстве случаев идут вразрез с основами марксистско-ленинского учения и свидетельствуют о недостаточной теоретической подготовке их авторов»³.

Другая часть населения была вынуждена находиться в рамках расплывчатого образа коммунизма и обращением к власти пыталась обозначить будущее, которое определяло поведение в настоящем. Неопределенность с коммунизмом и его трактовкой населением была частично порождена официальным дискурсом и его противоречивостью. В письме В. Е. Виноградова описывается случай, произошедший в парторганизации г. Измаила, когда там обсуждался проект Программы партии и Устав КПСС. Один из коммунистов внес в проекты несколько незначительных поправок. Другой коммунист заклеил эти поправки как «вражеский наскок на линию партии, как бухаринщину». В ответ коммунист, вносивший поправки, назвал «врагом коммунизма» того «бдительного» товарища. В обо-

¹ Цит. по: Шаповалова Е. Н. Указ. соч. С. 75.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. С. 2.

³ Там же. Д. 298. Л. 24.

их случаях оппоненты ссылались на Устав КПСС, только на разные пункты. В заключение автор письма задается вопросом: «Вот и разберись, – кто враг коммунизма, а кто – друг»¹. Трудность восприятия официального образа побуждала некоторых людей обращаться с предложением более понятно изложить основные идеи Программы партии. Так, например, предлагали для большей наглядности, лучшего восприятия и доступности снять кинофильм в 4-х сериях «Программа КПСС»². Вносилось предложение ввести курс научного коммунизма в высших учебных заведениях³. Другие граждане, отмечая, что текст Программы партии рассчитан на сравнительно подготовленного читателя, считали абсолютно необходимым издать краткое популярное изложение проекта Программы партии для самого широкого круга читателей⁴, а Н. Н. Рипов предлагал выпустить коммунистические «молитвенники» и «евангелие» – популярные всеобъемлющие политобразовательные учебники для коммунистов и изучать их «как таблицу умножения»⁵.

Правда, существовала группа людей, в первую очередь представители различных интеллектуальных профессий – экономисты, историки, обществоведы и т. д., которые являлись носителями довольно редкого варианта «народного коммунизма». Этот вариант можно обозначить как «теоретический коммунизм», очень близкий официальному дискурсу. Носителей «теоретического коммунизма» интересовали сугубо общие вопросы. Собственно, носителями такого варианта, в силу своего двойственного положения, были и сами разработчики Программы партии, что обусловлено в значительной степени их профессиональной деятельностью. Сторонние от разработки Программы носители «теоретического коммунизма» выделяются из «официального коммунизма» именно в силу своей прямой непричастности к официальному дискурсу, хотя говорили они на языке официального дискурса. Например, они размышляли о нескольких фазах коммунизма, о чем официальный дискурс только намекал. Они писали, что нужно дополнить теорию научного коммунизма новой, третьей фазой коммунизма, где будет завершено коммунистическое

¹ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 73. Л. 97.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 22.

³ Там же. Д. 300. Л. 198.

⁴ Там же. Д. 303. Л. 53.

⁵ Там же. Д. 300. Л. 79.

строительство¹, а в Программе партии нельзя ограничиваться установлением двадцатилетнего срока, а нужно предусмотреть построение полного коммунизма².

Возвращаясь к анализу «потребительского» варианта образа коммунизма, необходимо отметить, что имеющиеся источники позволяют провести разделение «светлого будущего» еще на два варианта: индивидуальный и общественный «потребительский коммунизм». В первом случае главными признавались личные потребности одного конкретного человека – автора послания. В сводке поступивших писем группа, в которой выделяется индивидуалистический вариант, охарактеризована следующим образом: «Имеются письма, появление которых обусловлено, видимо, личной неустроенностью, бытовыми трудностями, носящие по существу характер жалоб»³. Зачастую личное неблагополучие авторов писем и их жалобы на свое положение в посланиях связывалось с коммунизмом. Примером может служить письмо О. Д. Гордова, где он, жалуясь на отсутствие в своем районе бани и прачечной, пишет: «Очевидно, через 20 лет, т. е. при коммунизме, люди вообще не будут мыться, если нас уже сейчас лишили этого элементарного гигиенического удобства»⁴. Таким образом, человек, обращаясь к официальным властям, апеллировал к коммунистическому будущему как к некому идеалу общественного устройства, для того чтобы изменить свое настоящее. Помимо вполне обоснованных просьб по улучшению жилищных, продуктовых и других бытовых условий, попадаются весьма курьезные послания, демонстрирующие крайнюю степень «индивидуалистического потребительского коммунизма». Некоторые трудящиеся интересовались, будут ли при коммунизме бани и нельзя ли в 1960-х гг. уже ввести бесплатное пользование ими⁵. Н. Я. Прилепов из Риги в своем письме обращал внимание на необходимость по мере продвижения к коммунизму усовершенствовать сбор сырья с населения, поскольку в 1960-х «с населения принимаются только утильсырье, макулатура, металл и бутылки исправные, отечественные. Отечественные я назы-

¹ Там же. Д. 302. Л. 88.

² Там же. Д. 320. Л. 2.

³ Там же. Д. 298. Л. 24.

⁴ Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 211. С. 40.

⁵ Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 300. Л. 32.

ваю потому, что другие бутылки из братских стран не принимаются, а их очень много у нас»¹.

«Общественный потребительский коммунизм» заключался в получении благ не только конкретным индивидуумом, но и всем обществом в целом. Н. И. Шершов предлагал в течение 5 лет обеспечить гражданам Советского Союза и приезжающим в Советский Союз выдачу хлеба стоимостью до 17 к. за 1 кг бесплатно². А Б. Л. Кербер прямо указывает, что он представляет себе коммунистическое общество не как общественную формацию, в условиях которой можно будет кушать все, что хочешь, и в неограниченных количествах. Это, на его взгляд, наименее значимая сторона, «но вот возможность быстро связаться по телефону в любое время суток как по служебным, так и по личным вопросам – это одно из очень важных обстоятельств»³. Собственно, такой вариант «потребительского коммунизма» в значительной степени пересекался с официальным образом и образами в редакции ряда медиаторов, о которых речь шла во второй главе. Предполагалось, что свойственное всей коммунистической формации противоречие между постоянно растущими потребностями членов общества и достигнутым в каждый данный момент уровнем производства должно было составить могучий стимул развития общества по пути прогресса⁴. Естественно, что для нормального взаимодействия официального и народного образов коммунизма «общественный потребительский» вариант не должен был выходить за определенные границы.

Наличие в трактовке коммунистических перспектив населением индивидуалистическо-потребительского варианта мешало достижению коммунизма не только согласно официальному дискурсу. Сами советские граждане указывали, что такое мировоззрение не позволит выполнить поставленные Программой партии задачи, а тем более в установленные сроки. Студент А. С. Вершинин в письме выражал сомнение в том, что «наше поколение будет жить при коммунизме, считал это невероятным, так как еще слишком низкий уровень сознания и общей культуры населения»⁵. Ю. В. Аксютин приводит следующие высказывания советских людей: «С нашими людьми строить комму-

¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 300. Л. 73.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 179. Л. 42.

⁴ Там же. Д. 219. Л. 6–7.

⁵ Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 303. Л. 14.

низм нельзя»; «С такими людьми коммунизм не построить»; «Коммунизм – это когда народ сознательный, бескорыстный, патриот своей родины»; «Ни фига мы не построим, все пропьем»; «С нашим народом нельзя коммунизм построить, надо перевоспитать сначала»¹.

Задача создания «нового человека» как неперемное условие перехода к коммунистическому обществу присутствовала и в официальном дискурсе, и в народных представлениях. Уже отмечалось, что такой «новый человек» должен нести в себе черты героя. В советском пантеоне героев можно выделить две большие группы. К первой относятся герои «трансцендентального» типа, которых можно было увидеть только на фотографии в газете или в передаче по телевизору. Эти герои, в основном, занимались расширением границ, будь это в космосе, науке или технике. Помимо них, присутствовали герои повседневной жизни, которые своим образом жизни и на своем небольшом участке строили коммунизм. Герой – воплощение «нового человека», своеобразный посланец будущего, перенесенный во имя спасения народа в настоящее, где он должен показать путь в будущее. Он обладает двойственностью – выведен «из народа», является плотью от плоти его, а с другой стороны, является индивидуальностью, тем эталоном человека и жизни, к которому может и должна приближаться народная масса². Такими носителями прогрессивного образа жизни, призванного открыть дверь в «светлое будущее», в народном представлении должны были выступать даже не передовики производства и герои труда, а члены КПСС.

Человек, вступивший в партию, воспринимался как приобщенный к некоему «тайному братству», куда допускались только «избранные». Принятие в ряды коммунистов, как своеобразная инициация, должно было окончательно очистить человека от всего негативно-го, и своим сознанием он уже должен был находиться в коммунизме. В немалой степени именно Коммунистическая партия всячески подчеркивала и распространяла такую точку зрения. В очередной раз продемонстрируем, что некоторые элементы «народных коммунизмов» имели свои аналогии еще в 1920-е гг. XX в. Вот какие строчки можно обнаружить в письме И. А. Выдрина в «Крестьянскую газету» от 5 мая 1928 г.: «Тот должен быть коммунистом, кто служит и работает исключительно для коммунистического хозяйства, он не должен иметь ни дома, ни одежды, ни сундука [сундука] своего,

¹ Цит. по: Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 336–337.

² Шаповалова Н. Е. Указ. соч. С. 165.

а только должен удовлетворяться общим <...> пищей и одеждой»¹. Через 40 лет в ходе всенародного обсуждения проекта Программы партии ряд товарищей высказывал мысль, что коммунисты должны отказаться «в пользу государства от своих прав на имеющееся у них ценное движимое и недвижимое имущество, как-то: дома, дачи, автомобили»². Поступало множество писем, в которых выражалось желание учредить нагрудный значок члена КПСС, поскольку такой значок должен был, по мнению авторов, способствовать повышению ответственности члена партии всюду, где бы он ни находился – на работе, в быту³. Коммунист в народном сознании не должен быть обременен бытовыми заботами, которые могли отвлечь его от строительства коммунизма. Подобно некоторым монашеским орденам, коммунисты должны были принять своеобразный «обет бедности», противостоя, таким образом, самой сути индивидуалистического варианта «потребительского коммунизма».

Особое место, наряду с коммунистами, занимали комсомольцы, в представлении 1960-х гг. более близкие к «новому человеку», чем коммунисты. Комсомольцы как будущие коммунисты якобы уже прониклись основополагающими идеями марксизма-ленинизма и, как молодое поколение, выросшее в новых общественных условиях, были свободны от многих предрассудков прошлого. Своим личным поведением они должны были показывать пример соблюдения норм коммунистического общежития, особенно в строительстве нового быта. «Именно здесь велика роль молодежи, которая заново воспринимает бытовые черты, свободна от старых бытовых предрассудков. Комсомол должен возглавить борьбу молодежи за коммунистический быт»⁴.

Демонстрация возможности существования элементов коммунистического общества в сознании определенной части населения должно было способствовать воплощению коммунистических перспектив в действительность. Коммунисты, отказавшиеся от своих имущественных прав, должны были демонстрировать возможность и преимущества общественного удовлетворения потребностей. Уже отмечалось, что с опубликованием проекта Программы партии начался обратный отсчет времени и часть населения хотела уже в

¹ Цит. по: Там же. С. 70.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 19.

³ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 74. Л. 62.

⁴ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.

1960-е гг. частично воплотить коммунизм. Причем частичное воплощение подразумевало как постепенное внедрение коммунистического принципа распределения, о чем писалось выше, так и его географическую локализованность: коммунизм в Советском Союзе предполагалось создавать первоначально не повсеместно, а в отдельных местах. В письмах имеются предложения приступить к строительству образцово-показательных предприятий и организовать широкое распространение их опыта¹, а также «начать в виде эксперимента создание баз, районов и коллективов, где будут иметь место коммунистические отношения людей в производстве и в быту <...> образовать на территории СССР опытные районы коммунизма с участием всех рас и всех классов нашей планеты, обеспечив эти районы всем необходимым»². И. Романов при определенных условиях брался «возглавить, построить и сформировать производственный коллектив тысяч на пять рабочих с коммунистическим укладом общественной жизни на базе одной из новостроек»³.

Более четкое выражение идеи наглядного, но территориально ограниченного коммунистического образа жизни можно обнаружить в двух письмах. Тов. Заброта предлагал: «В течение ближайших пяти лет, т. е. с 1962 по 1966 год, построить в различных местах на территории союзных республик СССР – в каждой ССР по одному, – по типовым проектам, характеризующим национальные особенности архитектуры республики, пятнадцать образцово-показательных городов-коммун. Люди, работающие в этих городах, отбираются проверочной комиссией ЦК КПСС. С 1968 года все остальные граждане СССР, а также туристы из-за границы могут знакомиться с условиями и порядками в этих городах-коммунах»⁴. Е. И. Тимошенко обратился в редакцию «Комсомольской правды» со следующим соображением: «Где-нибудь в Сибири, на берегу Лены или Енисея, построить коммунистический город-лабораторию по всем правилам коммунизма, во всем отличающийся от современных городов. В этом городе, по-моему, должны жить только люди, которые по своим моральным и душевным качествам вполне соответствуют требованиям этих правил и принципов. Нельзя допускать в этот город пьяниц и хулиганов, с тем, чтобы там их воспитывать. В основном жителями этого города

¹ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 81. Л. 114.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 86.

³ Там же. Д. 298. Л. 146.

⁴ Там же. Л. 142.

должна быть молодежь, чтобы как можно резче отделиться от всего старого, к сожалению еще имеющегося в жизни нашего социалистического общества. А такие коммунистические люди, новые люди, у нас уже есть. Вот и собрать их в один город, а потом все будут туда ездить, смотреть на их жизнь и загораться желанием жить так»¹. В приведенных отрывках из писем явно проступают черты классической утопии наподобие «Города Солнца». Оба варианта народной утопии преследовали дидактические цели, описывая воплощенный в жизнь коммунистический уклад, они наглядно демонстрировали, насколько лучше будет жить в будущем.

В значительной степени построение коммунизма воспринималось в непосредственной связи с развитием производственно-бытовых коммун. В редакцию журнала «Коммунист» поступали письма о том, что «коммунистическое общество в высшей фазе своего развития будет состоять из производственно-бытовых коммун. Коммуны являются основным звеном коммунистического общества, организации, посредством которого будет практически осуществлен коммунистический принцип “от каждого по способностям, каждому по потребностям”»². Е. А. Лиокумович в своей работе отмечает, что «коммунизм представлялся как жизнь в условиях всеобщего благоденствия, изобилия в братском единстве и без государственной власти. Это была утопия возврата к общине, что и было верным пониманием слова “коммуна”»³.

Идею обобществления имущества и использования коммун как трамплина для прыжка в «светлое будущее» можно обнаружить не только в 1960-е гг., но и в первые годы советской власти, и даже в более ранний период в практике «утопических социалистов», а также в сильной общинной традиции, характерной для народного сознания. Иногда стремление к равенству и стиранию всяческих различий приобретало на практике комические формы. Так, Ф. Панферов, посетивший в 1920-е гг. коммуну «Пролетарская воля» недалеко от Пятигорска, вспоминает, как захотел расспросить одну из коммунарок:

– Как ее фамилия? – спрашиваю председателя.

¹ Цит. по: Струков Э. В. Человек коммунистического общества. М., 1961. С. 49–50.

² РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 81. Л. 79.

³ Лиокумович Е. А. Указ. соч. С. 51.

– Фамилия? А у нас же частные фамилии ликвидированы. Единая у всех фамилия. Эта доярка Анна Пролетволя. Тут вон, на углу, Тихон Пролетволя. Я Николай Пролетволя. Так-то!¹

Создание изолированных от повседневной советской действительности поселений, обеспеченных всем необходимым, своеобразных анклавов справедливой жизни и всеобщего равенства, должно было предотвратить возможность морального падения кандидатов на роль «нового человека», одновременно, подобно линзе, фокусируя их стремления в одну точку.

Одно из главных положений в идее коммуны – справедливость, основанная на полном равенстве. Призывы к возрождению коммун, в которых отсутствует имущественное расслоение, и обращения к коммунистам отказаться в пользу общества от своего имущества, что тоже можно расценивать как некий вариант коммуны в масштабах целой страны, реализуют стремление населения к равенству и социальной справедливости.

Стремление к равенству и справедливости было обусловлено несоответствием образов, которые транслировала официальная власть, с образами, возникающими на основе восприятия населением окружающей обстановки. Например, С. Рудик, не обнаружив в проекте Программы партии прямого указания на отмену паспортной системы, спрашивал: «Неужели в коммунизм наши дети придут с паспортами и милицейскими прописками? Паспортная система, ограничивающая для советского гражданина право свободного выбора места жительства, никак не вяжется с тем новым отношением к труду, которое будет у человека в период коммунизма»². Нетерпение в ожидании обещанного «земного рая» не могло примириться с неустроенностью и бытовыми проблемами. Стремление к равенству как основе справедливого устройства общества, по материалам источников, в значительной степени основывалось на восприятии частью населения советской социальной системы как иерархической, где коммунисты и руководители занимают место на вершине. Многие противопоставляли простых тружеников руководству из числа коммунистов, паразитирующему на пролетариате, наживающему себе нечестным путем излишки благ, в то время как основная масса советских граждан зачастую испытывала дефицит основных продуктов. Б. И. Дунаевский предлагал выработать научно-обоснованные нормы,

¹ Панферов Ф. Что такое коммунизм // Октябрь. 1960. № 1. С. 106.

² РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 72. С. 23.

определяющие допустимый предел личной собственности, закрепить его специальным решением ЦК, ввести ответственность за превышение коммунистами этих норм, отменить закрытое распределение, которое дает преимущества как раз наиболее обеспеченным категориям трудящихся¹. С. И. Мажников выражает ту же мысль, отмечая существование в СССР некой «новой эксплуатации»². До этого бытовала народная расшифровка аббревиатуры ВКП(б) – всеобщее крепостное право (большевиков). В свете этого можно понять авторов писем, предлагающих переименовать КПСС в ЛКПСС (Ленинская Коммунистическая партия Советского Союза)³, что подтверждает следующее предположение: образ В. И. Ленина неразрывно связывался с коммунистическим строительством и одновременно мог противопоставляться сталинской эпохе.

Призывы к созданию коммун и обобществлению имущества жидились не только на восприятии коммунистов как «новых людей», для которых имущество уже неважно, но и на негативном отношении к разрыву в положении между различными группами населения при постоянном постулировании идей бесклассового общества без привилегированных слоев, где преимущества даются только за личные заслуги. Если некоторые авторы писем предлагали коммунистам добровольно отказаться от своего имущества, то другие настаивали на изъятии⁴. Наибольшее раздражение у населения вызывало такое имущество, которое в Советском Союзе воспринималось как особая роскошь: автомобили, дачи, частные дома, гаражи и т. п. В адрес различных организаций поступило более 100 предложений с идеями изъятия имущества. К. В. Белкин в своем послании указывал, что в проекте Программы «мало сказано о непомерной личной собственности, которая как палка в колесе коммунизма. Дачники, “садоводы”, владельцы автомашин подобны паразитам на здоровом теле строителей коммунизма. Они удлиняют путь к нему»⁵. Некоторые авторы развивали данную мысль, дополняя ее не только предложением одномоментного изъятия, но и запретом на дальнейшую продажу автомобилей, и изданием закона, запрещающего иметь собственные дома

¹ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 174. Л. 46.

² Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 50.

³ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 74. Л. 62.

⁴ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 36.

⁵ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 72. Л. 37.

и сдавать жилье внаем¹. Особое неприятие вызывали люди, которые получали нетрудовые доходы от сдачи своих домов на юге в курортный сезон, поскольку они одновременно были и частновладельцами, и спекулянтами. Получение доходов нетрудовым путем отдельными гражданами, в то время как остальные прикладывали значительные усилия не только для строительства коммунизма, но и для собственного благополучия, также вызывало недовольство. Поэтому население жаждало справедливости и в финансовом вопросе. Поступали предложения проверить источники доходов всех вкладчиков в сберегательных кассах и «деньги, нажитые нечестным путем, передать государству для использования на строительство коммунизма»², а в будущем постепенно заменить наличные деньги «именными лимитными книжками»³.

Всех тех, кого на своих страницах высмеивал «Крокодил», простой человек видел в жизни. И неприятие к людям, имеющим благосостояние, выливалось, в соответствии с коммунистическими идеями уравниательства, в ожидание экспроприации в духе первых лет советской власти. Многие трудящиеся спрашивали, почему бы не ограничить уровень зарплаты высокооплачиваемых работников и за этот счет повысить ее у низкооплачиваемых⁴. Все то богатство, которое производило народное хозяйство СССР, должно было оседать где-то, если оно не доходило до обычного человека. С. К. Игнатюк в своем письме выразил данную мысль следующим образом: «Одни уже сейчас имеют по потребностям и им не страшны 20 лет, а другие должны терпеть недостатки»⁵. Г. Наканов писал, что руководители «утрачивают вкус к борьбе за счастье народа, за коммунизм. Если бы они были такими же простоватыми и наивными, как Галушка из “Калиновой рощи” Корнейчука, то они сказали бы, наверное: “Какой вам еще коммунизм нужен, мы и так уже в коммунизме”»⁶. Значит, те, кто пользуется этими богатствами, своим стремлением к излишкам и роскоши мешают осуществлению Программы партии. И если просто изъять все несправедливо нажитое имущество и распределить его

¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 26.

² Там же. Л. 176.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Д. 299. Л. 111.

⁵ Там же. Д. 302. Л. 150.

⁶ Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 172. Л. 37.

среди остального населения, согласно логике общины или коммуны, это будет практически коммунизм.

Подобная позиция советских граждан может быть рассмотрена как аналогия действиям жителей Англии XVIII в., описанным в работе Э. Томпсона. Он указывает, что народные восстания, возникающие из-за повышения цен или нехватки продовольствия, протекали в рамках народных представлений о законности или незаконности чего-либо. Общее согласие относительно этих представлений было основано на традиционном понимании социальных норм, а также на представлениях о хозяйственных функциях, долге и особых обязанностях некоторых членов общества. Сумма этих представлений и составляла то, что автор называет «моральной экономией бедноты» (*moral economy of the poor*). Грубые нарушения этих основных моральных понятий вызывали волнения столь же часто, сколь и действительная нужда. И главной целью бунтов было восстановление строгого соблюдения норм этой «моральной экономии»¹.

Все, что не устраивало советского человека в его жизни, автоматически не соответствовало коммунистическому идеалу, а значит, мешало его достижению, и в период «развернутого строительства коммунизма» должно быть изжито, причем как можно скорее. Кроме того, резкое неприятие многих людей, чей социальный протест под воздействием проекта Программы партии выражался в апелляции к коммунистическому будущему как идеалу справедливости, вызывало игнорирование частью населения одного из принципов «Кодекса строителя коммунизма»: «Кто не работает, тот не ест». При этом под трудом подразумевался физический труд, и поэтому работники умственного труда, особенно бюрократы и руководители, воспринимались как лодыри и нахлебники. Недовольные этим авторы предлагали ввести порядок, при котором каждый руководящий работник должен был отработать один месяц в году в качестве рабочего². Или вообще ввести обязательный труд для всех трудоспособных граждан, в том числе для женщин, поскольку крайне нетерпимым считался тот факт, что многие женщины, являясь женами состоятельных людей и имея дипломы об образовании, не работают³. Если официальный дискурс выстраивал коммунистические перспективы, исходя

¹ Оболенская С. В. Философия практики, революция и история. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_725.htm

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 48.

³ Там же. Д. 302. Л. 10.

из постепенного сближения умственного и физического труда посредством облегчения физического и подъема его до умственного, то народная «коммунистическая справедливость» воспринимала официальный лозунг как руководство к действию и ожидала скорейшего вовлечения всех людей в трудовой процесс. Наиболее радикальное воплощение стремления к борьбе с тунеядцами можно обнаружить в письме К. К. Лавренко, который призывал упразднить такой «рассадник тунеядства», как 3 группа инвалидности¹.

В контексте народного стремления привлечь к физическому труду как можно большее количество населения и, в первую очередь, восстановить справедливость, заставив работать тех, кто уклоняется от физического труда, выявляется отдельная тема, одновременно связанная с национальными отношениями в СССР. Некоторые авторы в этом контексте поднимали еврейский вопрос. В. Сыроваткин писал: «Евреи являются в СССР привилегированной нацией, т. к. они занимаются только умственным или легким трудом и не работают в шахтах, у станков, на тракторе и т. д., поэтому дружба с ними невозможна»². Показательно, что в сознании автора евреи выделяются из категории советских граждан, с которыми либо можно дружить, либо нельзя, это подчеркивает инородность евреев в рамках Советского Союза. Поэтому нет ничего удивительного в том, что дальше Сыроваткин предлагает или выселить всех евреев в Израиль, или собрать их в автономной области.

Отметим, что представители еврейской диаспоры, апеллируя к провозглашаемому в СССР интернационализму, жаловались на разнообразные проявления антисемитизма на улицах, в трамваях, в квартирах, в учреждениях и т. д., с которыми необходимо было, по их мнению, вести непримиримую борьбу³. Тем самым коммунистические перспективы для двух точек зрения по еврейскому вопросу отчасти являлись средством самозащиты и отстаивания своих интересов.

Вопрос об антисемитизме, в силу исторического опыта, был наиболее ярко выражен, но находился в одном ряду с проблемой нации в коммунистическом будущем. Официальный дискурс в данном вопросе пытался соединить две тенденции. С одной стороны, по мере развития общественных отношений на коммунистических началах

¹ Там же. Д. 299. Л. 230.

² Там же. Д. 301. Л. 26.

³ Там же. Л. 25.

должно было происходить стирание всяческих различий, что привело бы к сближению различных наций на основе коммунистической культуры. С другой стороны, прямое постулирование курса на унификацию наций могло быть воспринято как проявление русского шовинизма и покушение на самобытность наций. В условиях существования разнообразных национальных ССР это могло привести к возникновению противоречий и разобщенности, что, в свою очередь, мешало бы выполнению задач коммунистического строительства, для которого необходимо было сплочение всего населения СССР. Поэтому официальная точка зрения пыталась отразить оба варианта или вообще говорила о невозможности предсказать развитие национальных отношений в коммунистическом обществе.

Народные представления в этом вопросе были более конкретны, для многих людей предсказание судьбы нации в будущем и даже настоящем не составляло труда. Некоторые развивали идею о том, что русский язык можно сделать государственным и он может заменить все остальные языки СССР, а переход на один язык для всех народов ускорит построение коммунизма¹. Другие прямо предлагали указать в тексте Программы конечную цель решения национального вопроса, т. е. перспективу полного слияния наций при коммунизме². Третья группа авторов, напротив, всячески настаивала на сохранении национальных культур. В коллективном письме из Киева предлагалось ввести обязательное изучение родного языка (украинского) и в течение двух-трех лет перевести на украинский преподавание всех дисциплин в высших и средних специальных учебных учреждениях³. В. И. Ухалов и О. Ж. Кушкабаев призывали вести борьбу против насильственной ассимиляции малых народов, проявление которой они видели в том, что многие представители различных национальностей считают своим родным языком русский⁴. Для некоторых коммунистическая свобода и самоорганизация распространялись и на национальные отношения, соединяясь с рядом национальных проблем, и порождали высказывания о том, что определение национальности по биологическим признакам является пережитком и необходимо разрешить советским людям самим решать вопрос о национальной

¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 301. Л. 7.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 8.

принадлежности¹. Текущая ситуация транслировалась на будущее устройство и одновременно соотносилась с идеализированным образом коммунистического общежития.

Возвращаясь к восприятию населением труда как неотъемлемой составляющей строительства коммунизма, надо отметить, что тунелю частью населения в сознании людей противостоял трудовой энтузиазм. Выше говорилось о героическом ореоле «передовиков производства», наиболее ярко проявившемся в движении «бригад коммунистического труда». Даже благодаря искусственному стимулированию роста этих бригад, они составляли ничтожную часть от общего числа людей, занятых в производстве, и служили лишь показательным примером для всех остальных. Несмотря на широкую пропаганду данного почина, трудность с его восприятием возникала не только у Н. С. Хрущева, но и участников этого движения², что было зачастую связано с формализацией движения и его неразработанностью. Но говорить о полной неэффективности данного пропагандистского шага не совсем корректно, поскольку определенная часть жителей усваивала транслируемые идеи. Предлагали указать в Программе партии необходимость постепенного привития населению навыков бесплатного труда на пользу общества³. С. Мамедов в своем письме в редакцию «Правды» писал, что в Программе партии необходимо дать определение понятия коммунистического труда и указать, что образец нового отношения к труду являют ударники и коллективы коммунистического труда⁴. Подобная точка зрения находится в рамках официального дискурса, и проблематично выявить, насколько глубоко проникла идея в сознание автора. Возможно, данное письмо является просто ритуальным заверением автора в верности партийному курсу. Гораздо интереснее для целей данного исследования предложения, которые отличаются от комплекса идей, порожденных официальным дискурсом.

Согласно III Программе КПСС, постепенное развитие науки и техники приведет к совершенствованию орудий труда, автоматизации производства, что позволит существенно сократить рабочий день примерно до 3–4 часов. Та часть населения, которая являлась носителем «потребительского» коммунизма, положительно отнеслась к

¹ Там же. Л. 10.

² Грушин Б. А. Указ. соч. С. 255.

³ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 200.

этому тезису, но «энтузиасты» предложили альтернативный вариант. Они намеревались сократить сроки построения основ коммунизма в СССР путем более производительного и целеустремленного труда и решительной борьбы против всего, что мешает строительству коммунизма¹. В письмах можно найти предложения не проводить дальнейшего сокращения рабочего дня. П. М. Буровцев прямо писал: «Не сокращать рабочий день в нашей стране до тех пор, пока не будет создана материально-техническая база коммунизма»². Труд в течение 7-го, и даже 8-го, часа работы предполагалось использовать для расширения производства материальных благ и укрепления обороноспособности страны или сэкономленные на этом средства направить на поднятие зарплаты низкооплачиваемым категориям работников и на пособия многодетным семьям. Возникла даже идея ввести «час коммунистического труда», дополнительный час рабочего времени, который не будет оплачиваться, а созданные за этот час средства должны были бы передаваться в распоряжение государства³. Подобные идеи свидетельствуют о стремлении распространить практику бесплатного труда, примером которого могли выступать «коммунистические субботники», которые изначально и задумывались как своеобразная школа коммунистического труда и средство помощи в развитии народного хозяйства. Повседневным выражением коммунистических принципов труда, заключенных в практике «коммунистических субботников», как уже отмечалось, на рубеже 1950–1960-х гг. стали «бригады коммунистического труда».

Иногда идея дополнительного рабочего времени соединялась с «потребительским» вариантом коммунизма, порождая еще одну позицию, противостоящую официальным перспективам. С. М. Антропов в своем письме отмечал, что он никогда не слышал от рабочих жалоб на длительный рабочий день. Жалобы, в основном, были связаны с отсутствием и дороговизной продуктов питания и товаров народного потребления. Поэтому, по его мнению, было бы разумно за счет 7-го или 8-го часа работы обеспечить население необходимыми товарами⁴. О. Г. Торосян предпочел бы работать не по 8 часов за 69 р. в месяц, а по 12–14 часов и не видеть своих детей в нужде⁵.

¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 43.

² РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 72. Л. 5.

³ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 9–10.

⁴ Там же. Л. 139.

⁵ Там же.

Разница между двумя позициями заключается в том, для кого эти дополнительные блага будут создаваться. «Энтузиасты» готовы были работать ради всего общества, испытывая трудности и лишения ради скорейшего завершения строительства основ коммунизма, где уже не будет глобальных проблем. «Потребители» хотели немедленной отдачи от своего труда, причем отдачи весьма конкретной, не в виде роста производства станков или стали на душу населения, а такой, которую можно ощутить своими руками и желудком.

«Коммунистическое нетерпение», бытовавшее среди части населения, выражалось не только в стремлении уже в настоящее ввести элементы коммунистической жизни, но и, как уже отмечалось, «героическим» трудом и беспощадной борьбой с негативными пережитками прошлого досрочно «ступить в светлое здание коммунизма». 20-летний срок многим казался слишком долгим. С энтузиазмом, желанием работать и верой в «светлое будущее», имея Программу партии, можно было сократить срок построения коммунизма на 5–10 лет. А. И. Миссавров предлагал записать в тексте III Программы КПСС, что ликвидация частной собственности и замена ее общенародной осуществится за 5 лет, но «советский народ идет вперед, не задерживаясь на достигнутом, и бесспорно построит коммунистическое общество за 10 лет (1961–1970)»¹. «Товарищ Сирадзе» был более осторожен в своих прогнозах, говоря о сроке в 15 лет, зато отмечал, как это можно сделать. Средства для этого можно было найти за счет сокращения непроизводственных расходов на производстве: он предлагал организовать более эффективный учет и отчетность, реорганизовав партийный и государственный аппарат, иначе, по его мнению, «коммунизм для нас превратится снова в мечту»².

Вопрос труда был связан с пенсионным обеспечением. Конец 1950-х гг. ознаменовался пенсионной реформой, которая сократила возраст и срок трудового стажа, необходимого для получения государственной пенсии. Но население вошло во вкус и ждало, что с принятием Программы партии этот процесс продолжится и в недалеком будущем произойдет еще одна пенсионная реформа, а письмо в газету с выходом на коммунистическую тематику должно этому только способствовать. Значимость для населения пенсионного вопроса демонстрирует тот факт, что с 21 августа по 26 октября 1961 г. группа, занимающаяся обработкой корреспонденции, получила 971 пред-

¹ Там же. Л. 86.

² Там же.

ложение, касающееся вопросов социального обеспечения. Из них 97 было связано со снижением возраста для назначения пенсии по старости, 72 – с необходимостью снизить пенсионный возраст для женщин, и в 55 предлагалось выплачивать пенсию не по достижении определенного возраста, а по трудовому стажу¹. Н. И. Милов в науко-кратическом духе предлагал выплачивать пенсию по старости, исходя не из возраста, а по «физиологической изношенности организма, которая свойственна старикам»². Пенсионный вопрос в очередной раз представляет пример, как «потребительское» мировосприятие населения пытается встроиться в элементы официального дискурса и в качестве поля для диалога использует апелляцию к коммунизму. Коммунистические перспективы в этом случае выступают своеобразной ширмой, которая призвана скрыть от обоих участников процесса мотивацию сторон. Население скрывало свой «постыдный» индивидуализм в отношениях с властью, а власть – стоявшее за красивыми обещаниями желание мобилизовать население.

Рассмотрение вопроса о пенсионном обеспечении показывает, что из общей массы корреспонденции выделяется значительный блок писем по половому признаку, что позволяет говорить об особом, женском варианте коммунистических перспектив. Как отмечает Б. А. Грушин, огромной популярностью пользовалась тогда, в частности, идея женского равноправия; она активно поддерживалась не только женской частью опрошенных, но и мужчинами, особенно молодыми, причем в среде молодых женщин нередко приобретала отчетливые черты тех представлений, которые позже оформились в стране в виде тех или иных концепций феминизма³.

Выделение «женского коммунизма» из общих вариантов не означает, что общие образы являются «мужским коммунизмом». Скорее, их можно обозначить как «андрогинный коммунизм», поскольку в них не выделяется гендерная принадлежность тех, кто его строит, такой коммунизм распространяется на всех, кто при нем будет жить. Существование «мужского коммунизма», возможно, обнаруживается в восприятии «героических» профессий. Мужской вариант коммунизма на рубеже 1950–1960-х гг. оказывается менее выраженным, чем женский. В значительной мере это обусловлено наличием ряда чисто женских проблем, решение которых связывалось с коммуни-

¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 299. Л. 269.

² Там же. Л. 222.

³ Грушин Б. А. Указ. соч. С. 333.

стическим строительством. Официальный дискурс связывал бытовые проблемы с интересами женщин, женское население с этим было согласно.

В первую очередь, женщин не устраивало их двойственное положение: с одной стороны, они должны быть работницами народного хозяйства, а с другой – играть традиционные роли: готовить, стирать, рожать детей. Женский идеал хрущевского десятилетия – трудящаяся женщина, общественная деятельница, которая ведет здоровый образ жизни, не имеет вредных привычек, занимается спортом, при этом ведет домашнее хозяйство, воспитывает настоящих коммунистов. Все, что не соответствовало этому образу, подвергалось критике¹. Поэтому во множестве писем отмечалась необходимость введения особого рабочего режима для женщин, при этом авторами многих подобных писем были не женщины, а мужчины. В. Тарасов в письме в «Известия» утверждал, что в Программе должен быть специальный раздел о семье, о положении женщин в ней, об улучшении их быта². Возможно, причиной такой заботы со стороны противоположного пола было не стремление к освобождению женщины и созданию семьи нового типа, а наоборот, попытка возвратиться к традиционной семье, где женщина занимается исключительно домашним трудом. Государство, несмотря на провозглашение курса заботы о женщине, не торопилось делать конкретные шаги, ведь женщины составляли около половины всех рабочих и служащих в народном хозяйстве. Перевод их на особый рабочий режим создал бы непреодолимые трудности в общей организации труда и производства³. Чего же, собственно, ждали советские женщины от коммунизма? Р. Зубкова и Л. Крутьева предлагали дополнить моральный кодекс указанием на справедливое распределение в семье домашнего труда⁴. Конечно, не все женщины активно требовали перемен, вероятно, для многих никакого «женского коммунизма» и не было, но индивидуальные и коллективные письма позволяют говорить о некоем комплексе ожида-

¹ Антонова М. Сатира как инструмент дисциплины тела в эпоху хрущевских реформ: формирование идентичности советской женщины в 1950–1960-е годы (по материалам журнала «Крокодил», «Работница», «Здоровье») // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 311.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 3.

³ Там же. Д. 299. Л. 116–117.

⁴ Там же. Д. 298. Л. 6.

ний, который допустимо анализировать в рамках исследовательской конструкции «женского коммунизма».

Комплекс писем в различные издания, и в первую очередь в журнал «Работница», демонстрирует наиболее распространенные меры, которые, по мысли авторов писем, должны были быть осуществлены в период «развернутого строительства коммунизма», а следовательно, являлись неотъемлемой частью коммунизма. Предполагалось, что зарплата должна устанавливаться в зависимости от состава семьи или к зарплате необходимо делать прибавку в 10 % за каждого ребенка. Ожидалось, что в первом десятилетии или даже с 1962 г. всех детей матерей-одиночек и детей из многодетных семей, а также женщин, не имеющих в связи с многодетностью возможности трудиться на предприятиях и в учреждениях, возьмут на полное государственное обеспечение. Выражалась надежда, что государство в ближайшее время предоставит возможность бесплатного содержания детей в дошкольных учреждениях и в школах-интернатах и обеспечит детей в школах бесплатным питанием, одеждой и школьными принадлежностями¹, оплатит бюллетени по уходу за детьми за все время болезни ребенка, ликвидирует ночные смены для женщин, продлит декретный отпуск после родов². Видно, что «женский коммунизм», в отличие от официального, в первую очередь ориентировался не на кухонно-коммунальную сферу, а на воспроизводство населения.

Особой темой в «женском коммунизме» звучал мотив, исходивший из уст отдельной женской группы – одиноких матерей. Примечательно, что наиболее распространенным предложением этой группы было устранение самого выражения «одинокая мать». Видимо, выделение их в отдельную «ущербную» группу, в то время как в сознание внедрялись идеи всеобщего равенства, создавало негативный фон как с позиций традиционной морали, так и с точки зрения укрепления социалистической семьи. В желании табуировать термин проявляется мифологическое сознание, когда отсутствие слова приравнивалось к отсутствию явления: если вычеркнуть из языка номинативную единицу «одинокая мать», то данное явление исчезнет и из действительности. Помимо таких ритуальных действий, одинокие матери пытались улучшить свое положение и более прагматическими мерами. Предлагали, во-первых, установить одинаковую материальную и моральную ответственность для обоих родителей за

¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 146.

² РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 81. Л. 185.

воспитание детей независимо от того, зарегистрированы или не зарегистрированы отец и мать; во-вторых, снять прочерк в графе об отце в свидетельстве о рождении детей от незарегистрированных браков¹. Все эти предложения обосновывались не интересами одиноких матерей, а исключительно интересами детей.

«Женский коммунизм» зачастую ставил интересы детей выше остальных. Так, в ряде писем предлагалось исключить из текста Программы партии положение о бесплатном транспорте и бесплатных коммунальных услугах, о бесплатных обедах и санаториях, вместо чего «категорически записать о расширении сети детских яслей, садов, пионерских лагерей, бесплатном школьном образовании, с выдачей детям завтраков, одежды, учебников»². Такая позиция демонстрирует не только наличие «женского» или «материнского коммунизма», но и фрагментацию в сознании части населения образа коммунизма, предлагаемого официальным дискурсом. «Официальный коммунизм», как детский конструктор, состоял из набора элементов, которые в случае необходимости можно было менять местами, выстраивая из них свой собственный образ коммунизма.

«Материнский коммунизм» являлся частью «женского коммунизма», но не поглощал его полностью. Развитие социальной сферы помимо прямых своих обязанностей должно было выполнять и функцию освобождения женщины, что и официальным дискурсом и частью населения воспринималось как важная черта коммунистического общества. Подобный подход наиболее ярко проявляется в развернутом письме работницы челябинского детсада № 10 Бердюгиной. На нескольких страницах она описывает свои представления о положении женщины в будущем. Для нее становится очевидным, что «облегчение жизненного пути женщины производится не предоставлением ей легкого труда, не вытеснением ее из сложнейших технических и научных учреждений, а предоставлением хороших бытовых условий»³. В ее представлении основной ячейкой будущего общежития будет дом, который превратится в почти автономное учреждение, где будут удовлетворяться основные потребности. Дома гостиничного типа должны были существенно сократить непроизводственные расходы. Через 20 лет, по ее мнению, трудящиеся будут работать самое небольшое количество времени, а все остальное время

¹ Там же. Л. 185.

² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 165.

³ Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 180. Л. 25.

будут проводить в доме, отлучаясь максимум на 2–3 часа для занятий или культурных мероприятий. Поэтому дом должен стать основой жизни. В доме должна присутствовать столовая и должен находиться врач, это было необходимо для того, чтобы определить и контролировать правильное питание, которое является основой жизнедеятельности человека и позволяет продлить человеческую жизнь. Наличие детских комнат при доме обеспечивает возможность отлучаться из дома в любое время суток. К тому же воспитание детей под контролем всей общественности, под непосредственным наблюдением родителей должно было дать «нового человека» с лучшими качествами. Слишком энергичных детей, которых проблематично будет воспитывать совместно со спокойными детьми, по мнению автора, лучше отправлять в специальные учебные заведения, подобные суворовским училищам, это позволит направить энергию детей в положительное русло и отвлечет ребенка, а затем и взрослого человека от пагубных поступков и преступлений. Наличие в домах детских учреждений должно было позволить сократить расходы, поскольку, например, вместо трех кухонь (в яслях, детсадах, в столовых) будет одна общая домовая. К тому же отказ от индивидуального обслуживания и переход на общественное удовлетворение бытовых потребностей позволит закрыть предприятия, выпускающие бытовые приборы, и использовать идущие на их интересы ресурсы более продуктивно. Автоматизация быта должна способствовать исчезновению таких профессий, как уборщица, посудомойка и т. п., вследствие чего женщина займет равное положение с мужчиной, не станет тратить время на подобный непроизводительный труд. «Сколько умных женских голов, ловких умелых женских рук займется производительным трудом! Вот и получается, что для женщины нет прекраснее жизненного пути, чем путь борьбы за мир, за социализм, за коммунизм во всем мире!»¹

В данном послании обнаруживаются ритуальные призывы и формулировки, следы образа коммунизма, транслируемого официальным дискурсом. Но это еще не означает, что все вышеизложенное является притворством. Помимо идей из арсенала «официального коммунизма», Бердюгина высказывает свои собственные представления о народном «женском коммунизме», которые, по ее мнению, должны были направить развитие коммунизма в верное русло.

Более радикальные идеи высказывал П. И. Гребнюк, который призывал не только к коллективному пользованию продуктами тру-

¹ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 180. Л. 25.

да и коллективному воспитанию детей, но и к ликвидации способа жительства отдельными квартирами и устранению разделения людей на семьи, поскольку семья в его понимании была источником частнособственнического воспитания¹.

Необходимо отметить, что подобным «прогрессивным» взглядам имелся противовес в народной среде, порожденный «традиционным» восприятием семьи. Вот что, например, пишет А. Сотеева, рассуждая о недостатках системы школы-интерната: «Если мы будем держать курс на неограниченное развитие сети детских учреждений, то это приведет к разложению семьи и к снижению морального уровня молодежи, из сознания которой выпадает чувство ответственности за воспитание своих детей. А примеров сейчас таких много. Надобность в школах-интернатах должна сократиться по мере роста благосостояния и культурно-морального облика наших людей»². В форме школ-интернатов предстает «новый быт», который, по мысли А. Сотеевой, негативно влияет на семейные отношения. Но для Бердюгиной, наоборот, «новый быт» выступает спасителем семьи. Причиной таких разногласий является то, что Бердюгина думала уже о семье коммунистического общества, а Сотеева пыталась сохранить традиционные семейные отношения.

Так, вероятно, исходя из высказываний В. И. Ленина о «пролетарской любви», некоторые граждане предполагали, что в обществе, где полностью отпадут материальные расчеты при вступлении в брак и его основой станет только взаимная любовь и уважение, брак станет добровольным и прочным союзом, не нуждающимся в юридических рамках. В условиях коммунистического общества должна отпасть необходимость в государственной регистрации браков и в судебных процедурах при разводе³.

Взаимосвязь семейных и жилищных вопросов видна в приведенных выше посланиях: авторы отмечали, что в зависимости от жилищных условий будущего семья коммунистического общества может измениться или остаться прежней по сравнению с семьей социалистической. К тому же жилищный вопрос официальной властью признавался как наиболее острый, поскольку он, затрагивая большинство жителей Советского Союза, не мог не входить в комплекс вопросов коммунистического строительства. Первоочередность и

¹ Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 87.

² РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 74. Л. 82–83.

³ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 29. Л. 38.

острота жилищной проблемы очень явно проступает в письмах населения. Коммуно-уравнительное восприятие коммунистических идей, которое упоминалось выше, побуждало население предлагать радикальные варианты решения жилищной проблемы, в духе первых лет советской власти. Так, В. К. Папинский вопрошал редакцию журнала «Коммунист», нельзя ли решить квартирный вопрос революционным путем, изъяв у «кого следует» излишнюю жилплощадь¹. Другие авторы призывали муниципализировать весь жилищный фонд, закрепив за владельцами необходимую и достаточную для их семьи жилую площадь, а все дачные постройки планировалось передать предприятиям и учреждениям для организации домов отдыха и пансионатов². Поступало множество предложений увеличить объемы жилищного строительства за счет перенесения сроков строительства административных зданий, спортивных сооружений, различных дворцов и других сооружений не первоочередной необходимости. Для изыскания дополнительных ресурсов на жилищное строительство предлагалось повременить с переходом на сокращенный рабочий день, а также с переходом на бесплатное пользование жилищем и коммунальными услугами³.

Провозглашение определенного срока воплощения коммунистических принципов, причем весьма близкого, порождало реакцию нетерпения. Люди в вопросе жилищного фонда, как и в некоторых других вопросах, желали приобщиться к коммунистическим принципам как можно скорее. При этом личные потребности в восприятии коммунизма зачастую стояли выше общественных. Для многих коммунизм больше ассоциировался с отдельной квартирой, чем с общественными зданиями.

Еще один вопрос, который вызвал большой отклик со стороны населения и демонстрировал прагматичность в рецепции населением идей коммунизма, связан с другой «мечтой» советского человека – автомобилем. Выше отмечалось, что личный автотранспорт вызывал глубокое раздражение у части граждан, поскольку коммуна, как общественная ячейка, некий символ и идеал, не предполагала расслоения, а личный автомобиль разделял людей на тех, кто его имеет, и тех, у кого его нет. Особенно сильное возмущение вызывало приобретение машины на нетрудовые доходы, так как человек, нарушая

¹ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 211. С. 94.

² Там же. Д. 174. Л. 15.

³ Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 167.

моральные принципы, а зачастую и уголовный кодекс, оказывался обладателем благ, которых законопослушный «строитель коммунизма» был лишен. В этом плане показательна кинолента Э. Рязанова «Берегись автомобиля» (1966), где юмористически показаны приключения «народного мстителя» Юрия Деточкина, который подобно Робин Гуду отбирал у «богатых» и отдавал «бедным», экспроприацией восстанавливая справедливость. Призывы населения к проведению экспроприации излишнего имущества, в том числе и личного автотранспорта, в общей массе звучали довольно громко. М. Портной в своих предложениях по борьбе с пережитками предлагал прекратить продажу частным лицам легковых автомобилей, а имеющийся легковой автопарк частного владения передать прокатным базам для обеспечения, в первую очередь, членов автотоклубов¹.

В письмах можно выделить два варианта решения транспортной проблемы. Первый вариант предполагал сохранение легкового транспорта с его дальнейшим обобществлением, что позволит каждому желающему бесплатно воспользоваться технической базой пунктов общественного проката. Но более распространенный вариант был связан с развитием сети общественного транспорта, который должен был полностью удовлетворить все потребности населения, связанные с передвижением. Людям виделось, что уже в 1960-х гг. можно обеспечить общество хорошим бесплатным транспортом, не увеличивая расходы общества. Предполагалось, что для этого нужно было ликвидировать право собственности на автомобили, сократить (оставив в ничтожном количестве) такси, ликвидировать на всех предприятиях и учреждениях легковой транспорт. Высвобожденные средства следовало направить на строительство и эксплуатацию высокопроизводительного общественного транспорта².

В одном аспекте «женский коммунизм», коммунизм «энтузиастов» и «официальный коммунизм» имели общую точку соприкосновения. Имеются в виду идеи, связанные с задачей воспитания «нового человека», поисками эффективных способов формирования коммунистического мировоззрения у подрастающего и других будущих поколений, которые, как представлялось, были изначально свободны от негативного наследия прошлого.

Средние и высшие учебные заведения в период «развернутого строительства коммунизма» должны были не только давать обу-

¹ Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 174. Л. 15.

² Там же. Л. 4.

чающимся знания, умения, навыки, но и формировать всесторонне развитых людей коммунизма. Некоторые люди считали, что путь к такому воспитанию найден: основой новых форм и методов обучения в учебных заведениях должны стать способы обучения космонавтов. Подготовка космонавтов могла послужить основой обучения молодежи коммунистического общества¹. О восприятии космонавтов как «пришельцев из будущего» писалось выше, а значит, нет ничего удивительного в представлении людей о том, что если можно обучить нескольких людей «коммунистического завтра», то, расширив охват, можно поставить производство «новых людей» на поток.

С. Я. Гриднев и А. А. Платунов в качестве обоснования своего предложения внести в текст Программы партии отдельный раздел о создании «нового человека» предоставили объемное письмо, которое, по их мнению, должно было лечь в основу этого раздела. В их понимании создание «нового человека», в первую очередь, связано с физической составляющей. За моральный дух должен был отвечать «моральный кодекс», но его необходимо дополнить «кодексом физических способностей», поскольку здоровый дух должен иметь здоровое, совершенное тело. Собственно, речь шла о путях создания у человека способностей, позволяющих мобилизоваться для успешной деятельности и не допускающих преждевременной утомляемости. Кроме того, необходимо было найти пути как преодоления податливости организма заболеваниям, так и усиления успешности борьбы с ними².

«Моральный кодекс» воспринимался как основополагающий, имеющий силу закона документ новой морали «нового человека». Например, «товарищ Фасхеев» предлагал написать моральный кодекс золотыми буквами и вывесить во всех общественных местах³. Хотя некоторые граждане считали, что моральный кодекс являлся одним из самых слабых мест Программы и не выдерживал сравнения с библейскими заповедями⁴. Но значительная часть авторов писем, направляя свои послания с предложениями, касающимися морального кодекса, должны были предполагать, что определенное значение этот документ имел. Те идеи, которые население предлагало официальному дискурсу, позволяют установить, во-первых, какие черты в моральном облике «официального строителя коммунизма» не

¹ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 172. Л. 100.

² Там же. Д. 170. Л. 179–181.

³ Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 303. Л. 15.

⁴ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 73. Л. 92.

устраивали население. Во-вторых, чем население желало дополнить мораль «нового человека», а значит, какие черты должны были присутствовать или отсутствовать у современного человека, чтобы он мог жить в построенном им коммунистическом обществе. Одним из самых распространенных предложений было добавить в кодекс, помимо непримиримости к несправедливости, тунеядству, карьеризму, еще и непримиримость к алкоголизму¹.

Вообще проблема алкоголизма в народном сознании стояла очень остро. Пьянство воспринималось как большое социальное зло, без искоренения которого нельзя построить коммунизм. Поэтому некоторые люди призывали к некоему варианту «сухого закона», дабы в течение первого десятилетия «эпохи развернутого строительства коммунизма» прекратить оборот спиртных напитков свыше 20 градусов². Причем борьбу с алкоголизмом предполагалось начинать еще в школе, где на помощь учителю в воспитании «народной трезвости» должен был прийти врач³. Данные свидетельства подтверждают злободневность проблемы трезвости и алкоголизма на рубеже 1950–1960-х гг.

Были предложения внести в кодекс указания на справедливое распределение в семье домашнего труда⁴, которое должно было дополнить и конкретизировать официальное определение о взаимном уважении в семье. Другие авторы предлагали дополнить моральный кодекс положениями об обязательной помощи коллеге по работе и моральной ответственности коллектива за организацию товарищеской взаимопомощи, о неустанном повышении идейно-политического, технического и общеобразовательного уровня, о готовности в любое время встать на защиту Родины и отдать этому делу все силы, а если понадобится и жизнь, быть активным атеистом⁵. Наличие подобных предложений демонстрирует, что комплекс медиаторов, которые работали в контексте Программы партии, взаимодействовал с населением, транслируя определенные постулаты. Наличие альтернативных предложений показывает, что эти постулаты подвергались переосмыслению и у населения существовала собственная система ценностей, не совпадавшая с официальной.

¹ Там же. Л. 23.

² Там же. Л. 38.

³ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 22.

⁴ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 298. Л. 6.

⁵ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 181, 192, 201, 221.

§ 3. «Скептический» дискурс населения о коммунизме

Не совпадали с официальной коммунистической идеей и представления тех 18–20 % людей, которые не верили в саму возможность построения коммунизма. Можно выделить два сценария «скептического коммунизма». Носителями первого варианта были люди, скептически настроенные не по отношению к коммунизму как теоретическому конструкту, а к возможности его реального воплощения. «Товарищ Добжинский» указывал, что до коммунизма было еще далеко, и в качестве некоей альтернативы предлагал развивать дальше индивидуальное садоводство, строить личные дачи. Л. М. Безукладников предлагал не торопиться с переходом к коммунизму: «Сейчас говорить о строительстве коммунизма еще рано. В ближайшие 10 лет надо обеспечить полное осуществление основного принципа социализма, после чего можно будет приступить к строительству коммунистического общества»¹.

Второй вариант скептического сценария Программная группа охарактеризовала так: «Встречаются письма демагогического, злопыхательского, клеветнического, антипартийного характера. Характер этих писем требует, чтобы о них были информированы местные партийные органы»². В них под сомнение ставилась сама идея коммунистического общества, а это, в свою очередь, означало покушение не только на «генеральную линию партии», но и на остальные элементы марксистской доктрины. Естественно, письма, отражающие сценарий скептического отношения к коммунизму, публично обсуждались крайне редко, поскольку не многие граждане Советского Союза решились высказать антипартийные мысли вслух, опасаясь ответной реакции со стороны власти. Следовательно, выражение скептического и негативного отношения к официальному дискурсу не стоит искать в письмах «во власть».

Гораздо больше сведений об этом варианте рецепции коммунизма можно найти в народном творчестве, и в первую очередь в анекдоте. Энциклопедия постмодернизма дает следующее определение: «Анекдот – наиболее витальный жанр городского устного народного творчества, представляющий собой мини-новеллу юмористического характера. При внешней непритязательности анекдот выполняет целый ряд важных функций: коммуникативную; психотерапевтическую (анекдот позволяет в юмористической форме говорить об Ужасном,

¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 88.

² Там же. Д. 298. Л. 24.

т. е. болезненно переводить из сферы “подсознательного” в сферу сознательного представления, которые способны наносить субъекту серьезные психические травмы); социально высвобождающую (в анекдотах традиционно вполне могут быть задействованы табуированные или, по крайней мере, небезопасные в других жанрах и сферах общения темы). Наконец, одной из важнейших функций анекдота является игровая: семантическая структура значительного корпуса анекдотов предполагает обыгрывание лексической, референционной, синтаксической или иллокутивной неоднозначности»¹, «всемирная отзывчивость» анекдота на события повседневной жизни делает его идеальным объектом для любых культурных интерпретаций².

Во второй главе упоминалось, что 1960-е гг. были периодом расцвета советского юмора, и на общей волне смеха развивался и жанр политического анекдота. В отличие от обычного анекдота, в котором обыгрывались семейно-бытовые ситуации или культурно-массовые штампы, политический анекдот вырастал из политической ситуации в стране. Поэтому возникновение политического анекдота, в отличие от анекдотов на темы, достаточно глубоко укоренившиеся в культуре, может быть довольно точно отнесено к конкретному времени. В контексте советской социалистической культуры анекдот выступает как альтернатива, оппозиция легитимным и властно-поддерживаемым практикам³. Политический анекдот, являющийся народной реакцией на события действительности, возникает оперативно и так же быстро исчезает из активного употребления. Любая крупная официальная акция советского правительства имела своего «двойника-пересмешника», нейтрализуя пропагандистский пафос через высмеивание⁴. Например, появление анекдота о планах Н. С. Хрущева после его отставки маловероятно. Эта особенность анекдота, в свою очередь, вызывает исследовательскую проблему, поскольку анекдоты до недавнего

¹ Задворная Е. Г. Анекдот // Постмодернизм: Энциклопедия. Минск, 2001. С. 29.

² Манкевич И. А. «Table-talk» по-русски, или Русский анекдот как феномен повседневных коммуникаций // Феномен повседневности: гуманитарные исследования. Философия. Культурология. История. Филология. Искусствоведение: Материалы междунар. науч. конф. «Пушкинские чтения – 2005». СПб., 6–7 июня 2005 г. СПб., 2005. С. 194.

³ Соколов Е. Г. (Русская) культура как феноменально-феноменологический анекдот // Анекдот как феномен культуры: Материалы круглого стола, 16 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 121.

⁴ Манкевич И. А. Указ. соч. С. 197.

времени сохранялись только в устной традиции, часть из них не дошла до наших дней или недоступна большинству исследователей.

Анекдот «К 80-му году планировали построить коммунизм, но вместо этого решили провести Олимпиаду» обыгрывает не столько программную установку построения коммунизма за 20 лет и ее провал, сколько пафос проведения Олимпиады, которая должна была продемонстрировать всему миру достижения СССР. Ради этой цели Советское государство на время проведения Олимпиады постаралось превратить Москву в некое подобие коммунистического оазиса, центром которого был олимпийский стадион. Поэтому представляется вполне обоснованным отнести комплекс анекдотов о коммунизме и личности Н. С. Хрущева к рубежу 1950–1960-х гг. и рассматривать его как продукт коллективной рецепции образа коммунизма населением Советского Союза и выражение «скептического» варианта коммунизма.

В анекдотах можно обнаружить две группы объектов для шуток. К первой относится коммунизм как таковой, а также корпус связанных с ним идей. Вторая группа состоит из конкретных примеров строительства коммунизма, здесь обыгрываются отдельные положения Программы партии или высказывания Н. С. Хрущева. Такое разделение может быть сопоставлено со «скептическим» вариантом коммунизма, который прослеживается в письмах: там тоже либо отрицается сама идея «светлого будущего», либо ставятся под сомнение его отдельные элементы.

Ярким примером, иллюстрирующим содержание скепсиса первой группы, могут служить два взаимодополняющих анекдота: «Самый короткий анекдот – коммунизм» и «Самый длинный анекдот – Программа строительства коммунизма, принятая на XXII съезде партии»¹. Построенные по одному принципу, эти анекдоты апеллируют к тому, что у части населения само слово «коммунизм» уже вызывает смех, а Программа партии, основой которой являлась постановка задачи построения коммунизма, растягивала этот анекдот на значительное количество страниц, тем самым становясь самым длинным анекдотом и нарушая один из основных принципов анекдота – краткость.

Особо популярной темой для анекдотов было саркастическое высмеивание представления о коммунизме как о «светлом будущем». Следует оговорить тот факт, что данная тема в анекдотах могла по-

¹ 1001 избранный советский политический анекдот. URL: <http://www.gramotey.com/books/311133715182.html>

явиться и позже, поскольку ритуальные призывы к строительству коммунизма звучали и после 1964 г. Несмотря на это, такие тексты будут отнесены к выражению народного скепсиса. Вот несколько примеров:

«Что такое вобла? Это кит, доплывший до коммунизма».

«Скажите, это уже коммунизм или будет еще хуже?»

«Один старый большевик другому: – Нет, дорогой, мы-то с вами до коммунизма не доживем, а дети... Детей жалко!»

«Можно ли построить коммунизм в Швеции? – Можно, но жалко».

«Можно ли построить коммунизм? – Построить-то можно, но вот выжить при нем – вряд ли».

«Можно ли построить коммунизм в Израиле? – Зачем такой маленькой стране такое большое счастье?»¹

Очевидно, что вместо официально-народного представления о коммунизме как «рае на земле» анекдоты выражают скептическое отношение к этой идее, воплощая иные коммунистические перспективы. На основе исторического опыта, переживаемой реальности и планирования будущего создавался образ коммунизма как некоего негативного общества, которое не только уступает Западу по уровню жизни населения, но и проигрывает «построенному» в Советском Союзе социализму. Данную мысль можно проиллюстрировать следующим анекдотом: «Социалист, капиталист и коммунист договорились встретиться. Социалист опоздал:

– Извините за опоздание, стоял в очереди за колбасой.

– А что такое очередь? – спросил капиталист.

– А что такое колбаса? – спросил коммунист»².

Уровень жизни, по которому народ оценивал свое счастье, зачастую выражался в «потребительском коммунизме» и особой его разновидности – «продовольственной утопии». Отметим, что именно продуктовая проблема стала первой «осечкой» в выполнении намеченных Программой партии планов. 1 июня 1962 г. произошло резкое повышение цен – от 25 до 50 % – на мясо, масло, молоко при одновременном снижении расценок на сдельную оплату в промышленности, что сейчас воспринимается как одна из самых неразумных политических акций в истории СССР³. Меньше чем через год по-

¹ Там же.

² Там же.

³ Поползунов Ю. А. Н. С. Хрушев как политический лидер: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 130.

сле провозглашения лозунга о том, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме, это поколение оказалось в ножницах растущих цен и падающих доходов. Кульминацией этого процесса стали события в Новочеркасске, совершенно не вписывающиеся в официальный дискурс, рисовавший радужные перспективы для граждан СССР.

Разрыв между официальными лозунгами о скором продуктовом изобилии и продовольственными трудностями основной массы населения СССР не мог не вызывать скепсиса по отношению к выдвигаемым властью положениям, что, в свою очередь, порождало антиутопию, выраженную в анекдотах примерно такого содержания: «Хрущев послал новый сорт колбасы на анализ за границу. Оттуда пришел ответ: “Господин Хрущев, в вашем кале глистов не обнаружено”»¹. В «продуктовых анекдотах» зачастую саркастически обрабатывались наиболее распространенные положения о полном удовлетворении человеческих потребностей в коммунистическом обществе. Приведем некоторые примеры:

1. Расцвет коммунизма. Объявление на дверях продуктового магазина: «Сегодня в масле потребности нет».

2. Один еврей другому:

– При коммунизме у меня будет свой самолет!

– Зачем тебе самолет?

– А вдруг, скажем, в Калуге муку дают. Полчаса лету – и я там!

3. Правда ли, что при коммунизме продукты можно будет заказывать по телефону? – Правда. Но выдавать их будут по телевизору.

4. Наступил коммунизм. – Алло, Манька, включай скорей свой цветной телевизор – красную икру показывают².

Народ, соединив дефицит с перестройкой питания на «новые продукты», о чем говорилось во второй главе, создал анекдот:

– Как будет выглядеть человек коммунистического будущего?

– У него будут маленькие руки, т. к. он ничего не будет делать руками – за него будут работать машины. У него будут маленькие ноги, т. к. он не будет ходить, а только ездить, плавать или летать. У него будет маленький живот, т. к. он будет питаться высококалорийными пилюлями. У него будет очень большая голова, т. к. он будет очень много думать... Думать, как достать эти пилюли³.

¹ 1001 избранный советский политический анекдот...

² Там же.

³ Там же.

Продовольственную тему вслед за анекдотами подхватывал и другой жанр фольклора – частушка, который, конечно, затрагивал и другие темы. В качестве примера приведем некоторые из них:

Мы Америку догнали
В производстве молока,
А по мясу не догнали –
Х** сломался у быка.

Вышла б замуж за Хрущева,
Да боялась одного:
Говорят, что вместо х**
Кукуруза у него.

Выходите, девки, замуж
За Ивана Кузина.
У Ивана Кузина
Большая кукурузина.

Кукуруза, ман*оха,
Вышла замуж за гороха.
Обс*ла все поля
И не родит ни х**.

Обижается народ:
Мало партия дает.
Наша партия не б*,
Чтобы каждому давать.

К коммунизму мы идем,
Птицефермы строятся,
А колхозник видит яйца,
Когда в бане моется¹.

Очевидно, что частушки хрущевского периода более экспрессивны, чем анекдоты, по части фразеологии и делают акцент на соединении сексуальной тематики и сельского хозяйства. Наиболее распространенным объектом выступала кукуруза, которая, с одной стороны, является фаллическим символом, с другой – символом хрущевских сельскохозяйственных начинаний. Этот факт может быть объяснен различием носителей данных видов фольклора. Если анекдот – это продукт, прежде всего, городской культуры, требующий определенного контекста, то частушка – произведение де-

¹ Русские озорные частушки. URL: www.thelib.ru/books/avtor_neizvesten/russkie_ozornie_chastushki-read.html

ревенского устного народного творчества¹. Деревне были близки моменты высмеивания тех явлений действительности, которые касались их непосредственно, поэтому в частушках есть саркастический образ кукурузы и нет иронии по поводу недостатка продовольствия в магазинах. К тому же деревенская культура ближе городской к глубинным пластам и табуированным темам, поэтому в частушках так широко представлена ненормативная лексика.

Через гипертрофированное представление о том, насколько будет плоха продовольственная ситуация в будущем, носители анекдотов выражали свое отношение к продовольственным трудностям в настоящем. Коммунизм выступал как кривое зеркало, в котором отражались проблемы 1960-х гг., поскольку официальный дискурс указывал, что коммунистическое общество вырастает из социалистического. В таком перевертыше находит свое подтверждение идея М. Барга о возможности одновременного существования в трех временах. В «скептическом коммунизме» три времени выступали объектами сарказма. И. А. Манкевич относит подобные анекдоты к коммуникационному режиму «управление–конфронтация». По ее мнению, «в обществе анекдот вполне может стать источником культурной дестабилизации, демонстрируя собой “ехидный акт сопротивления”»².

Близки к анекдотам о «продуктовом изобилии» при коммунизме анекдоты о распределении товаров по потребностям. Самым ярким примером может служить анекдот, который существует в нескольких редакциях, не меняющих его сути: «Американский миллионер купил ГУМ и объявил бесплатную раздачу товаров. Вскоре ГУМ и подступы к нему были завалены телами убитых и раненых. Миллионера спросили:

– Зачем вам это было нужно?

– Мне было интересно, что будет, когда вы перейдете к распределению “каждому по потребностям”»³. В этом анекдоте заложена мысль, которую можно обнаружить и в рассмотренных выше письмах, о психологии советских людей, делающей невозможным построение коммунизма.

Большая группа анекдотов построена на переосмыслении коммунистических лозунгов, в них высмеивается не столько сам коммунизм, сколько попытки трансляции его официальным дискурсом:

¹ См.: Дмитриев А. В. Социология политического юмора. М., 1998. С. 46.

² Манкевич И. А. Указ. соч. С. 200.

³ 1001 избранный советский политический анекдот...

1. Лектор говорит, что коммунизм уже на горизонте. Ему задают вопрос: «А что такое горизонт?» – «Это воображаемая линия, в которой небо сходится с землей и которая удаляется от нас, когда мы пытаемся к ней приблизиться».

2. На гранитном берегу канала – трехметровые буквы: «Да здравствует советский народ – вечный строитель коммунизма!»

3. «Одной ногой мы стоим в социализме, а другой уже шагнули в коммунизм», – говорит лектор. Старушка его спрашивает: «И долго, милоч, нам эдак раскорякой стоять?»

4. Плакат на Артиллерийской академии: «Наша цель – коммунизм!»

5. Армянское радио спрашивают: Будет ли в Армении коммунизм? Армянское радио отвечает: Нет, потому что коммунизм не за горами, а Армения – за горами.

6. Что такое электрификация всей страны? – Это коммунизм минус советская власть¹.

Определенная абсурдность, проявляющаяся в ряде лозунгов, вырванных из контекста, послужила основой для создания данных анекдотов. Анекдот здесь выступает антимедиатором, разрывая связь между населением и официальным дискурсом коммунизма, поскольку после высмеивания адекватно воспринимать пропагандистские лозунги можно было с трудом.

С анекдотами, основанными на переосмыслении коммунистических лозунгов, идейно сближаются анекдоты о приходе коммунизма.

1. Рабинович работает в Кремле – он сидит на Спасской башне и смотрит вдаль, чтобы своевременно сигнализировать о приближении коммунизма. Его пытаются переманить американцы – пусть предупреждает о приближении экономических кризисов. «Нет, – говорит Рабинович, – мне нужна постоянная работа».

2. Когда наступит коммунизм? – Об этом будет сообщено в закрытом письме ЦК.

3. Как мы узнаем, что коммунизм уже наступил? – Будет объявлено по радио и в газетах. Если у людей останутся телевизоры, сообщат и по телевидению.

4. На повестке дня колхозного партсобрания два вопроса: строительство сарая и строительство коммунизма. Ввиду отсутствия досок сразу перешли ко второму вопросу².

¹ Там же.

² Там же.

Декларативность коммунистических перспектив, несоответствие провозглашаемых успехов и трудностей жизни рядового советского человека выражались в анекдотических предположениях, что и коммунизм не будет реально построен, а всего лишь провозглашен.

Кроме того, в анекдотах активно высмеивались претензии марксизма-ленинизма и теории коммунистического строительства на научность:

1. Является ли коммунизм наукой? – Нет. Если бы он был наукой, его бы сначала попробовали на собаках.

2. Какая разница между математикой и научным коммунизмом? – В математике что-то дано и что-то требуется доказать, а в научном коммунизме все доказано и ничего не дано¹.

Обыгрыванию подвергались и отдельные наукообразные положения Программы партии, в качестве основной формы изложения здесь выбиралась вопросно-ответная форма:

1. Можно ли будет при коммунизме планировать деторождение? – Нет, если орудия производства в этой отрасли останутся в частных руках.

2. Будет ли КГБ при коммунизме? – Нет, к тому времени люди научатся самоарестовываться.

3. Будут ли при коммунизме деньги? – Югославские ревизионисты утверждают, что будут. Китайские догматики утверждают, что нет. Мы же подходим к вопросу диалектически: будут, но не у всех².

Такие диалоги свидетельствуют, во-первых, о скептическом отношении к коммунизму; во-вторых, о сложности и неясности отдельных элементов официального образа коммунизма, которые следовало разъяснять и комментировать.

Как правило, политические решения отождествляются с личностью руководителя государства, поэтому нет ничего удивительного в том, что личность Н. С. Хрущева в фольклоре соединилась с идеей коммунистического строительства. В анекдотах отражались не только неудачи «развернутого строительства коммунизма», но и личные качества Хрущева:

1. Чего не успел Хрущев в жилищном строительстве? – Не успел сделать уборную проходной, объединить унитаз с ванной и соединить пол с потолком.

¹ 1001 избранный советский политический анекдот...

² Там же.

2. Как изменил Хрущев ленинскую формулу коммунизма? – Коммунизм – это советская власть плюс кукурузизация всей страны.

3. Что будет, если треснуть молотком по лысине? – Будет все!

4. Правда ли, что за последнее время здоровье товарища Хрущева ухудшилось? – Да. Он страдает грыжей от поднятия целины, язвой желудка от кукурузы, одышкой от соревнования с Америкой и словесным поносом неизвестно от чего.

5. Что нового внес Хрущев в научный коммунизм? – Мягкий знак после «з»¹.

Последний из приведенных анекдотов представляется наиболее концептуальным, поскольку основой его являются особенности речи Н. С. Хрущева: в этом «мягком знаке» сконцентрирована вся ирония по отношению к коммунизму, который в устах его главного «строителя» превращается в «коммунизм».

Все вышеприведенные анекдоты демонстрируют, что скептический вариант коммунизма по своей сути являлся обратной стороной официального и того народного коммунизма, который был убежден в возможности построения основ в течение 20 лет. Это связано с самой природой существования скепсиса, поскольку без «положительного» варианта, служащего базисом, невозможно и функционирование «отрицательного». Если не принимать во внимание анекдоты о личности Хрущева, можно утверждать, что народное творчество создавало «контрутопии». А. В. Дмитриев писал, что анекдот в советский период в первую очередь являлся механизмом снятия стресса от чрезмерного давления идеологии, а не орудием сопротивления и борьбы с режимом, как это представляют многие исследователи, поскольку большинство не готово было идти дальше насмешек над властью, а только избавлялось от перегрузок окружавшей их действительности². Иными словами, как отмечает Т. В. Чередниченко, «здоровый смысл массового сознания реализовал себя большей частью в анекдотах (анекдот не “борется” с мифом, а лишь продолжает его за пределы утопического менталитета, по типу диалектического “снятия”)³.

Таким образом, III Программа КПСС наметила основные контуры грядущего коммунизма, не дав четких и конкретных картин будущего. Этот расплывчатый образ, преломленный в текстах, вызвал

¹ Там же.

² См.: Дмитриев А. В. Указ. соч. С. 57.

³ Чередниченко Т. В. Наш миф // *Arbor Mundi*. Мировое дерево: Международный журнал по теории и истории мировой культуры. 1992. № 1. С. 132.

у населения ответную реакцию. Многие видели в коммунизме решение собственных проблем, часто бытового характера, другие же стремились поскорее воплотить в жизнь идеал коллективного «светлого будущего». Но неопределенность и фрагментарность народных представлений позволяет говорить о том, что реконструировать образ коммунизма одного отдельного советского человека не представляется возможным. Из множества индивидуальных образов, как мозаику, можно собрать коллективное представление о коммунизме, но это будет искусственный конструкт, поскольку зачастую понимание одного и того же вопроса у разных людей расходится.

Многие же вообще скептически относились к коммунизму. Видя повседневную действительность, они расценивали заявления Программы партии как попытку скрыть слабость власти с помощью апелляции к населению. Открытое проявление скепсиса в Советском Союзе могло иметь негативные последствия, поэтому население выражало его через фольклор, в частности через анекдоты, в которых высмеиванию подвергались основные постулаты государственной идеологии. Это был своеобразный защитный механизм против избыточного давления идеологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осмысление опыта коммунистического строительства в СССР во многом зависит от идеологических предпочтений человека. Противники коммунизма ставят знак равенства между ним и Советским Союзом, тем самым перенося все минусы конкретного государства на идеологию. Сторонники левых идей зачастую стремятся очистить идею коммунизма от искажений «ленинизма-сталинизма». Многие авторы, которые обращаются к теме коммунизма, используют этот термин, не рефлексируют по поводу значения, превращая его в штамп.

Данная книга не обвинительный или оправдательный приговор коммунизму, а попытка взглянуть на явление как феномен, помещенный в контекст эпохи. Следует помнить, что коммунизм, заложенный в III Программе КПСС, был только первым шагом на длинном пути в «светлое будущее». Предполагался не одномоментный скачок в новую эпоху, подобно религиозным концепциям, предполагалось постепенное развертывание общественных институтов. Учитывая, что К. Маркс, Ф. Энгельс старательно обходили тему коммунистического устройства общества, говоря только об общих тенденциях вроде устранения эксплуатации человека человеком, сложно даже обозначить, насколько идеи классиков и концепция Программы расходились между собой.

Многие считают, что строительство коммунизма в принципе невозможно и стремление к нему является пустой тратой сил, а следовательно, если государство ставит своей целью достижение недостижимого, то оно изначально обречено на неудачу. Но если перейти от абстрактных рассуждений к анализу конкретных положений Программы, то можно понять, что в ее положениях нет ничего неосуществимого. Скорее всего, авторы Программы и руководство страны чересчур оптимистично отнеслись к тенденциям развития СССР, а изменения, которые должны были осуществиться в ходе «развернутого строительства коммунизма», планировались слишком масштабными для двадцатилетнего срока. Однако «темпоральная идеология» Советского Союза всей своей логикой указывала на необходимость подобного шага для нормального существования страны. Коммунизм как идея развития несовместим с «презентизмом», формой которого стал «развитой социализм» и «застой». «Развернутое строительство коммунизма», конечно, явля-

лось очередной попыткой догнать более развитые страны (знаменитое «догнать и перегнать» США). При этом внутри этой догоняющей мобилизации лежит стремление не только сравняться, но и вырваться вперед, установив новый путь развития общества.

Первоочередной задачей в тексте Программы партии выступало создание «материально-технической базы коммунизма», в ней соединились интересы партийные и государственные. Представлялось, что для победы коммунизма необходимо провести очередную модернизацию экономики, перестроив народное хозяйство в соответствии с передовыми тенденциями: полная электрификация, автоматизация, внедрение искусственных материалов, развитие химии и т. д. После создания экономической основы коммунизма можно было решать задачи перестройки общественных отношений, итогом которой стали бы отмирание государства, стирание различий между городом и деревней, физическим и умственным трудом, а также создание человека «коммунистического завтра». Решение этих трех больших задач, которые, в свою очередь, распадалась на более частные, по мысли авторов Программы партии, позволило бы провозгласить завершение в СССР строительства коммунизма «в основном».

Последняя часть триады и мне, и авторам Программы представляется наиболее значимой. Главной из задач была не выплавка стали или обеспечение каждой семьи телевизором, а перестройка человека. Несмотря на обилие в тексте количественных показателей, свойственных большинству советских документов, именно антропологическая, гуманитарная составляющая делает ее особой. Проблема исправления человеческой природы является одной из центральных тем со времен Древнего Востока и Античности. Существует мнение, что от «темной стороны» личности в принципе невозможно избавиться, а значит, любая затея по строительству идеального общества разобьется, столкнувшись с эгоизмом, жадностью, злобой и схожими чертами. В отношении человека проявилась двойственность советской идеологии: с одной стороны, партийно-государственный аппарат старался контролировать человека, стремясь определить его место в сложном механизме; с другой стороны, декларировалось освобождение человека от всех внешних способов принуждения. Кроме того, наличие асоциальных элементов, которые были встроены в систему, несмотря на формальное осуждение их поведения, делало затруднительной задачу создания не единичного образца коммунистического человека, а целого общества. При этом приходилось искать новые способы воздействия на население, ибо происходит трансформация режима, в ходе которой отказываются от массового организованного насилия. Создание квазикоммунистического общества через

принуждение теряет всякий смысл, отношения между властью и населением должны строиться на принципах доверия.

Важную роль в этом процессе должны были сыграть различные медиаторы, призванные обеспечить обмен информацией между «верхами» и «низами». Медиаторы – это не только СМИ, это гораздо более обширное понятие, и оно не может толковаться в тоталитарном ключе как средство контроля над массами. Принципиально важно подчеркнуть, что с помощью медиаторов общество могло влиять на власть, которая с самого установления советской власти искала средства для дополнительной легитимации себя. Сам механизм агитации и пропаганды был далек от совершенства и мало походил на машину по промывке мозгов. В силу этого мобилизовать население на коммунистическое строительство было крайне затруднительно.

Прежде всего, это было связано с неоднородностью советского общества. Несмотря на то, что в СССР не было антагонистических классов и уже почти сложилась новая национальная общность советских людей, существовало множество различных групп. Каждая из этих групп могла иметь свои интересы и собственный взгляд на положение вещей, в том числе и на коммунизм. Термин «разномыслие» кажется очень удачным для описания этого явления, поскольку позволяет избежать бинарной оппозиции «правильномыслящих» и «инакомыслящих». Многие советские граждане мыслили немного по-другому, чем призывала КПСС, но при этом они не были противниками режима. Коммунистические представления населения можно разделить на две большие группы: 1) коммунизм «энтузиастов», идеалом которых была коммуна, где были бы полностью ликвидированы всяческие различия между ее членами; 2) «потребительский» вариант коммунизма, где общество должно было обеспечить каждого идеальной «кормушкой», освободив от трудов и забот. Первая группа людей готова была вкладывать усилия в дело «строительства коммунизма», отказавшись от благ в настоящем ради приближения «победы коммунизма» и «светлого будущего». Вторая группа, напротив, считала, что элементы коммунизма необходимо вводить в повседневность как можно быстрее, дабы советские люди на себе ощутили радость жизни в коммунистическом обществе.

Значительная часть населения проявляла к задаче строительства коммунизма скептическое отношение. Одни недоверчиво относились к самой идее коммунизма (вот их можно считать «инакомыслящими»), а другие, соглашаясь в целом с идеей коммунизма, подвергали сомнению возможность его построения в СССР в установленный двадцатилетний срок.

Экономические неудачи страны, которые оборвали послевоенное поступательное развитие, не только отражались на народном хозяйстве, не позволяя продолжить прежний экономический рост и выполнить поставленные плановые задачи, но и затрагивали интересы обычных граждан. Провозглашенный Программой партии поворот к интересам человека и улучшению его жизни в действительности обернулся рядом проблем, поскольку создавал противоречие между тем, что человек «слышал», и тем, что он «видел». Такое противоречие не могло не сказаться на отношении к коммунистическим перспективам. Население начинало склоняться к скепсису, а это не могло способствовать мобилизации, которая была принципиально необходима для выполнения поставленных задач в указанные сроки.

На рубеже 1950–1960-х гг. в Советском Союзе существовал не один, а несколько образов коммунизма. Эти образы были многообразны и разнородны, что вызывало трудности их гармонизации и делало нереальным соединение их в рамках одного официального образа «светлого будущего». Помимо выявленных в рамках данного исследования разнородных образов, 1950–1960-е гг. предложили множество вариантов представлений о коммунизме, не рассмотренных или лишь упомянутых в книге. Большой исследовательский интерес представляют, в частности, те образы, которые создавались для детей, циркулировали в среде молодежи, женщин, национальных меньшинств и т. д. Таким образом, коммунистическое «разномыслие» требует дальнейшего изучения.

1950–1960-е гг. подобны айсбергу: на поверхности видна только малая часть, а в глубинах таится много неизведанного. Необходимо разорвать круг традиционных сюжетов и найти свежие темы и новые источники. На мой взгляд, современная историография, как отечественная, так и зарубежная, во многом не готова развивать исследование СССР, поскольку те схемы, которые сложились при изучении «сталинизма», оказываются неприменимы к последующим периодам. И в целом история СССР как научное направление находится в методологическом тупике. Противостояние двух главных объяснительных схем – «тоталитарной» и «ревизионистской» – выглядит уже архаично. Если использовать лексику хрущевской эпохи, необходимо «осваивать целину», дабы расширить наши представления о советской истории.

Период, который не хочется называть ни хрущевским, ни оттепелью, обладает самобытностью, которую еще только предстоит раскрыть. Пока можно говорить о единичных попытках к ней приблизиться, и я буду рад, если данная книга станет отправной точкой для других исследователей.

Спасибо, что потратили свое время и дочитали до конца.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В этой части я бы хотел познакомить читателей с несколькими текстами, которые создавались во время работы над книгой. И хотя они не попали в основной текст, они развивают ряд идей, высказанных мною в монографии.

«Смех в зале»:

комическое на партийных съездах (1950–1960-е гг.)

Отечественную историю XX в. невозможно отделить от «истории партии». Деятельность РСДРП(б)–РКП(б)–ВКП(б)–КПСС оказывала огромное воздействие как на внутреннюю ситуацию, так и на внешнюю политику страны. В советское время учебная дисциплина и академические структуры, связанные с этой темой, выполняли идеологические функции. За время господства советской власти в рамках изучения истории КПСС была проделана большая работа по сбору фактического материала, которую не стоит игнорировать. В постсоветский период «история партии» приобрела разоблачительный характер, главными темами стали преступления отдельных партийных лиц или системы в целом. В последнее время начался период активной публикации архивных материалов, посвященных партийной истории, прежде всего серии «Архивы Кремля» и «Документы советской истории» издательства РОССПЭН¹. Однако даже в новейших исследованиях по этому направлению² приоритеты по-прежнему отдаются политической истории, в то время как более новаторские ме-

¹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930–1940 гг.: в 2 кн. М., 2005; Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М., 2009; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964: в 3 т. М., 2008–2010; и др.

² Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 гг. М., 2003; Сушков А. В. Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг.: личности и власть. Екатеринбург, 2009; Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С. Подлинная история РСДРП–РКП(б)–ВКП(б): Краткий

тоды, давно опробованные в других областях исторического знания, остаются невостребованными.

Данный текст посвящен анализу функций смеха на партийных съездах, что позволит установить точки соприкосновения между «историей партии» и «историей эмоций». История эмоций – одно из самых сложных для исследователей научных направлений, поскольку предмет изучения находится одновременно в двух плоскостях. С одной стороны, эмоции есть продукт человеческой физиологии и, следовательно, должны быть отнесены к естественным наукам, с другой – эмоции имеют социально обусловленные рамки, а это переводит их в поле гуманитарных дисциплин. Как отмечает Я. Плампер, историки, в основной своей массе, не знакомятся с работами естественников из первых рук, но даже если они решатся к ним обратиться, то в силу недостатка квалификации не смогут дать им адекватную оценку¹. В данной работе внимание сосредоточено не на физиологической природе, а на социальном конструировании смеха, на том, как он выполнял функцию поддержания эмоционального режима советской власти. Стоит оговориться, что смех сам по себе является маркером эмоции, а не самой эмоцией. У. Редди предлагает использовать термин «эмотив» (emotive)².

Изучение смеха имеет длительную традицию³, уже в Античности появляются работы, посвященные этой теме. В трудах Платона, Аристотеля, Цицерона формируется первая теория, утверждающая агрессивный характер смеха и видящая основной источник удовольствия от юмора во внезапном возвышении субъекта комического над объектом. В новое и новейшее время горячими апологетами этой теории являлись Т. Гоббс, Ч. Дарвин, Ч. Грюнер, В. Пропп и др. З. Фрейд считается создателем теории облегчения, он и его последователи утверждают, что суть смеха – в удовольствии от разрядки нервной энергии и обмане внутреннего цензора. Многие философы, такие как И. Кант,

курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб., 2010; Лисин Б. К. Кадровая политика КПСС: Социологические очерки. М., 2010; и др.

¹ Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 32.

² William M. Reddy. The navigation of feeling: A framework for the history of emotions. Cambridge, 2001.

³ Подробнее см.: Бороненко А. В. Специфика юмора в ирландской литературе 30–40-х годов XX века. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012; От великого до смешного: Инструментализация смеха в российской истории XX века. Челябинск, 2013.

А. Шопенгауэр, А. Бергсон, видели в смехе результат несовпадения наших ожиданий, сформированных нашим жизненным опытом и нашими установками, с реальностью. Значительное влияние на развитие представлений о смехе и комическом оказала работа М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», идеи карнавализации, смеховой культуры, мениппеи прочно вошли в научные теории. Обобщая современное состояние исследований смеха, Л. Раппопорт выделяет несколько доминирующих направлений. Во-первых, проблемы, связанные с индивидуальной и личностной реакцией на юмор. Во-вторых, тематический диапазон и структурные особенности комических актов (главными темами выступают секс, агрессия и отношения между людьми и между группами). В-третьих, различные применения юмора в повседневной жизни, например в терапевтических целях, когда смех выступает как лекарство¹. Отдельно можно выделить ряд работ, которые затрагивают тему взаимодействия смеха и юмора с политикой². Но данные работы, прежде всего, посвящены юмору как форме сопротивления.

Изучая политический юмор в советскую эпоху, исследователи обращают внимание на фольклорные жанры – анекдот и частушку, рассматривая их как сопротивление режиму или, по крайней мере, снятие избыточного идеологического давления³. В рамках государственно-партийного использования юмора и комического наиболее изучены визуальные репрезентации как способ дискредитации и формирования образа врага⁴.

¹ Rappoport L. *Punchlines: The Case for Racial, Ethnic and Gender Humour* // Praeger Publishers. Westport, CT, USA, 2005.

² Дмитриев А. Д. Социология юмора. М., 1996; Козинцев А. Г. Смех и антиповедение в России: Национальная специфика и общечеловеческие закономерности // Смех: истоки и функции. СПб., 2002. С. 147–173; Schutz C. E. *Cryptic Humor: The Subversive Message of Political Jokes* // *Humor – International Journal of Humor Research*. Vol. 8, Iss. 1. P. 51–64; Weise R. E. *Partisan Perceptions of Political Humor* // *International Journal of Humor Research*. Vol. 9, Iss. 2. P. 199–208; Карагодина С. В. Козимо Медичи и Иван Грозный: природа смеха и природа власти // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19). С. 39–62; Bruce F. A. *Tiny Revolutions in Russia: Twentieth Century Soviet and Russian History in anecdotes*, Routledge, 2005; Hart M., Bos D. *Humour and Social Protest (International Review of Social History Supplements)*. Cambridge, 2008; и др.

³ Дмитриев А. В. Социология политического юмора. М., 1998. С. 57.

⁴ Ватлин А. Ю., Малашенко Л. Н. История ВКП(б) в портретах и карикатурах ее вождей. М., 2007; Голубева А. В. Визуальные образы войны в со-

Из всего многообразия теоретических подходов для данного исследования наибольший интерес представляет понимание смеха как социальной практики, которая выполняет функцию создания единства. Оно может быть внутренним: смех сплачивает людей, например, в акте заразительного смеха. Но единство может быть и внешним, когда участники коллективного акта смеются над тем, кто находится за пределами их сообщества. Это близко к теории агрессивного смеха, которая излагалась выше. Еще раз отметим, что смех выступает маркером эмоций, а их спектр может быть весьма обширным.

В качестве основного источника для изучения темы выступают стенограммы заседаний съездов КПСС. Наряду с заседаниями Верховного Совета СССР, партийные съезды были одними из наиболее важных публичных политических мероприятий советской эпохи. Съезд должен был консолидировать партийную линию и продемонстрировать всему миру партийное единство. Поэтому именно на съездах можно было увидеть использование социальной разновидности юмора – «смех в зале». Данная ремарка – одна из наиболее часто встречающихся в текстах стенограмм, количественно она уступает только приветственным возгласам и аплодисментам. Такая статистика показывает важность данных эпизодов в официальном дискурсе, поскольку ремарки, специально и сознательно фиксируемые в печатных изданиях, призваны были демонстрировать читателям наличие на съезде конкретных эмоций в ответ на определенные слова докладчика. Репрезентация смеха, таким образом, проходила двойной контроль: первоначально на самом съезде, а затем во время подготовки публикации. В данном тексте рассматривается письменное выражение смеха через двойную систему культурной фильтрации. В дальнейшем источниковая база может быть дополнена аудиовизуальными материалами, которые позволят наблюдать непосредственную эмоциональную реакцию.

Отметим, что смех и комическое для советского руководства всегда было нормой и привычным явлением. Смех не воспринимался как неподобающая эмоция, напротив, умение шутить и смеяться ставилось в заслугу. Первым в этом ряду, конечно же, стоит В. И. Ленин, который, возможно, и заложил основы использования смеха

ветской карикатуре межвоенного периода // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск, 2008; Токарев В. А. Польша под прицелом «часовых, вооруженных карандашом» (1939 год) // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск, 2008.

как большевистского оружия в политической борьбе. В своей статье Л. Абрамян рассматривает Ленина как трикстера¹, а связь трикстера с юмором и смехом прослеживается достаточно хорошо на материалах различных культур. Даже без таких сложных аналогий образ Ленина в сознании современников был связан со смехом. Приведем одно из самых известных высказываний по этому поводу. М. Горький в своих воспоминаниях пишет: «Никогда я не встречал человека, который умел бы так заразительно смеяться, как смеялся Владимир Ильич. Было даже странно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видит, глубоко чувствует неизбежность великих социальных трагедий, непримиримый, непоколебимый в своей ненависти к миру капитализма, может смеяться по-детски, до слез, захлебываясь смехом. Большое, крепкое душевное здоровье нужно было иметь, чтобы так смеяться... Он любил смешное и смеялся всем телом, действительно “заливался” смехом, иногда до слез. Краткому характерному восклицанию “гм-гм” он умел придавать бесконечную гамму оттенков, от язвительной иронии до осторожного сомнения, и часто в этом “гм-гм” звучал острый юмор, доступный человеку очень зоркому, хорошо знающему дьявольские нелепости жизни»². В дальнейшем образ Владимира Ильича в воспоминаниях, художественной литературе, кинематографе тоже был связан с юмором и смехом. В данном случае смех, неотделимый от народной смеховой культуры, показывает и близость Ленина к массам, и «избранность» вождя, скрывающего глубокую мудрость за хитрым прищуром. Ленин как бы раздваивается в смехе, одновременно сближаясь с народом и возвышаясь над ним.

Линия активного использования юмора в политической деятельности была продолжена И. В. Сталиным. В литературе бытует множество отсылок к реальным и выдуманным высказываниям Сталина, демонстрирующим его чувство юмора. Можно даже говорить о том, что складывается представление об особом «сталинском остроумии». При этом диапазон этого остроумия простирался от жестокости до скромности и доброты. Приведем несколько примеров его высказываний: «За все нынешние и будущие грехи подвесить Брюханова за яйца; если яйца выдержат, считать его оправданным по суду, если не

¹ Abrahamian L. Lenin As a Trickster // Anthropology & Archeology of Eurasia. 1999. Vol. 38. № 2. P. 7–26.

² Горький М. В. И. Ленин. М., 1931. С. 36.

выдержат, утопить его в реке»¹. «Сталин приехал на спектакль в Худ. театр. Его встретил Станиславский и, протянув руку, сказал: “Алексеев”, называя свою настоящую фамилию. “Джугашвили”, – ответил Сталин, пожимая руку, и прошел к своему креслу»; «При разработке автомобиля “Победа” планировалось, что название машины будет “Родина”. Узнав об этом, Сталин иронически спросил: “Ну и почему у нас будет Родина?”»; «Однажды Сталину доложили, что у маршала Рокоссовского появилась любовница и это – известная красавица-актриса Валентина Серова. И, мол, что с ними теперь делать будем? Сталин вынул изо рта трубку, чуть подумал и сказал: – Что будем, что будем... завидовать будем!»² Можно вспомнить и известную фотографию Сталина, когда он, приложив большой палец к носу, а мизинец вытянув вперед, демонстрирует комичный жест в объектив фотоаппарата. «Сталинское остроумие» в основном применялось или в узком кругу соратников, или при общении с лидерами иностранных государств, то есть в закрытых сообществах. Возможно, это был один из элементов культа «скромного большевика», который, по мнению Я. Плампера, сознательно создавался в 1920–1930-е гг.³ Если говорить о публичном смехе, то в ходе XVIII съезда было отмечено 90 случаев общего смеха, из них 11 во время выступления Сталина⁴, тогда как на X съезде РКП(б) (1921 г.) всего 37 ремарок со значением «смех». При этом право публичного смеха не было закреплено исключительно за Сталиным, ремарки «смех в зале» можно обнаружить в опубликованных стенограммах выступлений как высшего руководства, так и простых делегатов.

Н. С. Хрущев в своей политической карьере тоже старался активно использовать чувство юмора, только в отличие от «сталинского остроумия» и «ленинского лукавства» Никита Сергеевич тяготел к простому, народному юмору. Одним из символов хрущевского периода стали шуточные высказывания про «кузькину мать» и «мы вас похороним». Также в визуальных репрезентациях Хрущева больше отсылок к смеху, чем у Сталина. Несколько известных фотографий показывают Никиту Сергеевича смеющимся, например, журнал

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 27. Л. 30.

² Чуев Ф. Солдаты империи. М., 1998.

³ Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010.

⁴ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М., 1939.

«Life» за 5 октября 1959 г. поместил фотографию смеющегося Хрущева на обложку. Даже один из самых известных эпизодов хрущевской внешней политики, который сейчас воспринимается как конфуз, в 1961 г. преподносился как проявление остроумия советского руководства. Вот как об этом говорилось на XXII съезде КПСС: «Может быть, это и шокировало дипломатических дам западного мира, но просто здорово было, когда товарищ Н. С. Хрущев однажды, во время одной из провокационных речей, которую произносил западный дипломат, снял ботинок и начал им стучать по столу. **(Бурные аплодисменты. Смех.)** Всем сразу стало ясно: мы решительно против, мы не хотим слушать такие речи! Причем Никита Сергеевич Хрущев ботинок положил таким образом (впереди нашей делегации сидела делегация фашистской Испании), что носок ботинка почти упирался в шею франкистского министра иностранных дел, но не полностью. В данном случае была проявлена дипломатическая гибкость! **(Смех. Бурные аплодисменты.)**»¹

За время нахождения Хрущева на высшем партийном посту прошло три съезда КПСС, которые нельзя назвать рядовыми. За почти 10 лет Никите Сергеевичу несколько раз удалось отстоять свои руководящие позиции, выступить с осуждением «культы личности» и объявить о том, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Это были XX, XXI и XXII съезды КПСС, которые прошли соответственно в 1956, 1959 и 1961 гг. В стенограммах данных съездов удалось обнаружить 114 фрагментов, где фигурирует ремарка о смехе. Необходимо отметить, что иногда ремарка «смех в зале» присутствует несколько раз в одном абзаце, тогда ремарки рассматриваются как единый акт комичного, например, эпизод из выступления М. А. Шолохова: «Вы – вежливый человек, Никита Сергеевич, ну, а меня, как говорится, бог обидел, лишил этого драгоценного качества, а поэтому разрешите мне с грубоватой прямой спросить у Вас в свою очередь: может ли ослабнуть то, чего нет? **(Смех, оживление в зале, аплодисменты.)** И можно ли оторваться от того, за что не держишься? **(Смех, аплодисменты.)**»² Интересно, что в выступлениях Михаила Александровича на всех трех съездах присутствует юмор. Как представитель писательского цеха Страны Советов он должен был демонстрировать мастерство слова, в том

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет: в 3 т. М., 1962. Т. 3. С. 473.

² XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет: в 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 582.

числе и комического. Так, в одном из своих выступлений Шолохов прямо заявил о необходимости смеха в советской литературе¹.

Особенностью ремарки «смех в зале» является ее коллективный характер. Индивидуальные эмоции отдельного человека стенографистами не фиксировались. Даже смех первых лиц партии не находил отражения на страницах материалов съезда. В качестве исключений можно рассматривать первые, дореволюционные, съезды РСДРП, когда в некоторых случаях фиксировался ленинский смех как «контраргумент» против его идейных противников, да и то в более поздних воспоминаниях. В. И. Ленин смеялся отдельно, то есть против кого-то, а на съездах ВКП(б)–КПСС смеялись вместе, то есть – за. Это является еще одним подтверждением тезиса о позиционировании смеха как дисциплинирующего и сплывающего фактора.

Важным вопросом является природа смеха участников съезда: был ли он спонтанным или готовился заранее. Скорее всего, он имел рациональную природу и был связан с социально-политическим контекстом, те же самые фразы, произнесенные в другом месте, могли и не рассмешить делегатов. Они знали, когда и над чем смеяться, возможно, основная масса ориентировалась на эмоциональную реакцию лидеров общественного мнения. Можно даже сказать, что делегаты умели «смеяться по-большевистски», осознанно реагируя на определенные смысловые маркеры. Ораторы, в свою очередь, сознательно или неосознанно использовали комические приемы в своих выступлениях, стараясь вызвать у слушателей необходимую реакцию. Все это можно рассматривать как указание на определенную подготовку партийным аппаратом «смеха в зале». Но в архивных документах, посвященных подготовке съездов, не отложились факты сознательных действий по работе с аудиторией. Возможно, такие практики носили неформальный характер и не оставили следа в партийном делопроизводстве. Хотя я считаю, что в большинстве случаев смех не был искусственным. Делегаты съезда искренне смеялись, выражая тем самым поддержку выступающему оратору. В связи с этим отмечу, что очень часто с ремаркой смеха соседствует ремарка об аплодисментах. В 89 случаях смех и аплодисменты идут парой в стенограммах трех партийных съездов. Аплодисменты сложно трактовать вне контекста одобрения выступлений; конечно, в советской истории есть прецеденты «захлопывания», но в более поздний исторический период. Следовательно, аплодисменты и смех в зале выражали один и тот же

¹ XXII съезд... Т. 2. С. 537–539.

спектр политических эмоций – солидаризацию с политической линией и остальными участниками.

Анализ смыслового контекста, в котором раздавался смех на партийных съездах, свидетельствует о том, что большинство фраз, вызвавших такую реакцию, носили критический характер. Выступая с разоблачениями или обвинениями, ораторы нередко выставляли своих противников в комическом свете. Неслучайно одобрительный смех – довольно редкое явление среди делегатов. В стенограммах трех съездов можно найти всего около 5 примеров, когда слова выступающего были встречены одобрительной реакцией в виде смеха. Для наглядности приведу оба варианта смеха: 1) «Хорошо сказал об этом комбайнер Михайловской МТС Сталинградской области тов. Игнатов: “Вот уже тринадцатый год я изучаю в кружке историю партии. Тринадцатый раз нам толкуют пропагандисты о бунде. Да разве у нас нет дел поважнее, кроме критики бунда?” (Смех.)»¹; 2) «Это в известной мере объясняется отсутствием разработанного порядка отзыва депутатов. Что касается порядка отзыва депутатов Верховного Совета СССР, то проект соответствующего закона подготовлен и будет внесен на утверждение Верховного Совета СССР, что все депутаты должны намотать себе на ус. (Смех, аплодисменты.)»². Если «одобрительный» смех выступал как аналог аплодисментов или оваций, то «разоблачительный» – обнажал проблемы и срывал маски, открывая глаза на происходящее. Он, как выкрик ребенка в сказке Г. Х. Андерсена, обнаруживал, что король голый. «Разоблачительный» смех имел две стороны: 1) оружие против того, на кого он был направлен; 2) выражение солидарности с критикой из уст докладчика.

Обращаясь к «разоблачительному» смеху, следует выделить отдельный объект для высмеивания – иностранные государства и отдельные политические лидеры. Находясь в условиях «холодной войны», партийные деятели и прежде всего Н. С. Хрущев уделяли большое внимание освещению международной ситуации и обоснованию преимущества социалистической системы перед капиталистической. Поэтому часто с трибуны съезда сыпались остроты в адрес политических противников: «В конце своей фальшивки он (Кларенс Мэннинг (Clarence Augustus Manning). – А. А.) призывает западных партнеров американского империализма оторвать Украину от Советского Союза. Как говорится в украинской поговорке – “Вольно псу лаять

¹ XX съезд... Т. 1. С. 282.

² Там же. С. 559.

и на луну”, она от этого не померкнет. (**Смех.**)»¹; «Аденауэр является лидером христианско-демократической партии. Казалось бы, он должен руководствоваться евангельскими поучениями, о которых так много любят распространяться в его партии. (**Смех в зале.**)»²; «В беседах в США я говорил, что как коммунист сожалею, что в Америке так мало коммунистов, но ничем помочь им не могу. (**Смех, аплодисменты.**)»³; «Английские империалисты долго, очень долго находились в Индии, но они плохо научились понимать по-индийски. (**Смех, аплодисменты.**)»⁴. Интересно, что подобное использование юмора характерно не только для советских коммунистов, есть пример, когда иностранный делегат успешно рассмешил партийную публику: «У нас в Швейцарии, и прежде всего в немецкой Швейцарии, антикоммунизм стал главным политическим оружием буржуазии и лидеров правой социал-демократии. Антикоммунистическая истерия принимает самые невероятные и гротескные формы. Примером этому может служить запрещение Давиду Ойстраху выступать в Цюрихе, крупнейшем городе Швейцарии. Его игра на скрипке объявлялась коммунистической пропагандой. (**Смех. Оживление в зале.**)»⁵. Высмеивание – частый прием в международных играх, можно вспомнить и письмо казаков турецкому султану, и высказывания И. В. Сталина, которые приводились выше. Смех означает символическую победу над противником в духе известной поговорки: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним». Можно вспомнить и слова А. В. Луначарского из его эссе, посвященного смеху: «Смех – признак победы»⁶.

Еще одной особенностью апеллирования к смеху на трех указанных съездах было активное использование пословиц и поговорок: «Свинья петь соловьем не может»; «Велика хмара, та малий дощ»; «Сам лежить у калюжі, а кричить – не бризкай!»; «Собака лает, а караван идет»; «Кто ложится спать с собаками, рискует встать с бло-

¹ Там же. С. 144.

² XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет: в 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 77.

³ Там же. С. 552.

⁴ XX съезд... Т. 1. С. 502.

⁵ XXII съезд... Т. 2. С. 369–370.

⁶ Луначарский А. В. Будем смеяться // Собрание сочинений: в 8 т. М., 1964. Т. 3. С. 76.

хами»¹ и т. д. Интересно, что смех порождали не только русские разговорки, но и фольклорные тексты других народов СССР, при этом часть из них была на языке оригинала, но даже языковой барьер не мешал делегатам смеяться в нужных местах. Ранее говорилось о том, что советский официальный юмор выполнял функцию сближения с народом, показывал, что руководство и страна говорят на одном языке. Фольклор в этом плане – удачный инструмент, отсылающий к «народной мудрости» и обыденной смеховой культуре. Возможно, значительное влияние на практику использования простонародного юмора в политической риторике оказывала личность Н. С. Хрущева, выходца с Украины, который сохранял элементы культурной самобытности, не скрывал своего «пролетарского происхождения» и часто прибегал к грубой, просторечной лексике.

Среди проявлений смеха на партийных съездах рубежа 1950–1960-х гг. следует выделить отдельный блок, связанный с выступлением детских коллективов. Смех, который вызывали эти выступления, должен был быть рекреационным, расслаблять делегатов после длительных заседаний. Дети играли роль амбивалентных комикамов: с одной стороны, они выпадали из взрослой «серьезной» политики, но с другой, по принципу «устаи младенцев глаголет истина», в своих выступлениях воспроизводили наиболее важные для нее темы. «Рассказать мы вам должны / С кукурузой мы дружны, / Порою большим / Наступают на пятки / Пионерские наши початки. (**Смех, аплодисменты.**) А я хочу быть дипломатом! Но, наверное, тогда / От СЕАТО и от НАТО / Не останется следа! (**Смех, аплодисменты.**) Даже зимой вы слышали гром / Это несли мы железный лом. / Собрано столько было!!! / Если его сложить в вышину, / Мост перекинется на Луну. / Вот мы какая сила! (**Смех, аплодисменты.**) Растить телят и нам под стать. / Мы трудимся всем классом. / Нам тоже хочется догнать / Америку по мясу. (**Общий смех, продолжительные аплодисменты.**)»².

Таким образом, смех занимал важное место в советской политической риторике. В этом плане рубеж 1950–1960-х гг. нельзя назвать уникальным, он продолжал традиции, которые сформировались ранее. Особенностью данного периода является значительная доля именно неформального, «простонародного» юмора. В целом же, смех

¹ XXI съезд... Т. 1. С. 144; Т. 2. С. 132; XXI съезд... Т. 1. С. 129, 510; Т. 2. С. 158.

² XXII съезд... Т. 2. С. 600–603; XXI съезд... Т. 1. С. 517.

на съездах выступал, прежде всего, как инструмент разоблачения и политической борьбы. Высмеивание противников и недостатков означало символическую победу над ними, при этом важен был коллективный смех, только он мог направить эмоции в нужное русло. Участники съезда объединялись в едином порыве, который формировался как спонтанно, так и сознательно. Сложно считать «смех в зале» позитивной эмоцией, конечно, для делегатов съездов он имел знак плюса, но при внимательном изучении за внешним «позитивом» можно разглядеть множество вариаций, от выражения солидарности до выстраивания траектории агрессии.

Политэкономические приключения Незнайки и его друзей

Художественная литература в рамках современных исторических исследований часто позиционируется с диаметрально противоположных позиций. Авторы, тяготеющие к традиционным концепциям, рассматривают литературу как слишком субъективный источник. Радикальные «постструктуралисты», напротив, часто делают тексты главным, а порой и единственным источником. К. М. Ф. Платт пишет, что современные «культурные исследования» испытали сильное влияние как антропологии, так и литературоведения³. Применительно к истории СССР такой подход характерен для «русистов», для которых художественные тексты являются главным отражением действительности. Такой подход эффективен по соотношению затраченных усилий и полученных результатов: не надо тратить время на работу в архивах, достаточно взять несколько книг с полки.

Оба подхода имеют недостатки: с одной стороны, литература может предоставить нам множество полезных данных, поскольку произведения далекого прошлого – важные источники, с другой – абсолютизировать литературу как источник нельзя, ее необходимо включать в более широкий контекст фактов и интерпретаций. Еще раз отошлем к статье Платта, который указывает, что «в настоящее время специалисты по исследованиям культуры должны учиться постигать “взглядом и телом”, как именно “встроен” данный текст в социальные рамки практики, институциональные контексты и живой опыт»⁴. Конечно, следует принимать во внимание и жанровые особенности, литературу-

³ Платт К. М. Ф. Зачем изучать антропологию? Взгляд гуманитария: вместо манифеста // НЛО. 2010. № 106.

⁴ Там же.

ра для детей с фантастическими допущениями будет отличаться от романа на производственную тему.

Художественные произведения являются вымыслом автора, однако автор, как представитель конкретных социальных групп, отражает в своем творчестве некие коллективные представления и окружающую действительность. Издательская система тоже играет важную роль: во-первых, это работа редакторов, отбирающих интересные, на их взгляд, работы, во-вторых, это система советской цензуры, фильтрующая материал. А читатели, в свою очередь, позитивно воспринимали произведения, которые совпадали с их представлениями и благодаря этому становились популярными. Таким образом, чтобы произведение получило «культовый» статус, должна сработать цепочка факторов, тесным образом связанных с общими коллективными представлениями, которые и можно вычленять из текста. Размышления о статусе культового произведения, правда, применительно к кинематографу, содержатся в одной из статей Н. Самутиной¹, а проблема авторского вымысла и его соотношения с реальностью и читательской аудиторией рассматривается в работе Е. Ковтун².

В данном исследовании выдуманное общество представляется как реальное, и для его изучения используются стандартные исследовательские инструменты. В значительной степени теоретической базой явился сборник статей, посвященный разнообразным персонажам советской детской культуры³. Несмотря на то, что большинство статей носит ярко выраженный литературоведческий характер, они могут быть полезны и историку, поскольку содержат, в числе прочего, предысторию возникновения цикла повестей Н. Носова о Незнайке⁴.

¹ Самутина Н. За процветание Швеции! Культовое кино и его нестандартный зритель // Неприкосновенный запас. 2008. № 6. URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1183/1192/>

² Ковтун Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М., 2008. С. 28–29.

³ Веселые человечки: Культурные герои советского детства. М., 2008.

⁴ Загидуллина М. В. Время колокольчиков, или «Ревизор» в «Незнайке» // Веселые человечки: Культурные герои советского детства. М., 2008. С. 204–223; Кукулин И. Игра в сатиру, или Невероятные приключения безработных мексиканцев на Луне // Веселые человечки: Культурные герои советского детства. М., 2008. С. 224–240.

Также упомянем две статьи, которые посвящены творчеству Носова и дают небольшой анализ структуры трилогии¹.

Опираясь на указанные работы в качестве истории цикла, не согласимся с некоторыми теоретическими подходами. М. В. Загидуллина пишет: «Это страна вечных детей, которые никогда не вырастут из своего (примерно) восьми-девятилетнего возраста. *Жизнь в этой стране налажена раз и навсегда* (курсив мой. – А. Ф.). Проблемы, возникающие перед героями, разрешаются с помощью освоения пространства, но не времени»². Помимо детского повествовательного пласта в трилогии существует и общественный пласт, который привносит в трилогию динамику и усиливается в каждой новой части.

Существует мнение о том, что Н. Носов в трилогии о Незнайке последовательно отразил три общественные формации: в первой части показан социализм, во второй – коммунизм, а в третьей книге – капиталистическое общество. Естественно, созданный автором мир живет по собственным физическим, химическим, социальным законам, которые могут отличаться от наших, что затрудняет анализ и привносит в него значительную долю субъективности. Редкий автор старается ликвидировать все логические несоответствия в своем произведении или непротиворечиво объяснить каждый элемент структуры. На первый план выходят элементы сюжетообразующие, и им в жертву приносят достоверность и точность.

Исследователю, который обращается к анализу художественного текста, приходится ликвидировать эти логические огрехи автора и пытаться отыскать им объяснение или аналогии. Так, полет на Луну без использования реактивной тяги служит примером применения принципа антигравитации, который еще Г. Уэллс в романе «Первые люди на Луне» использовал для тех же целей.

Особенностью трилогии стоит признать ее урбанистический характер, фактически все действие происходит в городах. Причем городская структура представляется иерархичной, например, Солнечный город занимает доминирующее положение по отношению к Цветочному.

В начале книги читатель узнает, что Цветочный город находился на берегу ручья / реки и состоял из различных улиц, аллей и бульва-

¹ Карлов Б. Николай Николаевич Носов, 20 лет памяти писателя (1908–1976). URL: <http://sheba.spb.ru/nosov5ug.htm>; Курий С. Приключения Незнайки в СССР и СНГ: URL: <http://www.ytime.com.ua/ru/17/2004/27/66>

² Загидуллина М. В. Указ. соч.

ров¹. Дома были организованы по коллективному принципу, вместе жили 16 малышей, но у каждого была своя комната, хотя хозяйство они вели общее. Существовало гендерное разделение жилищ, малышки жили отдельно от малышей. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в противостоянии Зеленого города и Змеевки, когда происходит разделение городов на женский и мужской. Конечно, тут свою роль сыграло дидактическое намерение привить правила полового поведения, однако данный факт стоит зафиксировать.

Важной деталью, которая свидетельствует об элементах коммунизма в жизни малышей и малышей, является отсутствие товарно-денежных отношений и частной собственности. Так, оказавшись на Луне, Незнайка попадает в неприятные ситуации в силу отсутствия представлений об этих понятиях (С. 436, 440). В «земных» городах ничего подобного не упоминается.

В качестве контраргумента против торжества социализма / коммунизма в городах малышей приводят факт наличия в Солнечном городе милиции как аппарата насилия. В широком значении милиция – это добровольная организация для поддержания правопорядка. В силу исторических причин в СССР милиция стала государственным органом. Советская идеология утверждала, что «рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся создает все условия для того, чтобы искоренить преступность, в конечном итоге заменить меры уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания»². Но задача сохранения правопорядка не исчезнет, от государственных органов она перейдет в ведение общественности.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о структуре трудовых отношений в городах малышей. В отличие от Луны, на Земле практически нет пролетариата как такового. В Солнечном городе есть целые фабрики, на которых работают малыши, но вот как они описаны: «На всех девяти этажах наши путешественники не встретили ни одного коротышки, кроме Карасика, так как все процессы, вплоть до упаковки готовой продукции, выполнялись машинами. Зато на десятом этаже все оказалось наоборот, то есть машин совсем не было, а малышей и малышей было множество. Одни из них стояли за мольбертами и что-то рисовали, другие сидели за столами и

¹ Носов Н. Приключения Незнайки и его друзей. М., 1991. С. 5 (в дальнейшем ссылки на книгу будут даваться в тексте в скобках).

² III Программа КПСС // Материалы XXII Съезда КПСС. М., 1961. С. 400.

что-то чертили, третьи что-то шили из разных материй» (С. 257). Наиболее близко к категории рабочих в Цветочном городе находятся Винтик и Шпунтик, но и они, скорее, олицетворяют образы изобретателей-самоучек, а в книге их обтекаемо именуют механиками (С. 19). Основную массу жителей Цветочного города составляют две группы коротышек: первая группа – это те малыши, которые имеют четко обозначенную профессию, вторая – малыши, символизирующие определенные, прежде всего «негативные», черты характера. К первой категории относятся: астроном Стекляшкин, музыкант Гуся, художник Тюбик, поэт Цветик, доктор Пилюлькин и т. д., ко второй: Незнайка, Авоська, Пончик, Сиропчик, Ворчун. Отдельно стоит Знайка, у него нет определенного занятия, он антагонист Незнайки, его положительный двойник. Возникает естественный вопрос: если основная масса жителей занята или творческими профессиями, или в секторе обслуживания, а другая, по сути, является потребителями, то, что обеспечивает жизнедеятельность города.

Определенные выводы, которые можно перенести на все поселения малышей, можно сделать на основе описания коллективных работ в Зеленом городе. Судя по всему, основным занятием является выращивание овощей и фруктов. Исходя из соотношения размеров плодов и роста малышей такое производство, конечно, доходное, но при этом архаичное. Так, до прибытия Незнайки с компанией малышки занимались сбором урожая вручную, и только после вмешательства Винтика и Шпунтика была внедрена механизация. Этот эпизод, скорее всего, является отражением активных процессов механизации сельского хозяйства в СССР на рубеже 1950–1960-х гг., когда подъем производства в аграрном секторе связывался не только с расширением пахотных площадей за счет освоения целины, но и за счет активного внедрения в производство техники. Таким образом, пример малышей должен был показать, что использование техники гораздо эффективнее, чем любой, даже самый слаженный, ручной труд.

Итак, каждый житель, несмотря на свои профессиональные обязанности, должен участвовать в коллективной работе. Одновременно с этим понятным становится и обозначение города как места жительства, поскольку в III Программе КПСС было зафиксировано, что «ликвидация социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней является одним из величайших результатов строительства коммунизма»¹. В мире коротышек подобные

¹ Там же. С. 384.

различия не были изжиты. Например, значительная разница между Цветочным городом и Солнечным заметна в уровне жизни и инфраструктуре. Так, в первом городе упоминается всего один автомобиль, хотя сказано, что газированные автомобили были распространены среди коротышек (С. 19). А во втором городе «машины двигались по улице непрерывным потоком, мешая друг другу» (С. 180). Разницу между двумя городами демонстрирует очень показательный диалог между Незнайкой и Ниточкой в Солнечном городе. Думаю, уместным будет привести цитату из произведения:

– Куда там! – махнул Незнайка рукой. – У нас если захочешь яблочка, так надо сначала на дерево залезть; захочешь клубнички, так ее сперва надо вырастить; орешка захочешь – в лес надо идти. У вас просто: иди в столовую и ешь, чего душа пожелает, а у нас поработай сначала, а потом уж ешь.

– Но и мы ведь работаем, – возразила Ниточка. – Одни работают на полях, в огородах, другие делают разные вещи на фабриках, а потом каждый берет в магазине, что ему надо.

– Так ведь вам помогают машины работать, – ответил Незнайка, – а у нас машин нет. И магазинов у нас нет. Вы живете все сообща, а у нас каждый домишко – сам по себе. Из-за этого получается большая путаница. В нашем доме, например, есть два механика, но ни одного портного. В другом каком-нибудь доме живут только портные, и ни одного механика. Если вам нужны, к примеру сказать, брюки, вы идете к портному, но портной не даст вам брюк даром, так как если начнет давать всем брюки даром...

– То сам скоро без брюк останется! – засмеялась Ниточка.

– Хуже! – махнул рукой Незнайка. – Он останется не только без брюк, но и без еды, потому что не может же он шить одежду и добывать еду в одно и то же время!

– Это, конечно, так, – согласилась Ниточка.

– Значит, вы должны дать портному за брюки, скажем, грушу, – продолжал Незнайка. – Но если портному не нужна груша, а нужен, к примеру сказать, стол, то вы должны пойти к столяру, дать ему грушу за то, что он сделает стол, а потом этот стол выменять у портного на брюки. Но столяр тоже может сказать, что ему не нужна груша, а нужен топор. Придется вам к кузнецу тащиться. Может случиться и так, что, когда вы придете к столяру с топором, он скажет, что топор ему уже не нужен, так как он достал его в другом месте. Вот и останетесь вы тогда с топором вместо штанов! (С. 281–282.)

Первая фраза Незнайки перекликается с известной формулировкой «кто не работает, тот не ест» и показывает, что малыши сами

добывают себе еду, а централизованные работы не регулярны и осуществляются в силу необходимости. Затем Солнечный город преподносится в контексте «светлого будущего», о чем свидетельствуют механизированная работа и неограниченное потребление через систему магазинов-распределителей, призванных удовлетворять потребности населения.

Незнайка указывает на отсутствие инфраструктуры в Цветочном городе – нет ни машин, ни магазинов, а все экономические отношения строятся на примитивном товарообмене. Некая кооперация существует только в рамках одного дома-коммуны, наличие специалиста позволяет жильцам пользоваться его услугами. Не совсем ясно, как происходит обучение различным навыкам и как поддерживается спрос на услуги в отсутствии постоянного рынка или четкой системы планирования и распределения.

Слова Незнайки не позволяют отождествить существующую систему Цветочного города с социализмом в рамках марксистской модели. Это, скорее, напоминает фаланстеры Ш. Фурье, общины в духе народников или проекты анархо-синдикалистов с отказом от частной собственности и созданием свободно организованных коммун. В целом, отношение к укладу на малой родине Незнайки явно меняется во второй книге. По контрасту с Солнечным городом, Цветочный выглядит архаично. Хотя в первой части трилогии он выступает как приятное место для жительства, в третьей он «усовершенствуется» благодаря помощи из Солнечного города. В частности, строится автоматизированная фабрика одежды для решения проблемы «самообшивания» коротышек (С. 352).

Говоря об анархизме, отметим отсутствие иерархии в обществе земных коротышек. Формальных лидеров в их обществе нет, это общество экспертов, когда каждый специалист в нужный момент может диктовать свою волю. Так, «больные» малыши удерживались против своей воли в медицинском учреждении Зеленого города: «Слушай, Незнайка, выручи меня отсюда, – зашипел Ворчун. – Я совсем здоров, честное слово! Я коленку ушиб, уже почти не болит, а меня держат в постели, одежду не отдают. Сил моих больше нет! Я ведь гулять хочу. Понимаешь?» (С. 64.) Малыши, которые прилетели из другого города, да еще и в силу своего пола, воспринимались в Зеленом городе как источник угрозы, и к ним была применена практика «принудительного лечения». При этом Незнайку, который в Цветочном городе совершил множество деяний антиобщественного характера, в том числе и угон автомобиля (С. 20), кроме морального осуждения, никаким наказаниям не подвергали.

В Солнечном городе все-таки существовала система лишения свободы, но она была забыта, и в экстренном случае, когда в городе началась волна хулиганских выходов, милиционеру Сапожкину пришлось достать книгу старинных законов, хранившуюся с незапамятных времен, и вновь открыть камеры предварительного заключения. Но милиционеры, поместившие правонарушителей в «холодильники», начинали мучиться совестью и отпускали их на свободу (С. 300–301).

Использование больницы в качестве изолятора связано с инфраструктурой городов коротышек. С одной стороны, из-за отсутствия регулирующей силы невозможно осуществлять прямое насилие и содержать пенитенциарные учреждения. С другой стороны, как было показано выше, в «провинциальных» городах не было столовых и магазинов, но при этом существовали больницы.

Возвращаясь к теме лидерства, следует признать, что неким подобием власти среди малышей обладает Знайка. Он, конечно, лидер авторитарного типа, его влияние базируется на авторитете его знаний. Это развивает мысль о господстве специалистов, некой технократии среди жителей. Знайка выступает как крайнее выражение такой системы. Являясь специалистом во всем, а не в одной конкретной области, например как доктор Пилюлькин, он может диктовать свои взгляды по любому вопросу. При этом его влияние не рассматривается как негативное явление, а наоборот, выступает как положительное.

Власть Знайки прежде всего связана с возможностью аккумулировать силу других коротышек для решения своих задач. Так, в качестве средства путешествия им был предложен воздушный шар, который раньше не был известен в Цветочном городе, поскольку Знайка вынужден был три дня и три ночи придумывать, как его сделать. Для его постройки он привлек малышей, которые жили с ним в одном доме. В дальнейшем для полета на Луну с целью доказать правоту своей концессии он строит не просто ракету, но целый космический городок, привлекая как жителей Цветочного, так и Солнечного городов.

С ростом популярности внелитературные элементы начинают все сильнее проникать в произведения. Если первая часть трилогии ставит своей целью развлечь детей, прививая им общие нормы поведения, то вторая и третья части становятся полноценными медиаторами между советским дискурсом и детским сознанием. И. Кукулин считает, что «Носов по своему характеру не мог бы последовательно реализовать в произведении для детей какое бы то ни было идеоло-

гическое задание»¹. Идеологические моменты включаются автором сознательно, но в форме, которая органична произведению. Автор не изобретает идейное направление, он лишь транслирует общие моменты советской риторики. Отходя от бинарного понимания советской литературы, стоит одновременно согласиться и не согласиться с И. Кукулиным: конкретного идеологического задания не было, было общее идеологическое унастроение, которое нашло свое отражение в произведении.

В «Незнайке в Солнечном городе», действительно, сделана попытка показать «светлое будущее» в миниатюре. Высокий уровень развития науки, техники и общественных отношений говорит в пользу коммунистического образа жизни. При этом жители Солнечного города не торопятся распространять свое влияние на соседей. Только после путешествия Незнайки они стали внедрять свои достижения в других городах. До этого «светлое будущее» было территориально ограничено. Гораздо сложнее дать оценку общественному строю в Цветочном городе. Очевидно, что он находится на более низком уровне развития. Вполне вероятно, что Цветочный город является некой резервацией анархически настроенных элементов, которые не могут жить в упорядоченном мире крупных городов. Они создают синдикалистские коммуны, где вынуждены вести натуральное хозяйство. Личная свобода первой книги отчасти противостоит удобству жизни во второй. Возможно, сам автор не предполагал, что его произведения получат культовый статус и будут по-новому прочитываться каждым поколением. Но особенности текста позволяют рассматривать его как полноценный источник и изучать как внутреннюю логику мира, так и связи с внешним контекстом.

Образы советского в современной отечественной массовой культуре

В XX в. произошло несколько глобальных разрывов истории, это приводило к пересмотру интерпретации исторических фактов и самого отношения к истории. Современная Россия, или как призывают называть ее участники тематического номера «Неприкосновенного запаса», *Régime nouveau*², еще не выработала четких мемориальных норм. Память о прошлом остается местом противостояния различ-

¹ Кукулин И. Указ. соч. С. 238.

² Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50).

ных группировок. Показательным является активная общественная дискуссия вокруг учебника истории А. Вдовина и А. Барсенкова. Также периодически возникают законодательные инициативы, направленные на регламентацию восприятия отдельных эпизодов истории, начиная от запрета реабилитации нацистских преступлений и заканчивая требованием переименовать все объекты, названные в честь революционеров. При этом наиболее острые дискуссии возникают вокруг советского прошлого. Это можно объяснить и недавним его переживанием, еще живо несколько поколений, которые родились и выросли во время СССР, и актуальностью коммунистической идеологии в политическом спектре России. Если в советской традиции сравнение проводилось с Российской Империей 1913 г., поскольку именно с ним происходил разрыв, то Российская Федерация сравнивается с СССР. Хотя руководство страны пытается «усидеть на двух стульях», совместить символы царского режима с советским культурным наследием. В последние годы существования СССР возникают два крупных направления «контрпамяти», которые были полюсами общественного мнения – националистически-консервативная «Память» и западнически-прогрессистский «Мемориал», что по мнению авторов сборника «Империя и нация в зеркале исторической памяти», привело к потере легитимности советского строя и его крушению¹.

Изучение современных представлений о временах СССР является важной задачей не только в рамках исторических исследований, но и в общественном смысле, если рассматривать идею социального примирения как магистральную. В последнее время российское историческое сообщество активно восприняло идею исследования исторической памяти и представления о прошлом. М. Халбвакс, П. Нора и Я. Ассман активно цитируются в работах, посвященных различным периодам и темам. На основании их концепций проводятся конференции и семинары, публикуются сборники статей и монографии.

Говоря об исследованиях данной тематики, необходимо упомянуть работу Н. Колосова², в которой он анализирует изменение политики по отношению к прошлому начиная с XIX в. и заканчивая современной эпохой. В центре внимания книги политика последнего времени по отношению советского прошлого и прежде всего к

¹ Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С. 7.

² Колосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011.

Сталину и Великой Отечественной войне. Исследования массовых представлений основываются на социологических опросах как современных, так и начала 1990-х гг. Если вынести за скобки идеологическую ангажированность работы, направленную на развенчание и осуждение советского прошлого и личные отношения автора с рядом историков, то с динамикой мемориальной политики в современной России, описанной автором, можно согласиться. Минусом книги Н. Колосова выступает факт, что исследуются, прежде всего, государственная политика (определение «правильного» школьного учебника, архивная «контрреволюция», практики празднования исторических дат и т. д.) и позиция исторического сообщества по отношению к советскому прошлому. Объясняя социологические данные, автор апеллирует к этим двум областям, подразумевая, что они оказывают наибольшее влияние на коллективную память. Массовая культура в книге упоминается вскользь¹, со ссылкой на статью В. Шляпентоха, посвященную историческим фильмам при «путинском режиме»². В условиях распада «больших нарративов» на смену традиционным, «жестким», приемам формирования исторической памяти приходят «мягкие», «неформальные», которые тесным образом связаны с массовой культурой.

Более близка по тематике статья Г. Янковской³, в которой показано, как современная российская культура активно использует элементы «социалистического реализма», причем, прежде всего, сталинского периода. Галина Александровна, констатируя факт подобной стилистической ностальгии, не может объяснить ее причину.

Я. Ассман в своей концепции выделяет культурную память, которая, в отличие от коммуникативной памяти, нуждается в поддержке и распространении социально обусловленными институтами⁴. Исходя из этого, можно говорить о том, что для молодого поколения россиян советский опыт переходит из одного типа памяти в другой. Образы советского прошлого для них оказываются искусственно сформиро-

¹ Там же. С. 162.

² Shlapentokh D. Russian History and the ideology of Putin's regime through the window of Contemporary Russian movies // Russian History. 2009. № 36/2. P. 278–301.

³ Янковская Г. А. Ностальгия в стиле социалистического реализма в культурной памяти постсоветской России 1990-х гг. // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 347–357.

⁴ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 57.

ванными. Существует несколько крупных источников по наполнению этих образов: 1) связь поколений и рассказы старших о своем советском опыте, 2) школьный или вузовский курс истории, 3) массовая культура. Отдельно конечно необходимо рассматривать коммеморационные практики, многие из которых уходят корнями в советское прошлое. Если 7 ноября пытаются поставить на второй план, подменив его празднованием Дня народного единства, то 9 мая становится важнейшим праздничным событием. Масштабное празднование 50-летия первого полета человека в космос показывает, что государство пытается активно использовать элементы советского прошлого ради своих целей. Большинство таких коммеморационных мероприятий сопровождаются активной информационной компанией в массовой культуре. В особых случаях к датам приурочивают выпуск полнометражных фильмов, в качестве примера можно привести «1612» к Дню народного единства, «Тарас Бульба» к юбилею Н. В. Гоголя, «Утомленные солнцем: Предстояние» к 65 годовщине победы в Великой Отечественной войне. Но основная масса коммеморационных медиапродуктов появляется в СМИ. Радио, газеты, телевидение выпускают тематические номера или специальные проекты. С одной стороны, их функции объяснительные и их можно сопоставить с мифами в традиционных обществах, которые должны вербализировать и интерпретировать ритуалы. СМИ дают инструкции, как отмечать памятные даты, и помогают обществу «вспомнить заново» то или иное событие. Если для людей старшего поколения многие даты являются важной частью жизненного мира, то более молодые поколения, процесс социализации которых проходил в период разрушения советской политики памяти, нуждаются в «мемориальных костылях». В их качестве для основной массы населения выступают как раз скорее СМИ, чем традиционные формы передачи исторической памяти вроде исторических курсов в учебных заведениях разного уровня. С другой стороны, СМИ не могут упустить из своего внимания «точки памяти», поскольку повышенное внимание людей ко всему, что связано с ними, позволяет активно реализовывать медиапродукты.

Важным теоретическим вопросом является проблема соотношения формирования и отражения коллективных исторических представлений в медиасреде. Книги, фильмы, игры, СМИ, с одной стороны, могут воспроизводить и поддерживать уже существующие массовые представления. С другой стороны, государственные или общественные институты с помощью их могут бороться с доминирующей исторической концепцией, предлагая «контрпамять». В произведениях искусства это еще осложняется позицией автора, который

может выражать свое субъективное миропонимание, а также жанровой спецификой. Автоматически рассматривать медиапродукты как отражение коллективной памяти неправомерно.

В данном тексте основное внимание будет уделено образам советского, которые возникают и функционируют в современной отечественной массовой культуре. Прежде чем приступить непосредственно к описанию результатов исследования, необходимо сделать несколько важных терминологических замечаний. Возможность широкой трактовки терминов является и достоинством, и недостатком гуманитарного знания. Что касается понятия «советского», словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова дает следующее определение: Советский – 1) *Прил.*, по знач. связанное с социалистической организацией власти Советов и общества эпохи диктатуры рабочего класса; 2) Находящийся, происходящий в СССР, в стране советов; 3) Соответствующий мировоззрению и практическим задачам рабочего класса, преданный советской власти; 4) *Прил.*, по знач. связанное с деятельностью в советах; 5) *Прил.* к совет. в 3 и 4 значениях¹. В быденной и исследовательской традициях закрепилось понимание этого определения как первое из приведенных, то есть хронологически советское обозначается как 1917–1991, а территориально ограничено рубежами РСФСР / СССР. Применительно к другим странам используют термины социалистический или коммунистический режим. При этом часто происходит отождествление двух понятий. Уже упоминавшийся Н. Колосов может выступить как показательный пример, поскольку он фактически ставит знак равенства между «сталинизмом» и «советскостью». Это связано с зарождением советологии, которая институционально оформилась в послевоенные годы и именно на материале 1930–1950-х гг. строила свои схемы, в том числе и теорию тоталитаризма. В дальнейшем, ревизионисты тоже сосредоточили свое внимание на этом историческом периоде, и получилось, что история страны до прихода И. В. Сталина к власти рассматривается как предпосылки, а после – как последствия его руководства. Сталинский период становится смысловым центром советской истории. С этим, конечно, еще связана дискуссия об общих и отличительных чертах советского и нацистского режима. «Большой террор», система лагерей ГУЛАГа, преследование инакомыслящих и т. п. – все это позволяет говорить о схожести двух режимов, а значит, о необходимости осуждения сталинизма как явления, а следователь-

¹ Советский // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

но, и всего советского строя. При этом за период с 1917 по 1991 г. как государство, так и общество прошли сложный путь развития. СССР времен «Перестройки» и даже брежневского периода гораздо ближе к современной России, чем к РСФСР времен Гражданской войны. Но мы живем в постсоветском периоде, а Я. М. Свердлов и Е. К. Лигачев жили в советском. Возможно, следует говорить не о целостном советском периоде, а о советских периодах, которые переходили один в другой.

Другой важной категорией для данного исследования является понятие массовой культуры. Первоначально под массовой или популярной культурой подразумевалась культура, предназначенная для низов города, малообразованных рабочих. В романе Дж. Оруэлла есть упоминание о пролах, которым специальные машины изготавливали низкопробную литературу. Сейчас под этим, скорее, понимается культура, которая ориентирована на обладание минимальным культурным багажом, то есть на максимально широкий круг аудитории. В рамках Франкфуртской школы выработалось понимание «массовой культуры» как продукта, порожденного «сверху»: властными структурами, государством, крупными компаниями. Она представляет собой «доступные» послания, передаваемые по каналам массовой коммуникации и рассчитанные на «средний» уровень смыслов¹. Массовая культура не стремится сформировать новые представления, она охотнее использует уже готовые элементы, перестраивая их в нужном порядке. Таким образом, через «похищение языка» создается определенная мифология в бартовском смысле². При этом В. Подорога отмечает, что культура памяти разрушается, не выдерживая конкуренции со стороны «низкой» культуры. Это происходит из-за возможности привлекать высококлассных исполнителей и приносить потребителям результат в виде удовольствия³. В целом же отметим, что изучение массовой культуры остается на периферии внимания исследователей. При этом количественно массовая культура превосходит культуру «элитарную», и если произведения «высокой» культуры оставляют длительный исторический след, то массовая культура имеет более короткий срок годности, но при этом в конкретный исторический период оказывает большее воздействие.

¹ Зверева В. Предисловие // Массовая культура: современные западные исследования. М., 2005. С. 13.

² Барт Р. Мифологии. М., 2000. С. 238–240.

³ Подорога В. Культура и реальность. Заметки на полях // Массовая культура: современные западные исследования. М., 2005. С. 321.

В качестве основной источниковой базы выступают кино и телевидение как наиболее массовые виды культуры в современном российском обществе. Хотя следует отметить, что «советскость» проявляется и во многих других сферах: модная одежда с гербом СССР, возвращение советских брендов (напитки «Байкал», «Саяны», автоматы с газированной водой и т. д.), апелляция к советскому как к качественному (завод «Микоян», квас «Никола» и т. п.). Принимая во внимание концепцию М. Маклюэна, можно признать, что в современности происходит распад «галактики Гуттенберга» и усиления аудиовизуальных форм подачи информации. Текст уступает место изображению и звуку, в частности это отражается в том, что именно телевидение со второй половины XX в. является доминирующим СМИ. Следует признать, что в начале XXI в. происходит «контрреволюция текста» с развитием интернета, когда основной массив данных там был представлен именно в гипертекстовом виде. Но дальнейший технический прогресс всемирной паутины приводит к тому, что основной трафик приходит на мультимедийные продукты.

Образы советского в современной массовой культуре можно типологизировать по двум признакам: содержательному и эмоциональному. По первому критерию разграничиваются продукты просветительского и развлекательного характера. Просветительский подход позиционирует себя как научно-популярный и зачастую направлен на раскрытие новой информации из истории СССР. К такому типу отнесем передачи «Суд времени», «Исторические хроники», «Советская империя», «Намедни» и т. д. Помимо циклов передач, к этому типу следует отнести телевизионные фильмы, которые обычно посвящены конкретным историческим событиям или крупным фигурам советской истории. Часто такие фильмы вызывают значительный общественный резонанс. Так, например, фильм НТВ «Ржев. Неизвестная битва Георгия Жукова» многие восприняли как попытку пересмотра некоторых позиций истории ВОВ и в первую очередь полководческого таланта Г. К. Жукова. Телеканал НТВ знаменит своим скандальным подходом, но при этом он входит в «Газпром-Медиа Холдинг», который, в свою очередь, контролирует государственная корпорация «Газпром». В целом в отношении к ВОВ в российском медиaprостранстве можно отметить двойственную позицию. Продолжая еще советскую традицию воспринимать победу над Германией как одну из самых значимых страниц отечественной истории, современная элита не может позволить себе солидаризироваться с позицией о решающей роли советского режима в победе над врагом. Поэтому основным героем войны становится народ, а руководство и лично И. В. Сталин подвергаются

критике. В целом же «просветительские» передачи ставят своей целью сформировать историческое представление, которое могло бы занять место академической традиции. Что человек не получил во время учебы, он может узнать благодаря телевидению.

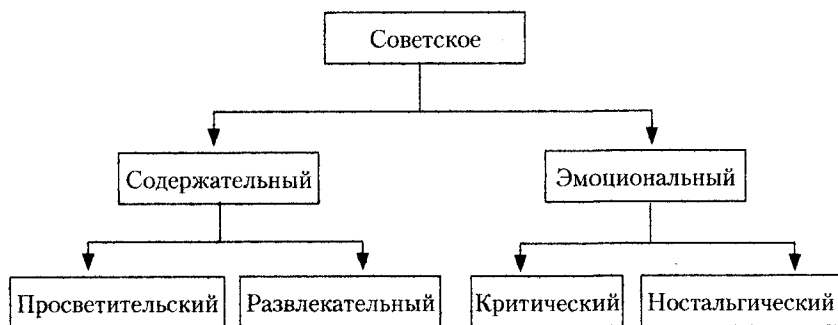
Развлекательный тип представлен передачами «ДОстояние РЕСпублики», «Старые песни о главном», а также отдельными эпизодами из различных комедийных шоу (КВН, Comedy Club, 6 кадров). В основном данные передачи используют отсылки к антуражу и стереотипам советской эпохи. Часто происходит осовременивание происходящего, например, в одной из миниатюр Сталин требует от Берии, чтобы он смог трубку не только курить, но и по ней звонить, делать фотоснимки и играть в шахматы. Юмористические передачи приспособливают к новым условиям жизни те образы, которые возникли еще в традициях советского политического анекдота. К этой категории необходимо добавить и продукцию кинематографа: «Звезда», «Космос как предчувствие», «Заяц над бездной» и т. д., а также сериалы, в основу которых часто ложатся литературные первоисточники: «Ликвидация», «Апостол», «Александровский сад», «Девять жизней Нестора Махно», «Исаев», «Дети Арбата», «Завещание Ленина» и т. д. Можно сказать, что сериалы делятся на два типа – приключенческие и мелодраматические, в них особенно часто советская эпоха выступает фоном или предысторией для сюжета. Стоит упомянуть и весьма необычный проект, который соединяет в себе просветительский и развлекательный моменты – это «Сталин. Live». Сериал, построенный как реалити-шоу, к чему отсылает и название, ставил своей целью реконструировать последний период жизни Иосифа Виссарионовича и дать трактовку его смерти.

Второй критерий, эмоциональный, позволяет выделить критическое и ностальгическое направления в массовой культуре. Так, например, уже упоминавшийся цикл передач «Исторические хроники» явно относится к критической категории, поскольку история СССР в нем подается как череда ошибок, трагедий и преступлений. Такой подход связан с развитием истории на рубеже 1980–1990-х гг., когда происходила «демифологизация» советских исторических конструкций. В современности критический подход играет ту же роль, что и 20 лет назад, он обосновывает разрыв современной политической структуры с советским наследием и должен проводить грань между демократией и тоталитаризмом.

В ностальгическом варианте на первый план выходит не политическая составляющая, а, скорее, повседневность, коллективность и «душевность». «Ностальгический» аналог «Исторических хроник»

Н. Сванидзе – это «Намедни» Л. Парфенова. Но у него в основе лежит «среда обитания» советского человека, через которую и подается хронология Советского Союза. Хотя там есть указания на недостатки системы, но это не превращается в основную задачу. Особенно ярко ностальгический тип проявляется в передачах, нацеленных на вторичное использование культурного багажа. Так, современные звезды перепевают советские песни, демонстрируя в числе прочего и преимущества советской эстрады перед современной. Часто к ностальгическому дискурсу добавляется патриотический, но это, прежде всего, связано с темой Великой Отечественной войны.

Для наглядности представим предложенную концепцию в виде схемы:

Если говорить о смеховой культуре в рамках рецепции советского прошлого, то следует указать на карнавализацию исторических образов. Самым частым героем становится Сталин, а его «любимой» фразой – приказ «Расстрелять!». Можно проследить параллели с культурой советского политического анекдота, эксплуатирующего тот же образ. Людям, лучше знакомым с современным юмором, чем с историей, Сталин, скорее, запомнится как усатый человек с трубкой и странным акцентом, который всех казнил.

Итак, в современной массовой культуре существует несколько противоречивых образов советского прошлого, которые часто противопоставляются друг другу. Такое многообразие не способствует консолидации точек зрения и приводит к сбоям в функционировании коллективной памяти. Все это может закончиться тем, что советский период перестанет восприниматься как реальность и вместо государственной политики десталинизации мы, скорее, станем свидетелями превращения советской истории в штамп, шаблон, симулякр.

СССР, созданный пользователями: интернет–рецепция советского прошлого

Своеобразным штампом становится фраза, что виртуальное пространство играет в современной жизни все большую роль. Хотя корректнее, вслед за культурологом и медиаисследовательницей Оксаной Мороз, говорить о постепенном стирании границ между он-лайном и офф-лайном. Это делает сетевые ресурсы важным инструментом для наращивания социального капитала. В современных российских реалиях это дополнительно связано с ростом поляризации и политизации общественного мнения и неразвитости пространств публичных дискуссий. В этих условиях Интернет становится фактически единственным полем, где есть возможность выражать различные точки зрения. В значительной степени отдельные лидеры мнений или сетевые сообщества становятся точкой сборки для сторонников или противников какой-то идеи. Наиболее яркий пример – это деятельность Алексея Навального, который опираясь только на новые медиа сумел стать главной фигурой российской оппозиции.

Одной из важных идей, которые раскалывают современное российское общество, является отношение к советскому прошлому. Внешне монолитная конструкция советской памяти, которая базировалась на идеологическом контроле, начала давать трещины еще до 1991 г., и апелляция к прошлому была важной частью антисоветского дискурса как внутри России, так и за ее пределами. Можно сказать, что до сих пор российское общество живет в состоянии нестабильной истории. Поскольку ни на уровне государственных институтов, ни в форме общественного договора нет консолидации большинства по ряду ключевых вопросов. Во многом это связано с тем, что советский период истории воспринимается не как прошлое, которое закончилось, а как часть настоящего, которое длится.

Регулярно в информационном пространстве возникают дебаты, поводом для которых является появление портрета И. В. Сталина в общественных местах, инициатива по захоронению тела В. И. Ленина, предложение переименовать улицы, названные в честь революционеров и борцов за советскую власть, вернуть Волгограду название Сталинград и т. д. Помимо внутренних споров о прошлом отдельной линией идет реакция на мероприятия в рамках «исторической политики» в других странах.

Большая социальная значимость этих вопросов привлекает исследователей к анализу процессов, связанных с осмыслением прошлого. Данная тема является одной из актуальных как у российских, так и

у зарубежных специалистов¹. Если раньше отечественные историки, прежде всего, адаптировали различные теории к российскому прошлому, по иному интерпретируя известные данные, то теперь необходимо искать новые источники для изучения коллективной памяти и, самое важное, приступить к теоретическому переосмыслению исследовательского инструментария.

В фокусе исследований, прежде всего, находится так называемая «историческая политика»², то есть действие неких институтов или отдельных личностей, которые обладают ресурсами влияния на общество и используют эту возможность для утверждения одной из интерпретаций истории как основной. Инструментов для этого существует множество, и именно их традиционно и используют исследователи для изучения «исторической политики». Прежде всего, анализируются учебники, как наиболее очевидный способ распространения и закрепления в обществе нужной версии истории, так же различные практики коммеморации, «места памяти», материалы СМИ и т. п. В качестве примера можно привести относительно новую книгу Н. Копосова, в которой основное место занимает анализ государственной политики, в области истории начиная с XIX в., а изучение массовых представлений об истории предстает в виде социологических опросов со спорной выборкой³. Можно даже говорить о своеобразном тоталитарном подходе к «исторической политике», поскольку население участвует в этом процессе только как послушный приемник, посланный «сверху». При этом, говоря о коллективной памяти общества, по умолчанию подразумевалась некая нерушимая общность, что вряд ли корректно. Исходя из концепции Я. Ассмана, можно сказать, что культурная память представлена в работах историков более хорошо, чем коммуникативная. В значительной степени это связано с проблемой источников, поскольку именно тексты, созданные профессиональными историками, политиками, журналистами или другими людьми, наделенными функцией «хранителя

¹ Библиография изучения коллективной памяти весьма обширна, поэтому ограничусь упоминанием двух проектов последнего времени: Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012; A Memory War: Cultural Dynamics in Russia, Poland, and Ukraine. URL: <http://www.memoryatwar.org/>

² О российской специфике данного явления можно прочитать: Миллер А. И. Россия: Власть и история // *Pro et Contra*. 2009. № 3–4. С. 6–23.

³ Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011.

традиции», имеют широкое хождение, материальный носитель и подвергаются массовому копированию, что позволяет им дольше сохраняться во времени.

Коммуникативная память, которая существует в основном в рамках малых групп, редко когда фиксируется и становится частью глобального информационного пространства. Но при этом именно анализ представлений на микроуровне позволит составить более четкую картину коллективной памяти. Вместо единого целого следует говорить о множестве разрозненных фрагментов, которые сложно даже сложить в некую мозаику.

В значительной степени концепция Ассмана строится на разграничении способов фиксации памяти. Коммуникативная память, которая получает возможность выйти за рамки устной традиции, могла стать культурной и получить своих хранителей. Поскольку на протяжении всей истории человечества доступ к распространению информации оставался прерогативой немногих, именно поэтому появляется термин «безмолвствующее большинство», когда основная масса населения не имеет возможности оставить свой след в истории.

В XXI в. происходит трансформация информационного поля в связи с развитием сетевых технологий, и если СМИ и официальные каналы по-прежнему остаются в руках немногих, то Интернет позволяет практически каждому сделать свои мысли достоянием общественности. В последнее время наиболее актуальными являются ресурсы, которые активно используют User-generated content (в дальнейшем UGC). UGC реализуется в различных формах: форумы, блоги, социальные сети и т. д. С точки зрения источниковедения тексты, порожденные в рамках UGC, следует рассматривать как эго-документы, что создает более благоприятные условия для современных исследований по сравнению с предыдущими периодами отечественной истории. Даже для советского периода эго-документы (письма, дневники, мемуары) являются редким источником, не говоря уже о дореволюционном прошлом, когда низкий уровень грамотности не позволял появиться эго-документам в большом количестве. Представьте себе, что участники Первой мировой войны, Английской революции или Великого переселения народов могли, подобно нашим современникам, оставлять неограниченное количество записей о происходящем. Сейчас историки вынуждены по крупицам из разных документов собирать картину происходящего, а так бы они вынуждены были бы разбирать завалы информационного мусора.

Бурный рост «всемирной паутины» приводит к ситуации, когда основным производителем контента становится пользователь, что, в

свою очередь, разрушает монополию на интерпретацию фактов, которая раньше была у властей или академических структур. Сделаю предположение, что в современности возникает третий тип коллективной памяти, который можно рассматривать или как синтез двух выше означенных типов, или как принципиально новое явление.

Предварительно можно обозначить третий тип как «сетевую память», особенность которой заключается в том, что носителями являются не специальные группы, а обычные пользователи всемирной паутины, создающие контент для таких же пользователей. Сеть создает возможность быстро распространять информацию, которую крайне сложно отфильтровывать. Происходит разрушение монополии на память. Если раньше власть и академическое сообщество могли контролировать выход книг, журналов, передач и т. п., посвященных прошлому, то сейчас практически отсутствуют какие-либо препятствия для распространения информации.

Современный Интернет, активно использующий принципы Web 2.0, можно отождествить с ризомой Ж. Делёза и Ф. Гваттари¹. Они противопоставляли структуру ризомы, как формы номадологического проекта, традиционным линейным моделям, которые характерны для европейской культуры после развития книгопечатания. Вместо системы-корня, они говорят о системе-корневище, которая потенциально бесконечна, поскольку любая точка ризомы может быть связана с любой другой. При этом между точками отсутствует иерархия и нет точек с привилегированным статусом. Делёз и Гваттари обозначают этот признак как «связь и гетерогенность». Еще один принцип получил название «незначашего разрыва», и его суть заключается в том, что любое повреждение ризомы не повлияет на нее, ибо она продолжит рост в любом направлении. Принцип «множественности» означает, что в ризоме важны линии соединяющие точки между собой, а не сами точки как таковые. Последними принципами являются «картография» и «декалькомания», они определяют ризому как механизм со множеством входов, которые не являются простым копированием уже существующего.

В 1990-е гг. ризому понимали как Интернет в целом², сама метафора «всемирная паутина», по сути, является одной из форм ризомной структуры, но на сегодняшний день логичнее говорить именно о

¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2010.

² Емелин В. А. Ризома и Интернет. URL: <http://emeline.narod.ru/rhizome.htm>

ресурсах Web 2.0 как о воплощении идеи Делёза и Гваттари. Рассматривая такие ресурсы, как «Wikipedia», «Livejournal», «ВКонтакте» и др., можно признать их потенциальную бесконечность, которая ограничена только техническими возможностями серверов и каналов. Все они построены по принципу возможности связать любую страницу с другой, и каждая из них имеет одинаковый функционал. Удаление одной страницы никак не повлияет на работу всего ресурса. Социальные связи или наличие гипертекстовой разметки приводят к ситуации, когда страница, не соединенная с другими, фактически не существует. При этом важно отметить наличие односторонних связей, при которых сама страница не ведет на другую, но при этом на нее есть ссылки. Отсутствие прямого копирования и возможность множества входов лежит в основе идеи UGC. Все это позволяет говорить о ризоматическом характере многих популярных ресурсов. Особое значение имеет тот факт, что подобные ризомы в сети играют большую роль: так, социальные сети, видеохостинги и торренты генерируют основную долю трафика, а если исключить из списка поисковые машины, то ризомные ресурсы окажутся самыми посещаемыми.

Фактическая бесконтрольность сетевой информации приводит к тому, что в Интернете представлен крайне широкий спектр мнений. И если публикация материалов в традиционной форме может вызвать общественный резонанс, например как в случае с учебником А. Вдовина и А. Барсенкова, то веб-материалы остаются незамеченными, а значит, возникает ощущение безнаказанности и вседозволенности. На просторах рунета можно встретить как радикальные варианты сталинизма, так и неонацистские оценки советского прошлого. На данный момент изучение «всемирной паутины» в целом и рунета в частности является актуальной, но недостаточно разработанной темой¹.

Историки, занимающиеся советским периодом, в основном изучают те явления, которые можно назвать негативными: репрессии, принуждение, войны, неэффективность экономики и т. д. При этом практически нет работ, которые были бы посвящены позитивным аспектам советской действительности. Исследования, посвященные

¹ Следует упомянуть проект Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media (URL: <http://www.digitalicons.org>), который активно разрабатывает данное направление.

темам спорта, радости, любви и т. п., делают акцент на манипуляции и использовании советской властью этих явлений в своих интересах.

В отличие такого негативного восприятия советского, которое существует в исторической литературе и государственной политике, в массовом сознании отчетливо артикулируется положительный образ СССР. Тоска по социалистическому прошлому характерна не только для России, ГДР и Югославия также являются символами самоидентификации в современных условиях. Часто это становится почвой для коммерциализации, так существует канал «Ностальгия», который позволяет совершить своеобразное путешествие в прошлое.

В рунете существует довольно большое количество ресурсов, которые направлены на репрезентацию позитивного образа СССР. Следует оговориться, что стоит разделить такую позитивность на две большие группы: 1) политическая – где апелляция к успехам СССР носит идеологический характер, обычно это связано со стремлением привлечь сторонников в левые организации или показать недостатки современной России через сравнение с Советским Союзом; 2) ностальгическая – когда люди вспоминают свое детство и юность, а также вещи, которые существовали в тот период.

Свидетельством популярности «советского» в современном рунете можно считать возможность выбрать своеобразный дизайн в самой популярной российской социальной сети «ВКонтакте». Помимо обычного списка языков (английский, французский, немецкий и т. д.), можно установить дореволюционный и советский. При выборе последнего вместо синего оформления начинают преобладать красные цвета, название социальной сети становится «ВСоюзе», а вместо привычных друзей, аудиозаписей, сообщений появляются товарищи, грампластинки, телеграммы и т. п. Вряд ли администрацию данного ресурса можно заподозрить в симпатии к советской власти, особенно если учесть, что 9 мая 2012 г. генеральной директор «ВКонтакте» Павел Дуров в своем микроблоге опубликовал сообщение «Народ гуляет. Еще бы – 67 лет назад Сталин отстоял у Гитлера право репрессировать население СССР»¹, что вызывало бурную дискуссию в рунете. Использование советского «большого стиля», в отсутствие его в современной России, делает его привлекательным как для «продавцов», так и для «потребителей».

¹ URL: <https://twitter.com/durov/status/200231477907169281>

В социальной сети «ВКонтакте» существует множество групп, которые можно назвать просоветские. Примером политического варианта является группа «СССР 2.0»¹. Название отсылает к известному термину Веб 2.0, который предлагает альтернативу стандартным сайтам, в том числе за счет использования контента, созданного пользователями. Таким образом, «СССР 2.0» можно рассматривать, как структуру, которая создается не сверху, а снизу. В информации о группе указано, что: «Группа автономна и не представляет ни одну из политических партий и движений. Мы выступаем за объединение всех левых сил в единый фронт борьбы за рабочее дело, за идеи Маркса и Ленина, за воссоздание нового СССР, за строительство мирового коммунизма»². Помимо этой глобальной цели, оргкомитет группы борется с «антисоветской и провокационной сектой “Суть времени”», которую возглавляет Кургинян. Так, в меню группы опубликовано обращение о предательстве Кургиняна после митинга на Поклонной горе в феврале 2012 г. Ему противопоставляют М. Калашникова, который наряду с Г. Зюгановым, Ю. Мухиным, С. Удальцовым, А. Лукашенко и В. Тюлькиным назван будущим лидером СССР 2.0.

Надо отметить, что большую долю контента в группе составляют материалы, критикующие современную власть в России. Так, из 73 видеоматериалов в группе непосредственно СССР посвящено всего 2. Столько же из 12 альбомов отдано исключительно СССР, это Искусство советской лаковой миниатюры и фильмы, снятые при И. В. Сталине, остальные изображения в основном направлены против В. Путина и «Единой России». Примерно такое же соотношение и в темах, которые обсуждаются в группе и в материалах, размещенных на «стене». Так, в июле 2012 г. большинство публикаций было посвящено наводнению на Кубани и действиям властей в этих условиях.

Поскольку группа «СССР 2.0» является открытой и нет модерации участников, возникает проблема выявления фейковых страниц при анализе состава пользователей. Так, например, среди руководства группы есть пользователь Shiva Shiva, а остальные 8 человек скрывают свои фотографии и данные.

В рамках традиционного источниковедения значительная роль отводится первичной критике источника. Но применительно к интернет-источникам необходимо использовать иной подход к первич-

¹ URL: <http://vk.com/vussr2>

² Там же.

ной критике. Главная задача здесь – выявить информацию, которая не содержится в самом тексте, но может оказать влияние на его интерпретацию. Например, если мы выясним имя автора «Слова о полку Игореве» без определения его социального или иного положения, данная информация не будет значить практически ничего. То же самое справедливо и для текстов, размещенных в сети. Раскрытие настоящего имени человека само по себе ничего не дает; вероятно, его самопозиционирование через сознательный выбор сетевого псевдонима будет более значимо для исследователя.

Более перспективной при работе с большими массивами текстов выглядит возможность не индивидуального подхода к каждому источнику, а выстраивание связей между ними, создание кластеров. В. Зверева применительно к социальной сети «ВКонтакте» предлагает обозначать их как «кольца ресурсов и пакеты выборов»¹, т. е. систему связанных перекрестными линками сайтов, которая подсказывает юзеру траекторию дальнейшего движения по сети. Исходя из этого, можно определить, в каких группах состоит пользователь, где он наиболее активен и т. п., и привязать его к людям со схожими интересами, встроить в определенные социальные связи. Таким образом, источник и его автор составляют часть корпуса текстов, который является объектом исследования.

Работать с интернет-документами тяжело не только в силу их разнородности, так, одна группа «ВКонтакте» содержит, помимо текстов, аудио-видео материалы, изображения, «креолизованные» тексты, гиперссылки и т. д., и в больших объемах. Интернет-источники можно рассматривать даже не как массовый, а как сверхмассовый источник. Традиционные приемы тут становятся слишком трудозатратными и. помимо разбора вручную, необходимы автоматизированные методы анализа. Примеры программных исследований уже есть, правда они относятся не к истории, а к социологии, так на основании профилей в социальных сетях выстраивался портрет участников митингов на Болотной площади и площади Сахарова². Используя схожие алгоритмы, можно автоматизировать значительную часть работы по сбору и структурированию материала.

¹ Зверева В. Сетевые разговоры. Культурная коммуникация в Рунете. Bergen, 2012. С. 212.

² Кто же все-таки был на Болотной и на Сахарова? Анализ профилей 20 000 участников митинга. URL: <https://basilisklab.com/boloto-analisis-posetitelei.html>

В группе «СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В НАШЕМ СЕРДЦЕ МАРК-СИЗМ|ЛЕНИНИЗМ|КОММУНИЗМ|СТАЛИНИЗМ|СССР|РО-ДИНА|ПАРТИЯ| РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМСОМОЛ»¹ состоит уже более 200 000 человек, при этом группа закрытая и в нее можно попасть только после того, как вашу заявку рассмотрит один из руководителей. Являясь самой большой группой, посвященной СССР, данное объединение прямо связывает себя с Революционным коммунистическим союзом молодежи (большевиков). Количество участников отражается на объеме материалов. Так, альбомов с изображениями там 114, во многих из альбомов находится более 500 фотокарточек, видеоматериалов более 2000 и т. д. Несмотря на количественную разницу, две группы принципиально не отличаются друг от друга и от множества им подобных объединений. Происходит мифологизация СССР в бартовском смысле, когда в трехчастной системе означающее—означаемое—знак, знак становится означающим и возникает вторичная семиологическая система в результате «похищения языка»². Советский период превращается в подобие «золотого века», в котором все было лучше, чем сейчас. При этом негативные стороны не упоминаются или находят оправдания в тезисе «цель оправдывает средства». СССР теряет свою историчность, он изымается из реального прошлого и помещается в некую сакральную темпоральность. Рассуждая об историческом событии в социальных сетях, В. В. Зверева указывает на разницу подхода к нему у профессиональных историков и у пользователей Интернета³. Для последних история в большинстве своем не проблемное поле, а функциональный аппарат для решения текущих вопросов. СССР, как положительный пример, в этом случае выступает как наиболее близко лежащий период, с которым можно сопоставлять современную Россию. Вряд ли сопоставления прожиточного минимума или количества смертей в 1912 и 2012 г. возымело бы действие.

Несмотря на то, что реакция пользователей социальных сетей тесным образом связана с «исторической политикой», она не может рассматриваться как часть ее. Поскольку большинство пользователей не являются представителями власти и не могут «навязывать» свою трактовку прошлого, что в свою очередь вызывает противопо-

¹ URL: <http://vk.com/club14407777>

² Барт Р. Мифологии. М., 2007. С. 368.

³ Зверева В. В. Историческое событие в сообществах сети «В Контакте». URL: <http://www.worldhist.ru/News/384/7857/>

ставление официальным инициативам в историческом пространстве. Социальные сети и другие интернет-ресурсы в большинстве своем оппозиционны, поскольку всемирная паутина оказывается единственным публичным полем, где они могут озвучить свою позицию. Властные группы, проводящие «историческую политику», в основном используют традиционные каналы распространения и закрепления информации, тем самым практически без сопротивления сдавая поле боя в Интернете. Отсюда возникает определенное противопоставление Интернета как единственного свободного канала обмена информацией и ТВ – «зомби-ящика», орудия манипуляции сознанием. Поэтому необходим некий термин, который может описывать различие в понимании прошлого – «историческое разномыслие» или «темпоральные идеологии».

Современное виртуальное пространство является визуально ориентированным, поэтому изображения играют не меньшую роль, чем тексты. В связи с этим можно выделить особую форму UGC, которую можно обозначить как «демотиваторы». Они представляют собой изображения, снабженные надписью, классический вариант предполагает, что картинка помещается в черную рамку, на которой размещается текст из белых букв. Демотиваторы относятся к «креолизированным текстам». Данный термин был предложен Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым: «Тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной, принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)»¹. Секрет популярности как раз и заключается в двойственной природе, современный Интернет делает ставку не на тексты, а на изображения, большинство пользователей не готовы, а часто и не могут осознать большой объем информации, появляются даже устойчивые фразы «многобукаф» и «ниасилил». Короткие тексты демотиваторов усаливаются и подкрепляются визуальной составляющей, а она в свою очередь использует текст для правильной дешифровки изображения. В большинстве своем демотиваторы носят комический характер, но могут использоваться и в идеологических целях, в этом они близки с группами в социальных сетях, о которых писалось выше. Так, существует сайт «Красный Демотиватор»², который позиционирует себя через слоган «только идеологически

¹ Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–181.

² URL: <http://www.reddem.ru/>

выдержанные демы!»), идеологическая составляющая проявляется не только в названии, но и в оформлении, поскольку вместо традиционного черного фона используется красный. Каждый желающий может по шаблону создать свой демотиватор и поместить его на данном ресурсе, в июне 2012 г. их насчитывалось около 5880. Условно их можно разделить на три группы: 1) против существующего режима; 2) против Запада и НАТО; 3) величие СССР. Третий вариант в контексте данного текста наиболее интересен. Большинство сюжетов, которые используются в рамках позитивного образа СССР, вполне традиционны, это победа в Великой Отечественной войне, освоение космоса, успехи ВПК, социальная система и т. п. В любом случае достижения Советского Союза не имеют ценности сами по себе, они обретают символическую ценность, только в особой сетке координат, где присутствует другой объект, будь то современная Россия или США с Европейскими странами.

Вторая группа интернет-ресурсов, которую можно назвать, «ностальгической»¹, является противоположностью первой. Отсутствие идеологической подоплеки сменяется тягой не к абстрактным образам, а к конкретным вещам, своеобразным историческим фетишизмам. Через предметы советского быта люди пытаются вернуть кусочек своего прошлого, совершить путешествие назад во времени. Если для представителей «идеологического» направления СССР из прошлого должен быть перенос в будущее, дабы наступил новый «золотой век», лишенный недостатков реального Советского Союза, то «ностальгирующие» хотят восстановить атмосферу именно реального СССР, с пониманием его недостатков, но делая акцент на приятные воспоминания детства и юности. По этому принципу строится популярный проект Л. Парфенова «Намедни», когда события «большой» истории перемежаются эпизодами обыденных практик.

С 2005 г. в рунете существует проект «76-82: энциклопедия нашего детства». Создатели ресурса определяют его так: «Этот сайт посвящен воспоминаниям людей, которые родились с 1976 по 1982 год. Скажем сразу, границы “76-82” условны, потому что детство тех, кто родился в 1970-м мало чем отличается от детства рожденных в 1976-м. Так что этот проект для всех, кто вырос в огромной стране под названием СССР. Так из чего же были сделаны те мальчики и те девочки? Они мечтали о детской импортной железной дороге, гово-

¹ Ностальгия – это тоска по Родине в географическом понимании, но в данной статье будет использоваться расширительная трактовка, которая еще не является нормой.

рящей кукле, пахнущих фруктами фломастерах и удивительных жевательных резинках, называемых “бабл-гам”. Они созывали друзей и съедали за день горы котлет, приготовленных родителями на неделю, втихаря наряжались в вещи, купленные “на вырост”, рисовали бумажных кукол и передирали фасоны одежды для них из утащенных у мам журналов мод, разбавляли фломастеры одеколоном, чтобы те дольше писали, и ели пасты “Ну, погоди!” и “Чебурашка”, потому что они вкусно пахли. Они до сих пор точно знают, что советский лимонад вкуснее всего на свете, и предпочитают мороженое в вафельном стаканчике...»¹ То есть ресурс ориентирован на людей, которые родились в период так называемого «застоя», когда уровень жизни был приемлемым и стабильным. Сейчас они находятся в зрелом возрасте и имеют желание и возможности совершить путешествие в прошлое. Конечно, сайт, созданный компанией, не может относиться к UGC, поскольку информация для него подбирается сотрудниками. Но параллельно с сайтом существует комьюнити в Live Journal (в дальнейшем будем использовать принятое в рунете сокращение ЖЖ) 76–82², которое функционирует за счет материалов участников сообщества. Следует сказать, что интересы сообщества охватывают не только советский период. Так, например, там можно встретить рекламу ваучерных фондов и финансовых пирамид 90-х. Сообщество создано вместе с сайтом в 2005 г. и за это время было опубликовано более 19 000 записей, которые получили более 400 000 комментариев. Участниками сообщества являются около 10 000 пользователей ЖЖ и еще столько же посещают данное сообщество. Такие количественные показатели позволяют данному комьюнити занимать 31 место в рейтинге всех сообществ в русскоязычном сегменте ЖЖ, показывая, что «ностальгия» по хорошему СССР является популярным явлением. В описании указаны интересы, общим количеством 108 штук³, приведем несколько: «ласковый май», «пионерская правда», газовый баллончик, делать «секретки», делать крапивку, записывать музыку с телевизора, игрушка «электроника», квас из бочки, китайские платья на выход, копирка, облизывать батарейки, отмечать в телепрограмме мультики, прически «мальвины», собирать фантики, стрижка за 40 копеек, тетя валя, турбо, ходить в кружки, шампунь кря-кря. За исключением журналов, в интересах не упо-

¹ URL: <http://www.76-82.ru/project/>

² URL: <http://76-82.livejournal.com/>

³ URL: <http://76-82.livejournal.com/profile?mode=full>

минается ничего, связанное с КПСС или идеологией, она вынесена за скобки вещей, которые вместе с Советским Союзом исчезли из обихода, и многие посты посвящены просьбам, где можно купить или достать тот или иной товар. Существует специально созданная подборка наиболее часто запрашиваемых тем со ссылками, где можно скачать или посмотреть необходимую информацию, тоже ограничимся несколькими примерами: игра «Ну, погоди!», х/ф «Хон Гиль Дон», песни из отечественных фильмов и мультфильмов, программа телепередач на 25–31 марта 1985 года, вкладыши и фантики, газировка из сифона, томатное мороженое, похороны первого секретаря и отмена «Спокойной ночи, малыши», диафильмы, «Зыко» (зыкинско), «ребза», «зырить», «тубзик», Новогодние елки. Кремлевская в том числе, детский сад и кормежка¹. Интересно, что даже похороны первого секретаря, хотя Л. И. Брежнев был генеральным секретарем КПСС с 1966 г., увязаны с отменой любимой детской передачи, этот факт становится более значимым для индивидуального сознания, чем смерть руководителя партии.

В сообществе «Предметы советской жизни»², которое менее популярно и занимает 52 место, насчитывая примерно по 5000 участников и читателей, указывается, что: «Предметы советской жизни в фотографиях, картинах советских художников и в ваших воспоминаниях. Вещи, предметы быта, мебель, кухонная утварь, скамейки во дворе, дом, в котором вы жили, детский сад, игрушки, автомобили тех лет, будильники, телефоны, косметика, флакончики, баночки, ценники, проездные билеты, театральные программки, косынки, шапки, пальто, вешалки, удостоверения, значки, марки, этикетки, пионерские галстуки, школьные дневники – ВСЕ СОВЕТСКИЕ ПРЕДМЕТЫ. И, конечно, ваш комментарий-воспоминание. Сообщество создано не для споров, кому жилось лучше или хуже, и вообще не для политики, а чисто о приметах времени!»³ Артефакты советского прошлого обретают ценность, когда личный опыт отдельного человека становится частью коллективных воспоминаний. Единичные случаи, например воспоминания детей дипломатов, которым родители могли привозить американские жвачки, вряд ли будут востребованы, а вот рассказы о том, как жевать гудрон, найдут множество откликов, ибо данный эпизод станет точкой пересечения индивидуальных биогра-

¹ URL: <http://76-82.livejournal.com/5324726.html#cutid1>

² URL: <http://soviet-life.livejournal.com>

³ URL: <http://soviet-life.livejournal.com/profile>

фий. Публичная артикуляция воспоминаний может приводить и к их замещению, когда люди начинают вспоминать то, что вспоминают другие, корректируя собственный опыт.

Популярным мотивом является возвращение в город / улицу / дом детства. В таком случае от описания отдельных предметов переходят к совокупности, начиная от топографии и архитектуры, заканчивая общей атмосферой: запахами, развлечениями, погодой и т. д. В заключении таких описаний идет рефрен о потерянном месте, которое перестроилось, испортилось, исчезло. Именно утрата запускает цепочку воспоминаний, ибо если бы из нашего обихода не исчезли многие вещи, то не было бы поводов к «ностальгии».

Пользователи таких сообществ создают свой собственный СССР, лишенный идеологической окраски, даже публичные атрибуты вроде демонстраций или приема в пионеры оказываются деидеологизированы памятью.

Особой формой «ностальгии» является публикация фотографий из домашних архивов, журналов и различных авторских подборок. Одной из самых больших коллекций фото является комьюнити «1922–1991: СССР в фото»¹ более 2200 записей, в которых часто содержится более 10 фотографий, так что общее количество трудно подсчитать. Если рассматривать по годам, то фото 20–50-х годов, были опубликованы 265 раз, 50–60-х – 193, 60–70-х – 208, 70–80-х – 198 и 80–90-х – 192. Если разбирать другие метки, которые имеются в сообществе, то их всего 67, включая те, которые были приведены выше. При этом следует помнить, что в одной записи может быть несколько меток, так, в записи «ВДНХ–72»² присутствуют метки: 70–80-е, ВДНХ, дети, домашние фотоальбомы. Самые популярные не хронологические метки это: Москва – 288, транспорт – 202, армия – 146, ВОВ – 129, домашние фотоальбомы – 124. Последняя группа наиболее интересна, поскольку ресурсы, подобные ЖЖ позволяют получить доступ к информации, которая раньше была трудно достигаема. Практически в каждой семье есть свои фотоальбомы, которые хранят воспоминания, прежде всего о советском прошлом. Фотографии вызывают у пользователей гораздо больше откликов, чем текстовая информация, поскольку считывается проще и быстрее. Фотография выступает как зеркало в прошлое, причем в светлое прошлое. На фотографиях из семейных альбомов обычно

¹ URL: <http://cccp-foto.livejournal.com/>

² URL: <http://cccp-foto.livejournal.com/594449.html>

запечатлены радостные моменты жизни, много фотографий с мест отдыха. Вынося подобные фотографии на всеобщее обозрение, участники сообщества закрепляют воспоминание об СССР в позитивно-ностальгических тонах.

Подводя итог, следует сказать, что историки только приближаются к Интернету как к источнику, пока нет ни четких методов, ни проверенных инструментариев работы с ним, да и бурное развитие технологий приводит к постоянным изменениям в нем, то, что было актуально вчера, завтра уже будет всеми позабыто. В рамках данного текста были намечены определенные тенденции использования Интернета как исторического источника, хотя множество проявлений UGC осталось за пределами текста. Так, в сферу анализа не попали каналы на видеохостингах, создание и ведение профилей в различных сервисах за известных исторических персонажей, веб-комиксы, мемы и т. п. Сетевое пространство, по сути, представляет собой Terra incognita, которая нуждается в своих первопроходцах.

СССР в сети представлен не только с положительной стороны, есть множество групп либерального, православного или националистического толка, для которых СССР – это Империя зла. Им как раз противостоят представители «идеологической» группы, которые вступают в «войны памяти», пытаясь не столько опровергнуть мнение противников, сколько распространить свою трактовку на неопределившееся большинство. Академический подход к советскому прошлому и противниками, и сторонниками СССР используется двойко, с одной стороны, и те и другие используют материалы из работ историков, правда, выборочно, подбирая нужные им данные, с другой – традиционная историография рассматривается как искажающая истину в тех или иных интересах.

«Ностальгический» вариант делает СССР уютным и домашним. Вариант, где автоматы с газводой важнее партийных съездов, для многих является удобным способом примерить прошлое с настоящим. Существуют критики, которые говорят о том, что такая форма еще более опасна, поскольку, когда мы смотрим на улыбающиеся лица физкультурников 30-х годов, можно забыть о ГУЛАГе, а воспоминания о поездке с родителями по профсоюзной путевке на Черное море не отражает преследование инакомыслящих и т. п. Игорь Цесельский, говоря о моде на советское детство, отмечает, что в значительной степени этому подвержены люди, которым сейчас около 35–40, и на момент распада СССР им было по 13–15 лет. Он счита-

ет, что причина идеализации своего детства кроется в неосознанном протесте против настоящего¹.

Можно отметить, что в современности происходит переосмысление советского прошлого, если в 90-х годах был сильный дискурс разрыва с советским и на первый план выходили минусы бывшей страны и режима с целью оправдания радикальных реформ, то сейчас, скорее, идет разрыв с «лихими 90-ми». Переход от хаоса к порядку, одним из эталонов которого является СССР, выступает и как образ Империи, противостоящий Западным агрессорам. И в медийном пространстве, например, на современном российском ТВ мощным трендом становится актуализация культурного советского наследия². Схожие тенденции наблюдаются и в сетевом поле. СССР, лишенный идеологии, становится понятным и родным. Хотя и в «идеологическом» и в «ностальгическом» варианте образ СССР, созданный пользователями, имеет мало общего с прошлым. Правда, это можно считать закономерным процессом, ведь каждое поколение пишет свою собственную историю, но если раньше это делали специально обученные люди, то сейчас каждый желающий может поучаствовать в этом и теперь историкам нужно конкурировать не только между собой, но и с огромной армией энтузиастов, имя которым легион.

¹ Цесельский И. Хочу в СССР. URL: http://professional.ru/Soobschestva/rozhdyonnye_v_ssr/hochu-v-ssr

² См. Приложение: Образы советского в современной отечественной массовой культуре.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Коммунизм как образ будущего в официальном советском дискурсе	15
§ 1. Краткий экскурс в советский коммунистический дискурс	15
§ 2. Задача создания материально-технической базы коммунизма	32
§ 3. Общественные отношения и человек коммунистического будущего	51
Глава 2. Медиаторы коммунизма	74
§ 1. «Верной дорогой идете, товарищи!»: Официальная пропаганда коммунистического дискурса	74
§ 2. Художественный текст как окно в «светлое будущее»	99
Глава 3. Коммунистические ожидания населения СССР	122
§ 1. Коммунизм и массы: основные точки пересечения	122
§ 2. Варианты рецепции идеи коммунизма советским населением	135
§ 3. «Скептический» дискурс населения о коммунизме	164
Заключение	175
Приложения	179
«Смех в зале»: комическое на партийных съездах (1950–1960-е гг.)	179
Политэкономические приключения Незнайки и его друзей. . .	190
Образы советского в современной отечественной массовой культуре	198
СССР, созданный пользователями: интернет–рецепция советского прошлого	207

Научное издание

История сталинизма

Фокин Александр Александрович

**«Коммунизм не за горами».
Образы будущего у власти и населения СССР
на рубеже 1950–1960-х годов**

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *Е. Л. Бородина*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Корректор *Е. Л. Бородина*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 09.10.2017.

Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 14,0.

Тираж 1000 экз. Заказ 7409.

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),

8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59